

ВИДѢННОЕ, СЛЫШАННОЕ,
ПЕРЕДУМАННОЕ

И
ПЕРЕЧУВСТВОВАННОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

ВОСПОМИНАНІЙ ПРОШЕДШАГО.

Автора Провинціальныхъ Воспоминаній.

МОСКВА.

Типографія Мартынова, на Тверской ул., д. Логотниковой.
1892.

ОТЪ АВТОРА.

Подъ общимъ названіемъ: „Лицевая и оборотная сторона одной и той же медали“, въ первыхъ двухъ рассказахъ: „Какъ губельны для молодыхъ женщинъ дурныя знакомства“ и „Печальныя послѣдствія принужденія къ браку“, я хотѣлъ изобразить два крайніе момента, подъ влияніемъ которыхъ женщина отдается мужчине: чувственность и любовь. Какъ ни различны эти побудительныя причины, послѣдствія ихъ часто бываютъ одни и тѣ же: женщина теряетъ уваженіе къ самой себѣ.

Три встрѣчи составляютъ эпизоды изъ моей собственной жизни; они описываютъ Кирьякову, княжну Настасью Щербатову и Макеровскую, мою первую жену. Съ этой женой я прожилъ 30 лѣтъ, и, не смотря на этотъ долгій срокъ, мнѣ ни разу не было повода быть ею чѣмъ нибудь недовольнымъ. Это было ангельское созданіе: скромна въ высшей степени — сама кротость, сама любовь, само самоотверже-

2007336072

58175-0

ніе. Она, когда меня вытребовали въ Третье Отдѣленіе и сослали въ Вятку, выручила меня изъ ссылки, и я знаю, чего стоило ей это при ея скромности, застѣнчивости и даже робости; — такихъ женщинъ, а тѣмъ болѣе женъ или нѣтъ вовсе, или очень и очень мало; поэтому я былъ совершенно правъ, начертавши на ея могильномъ памятникѣ въ Андроньевомъ монастырѣ: „благородная дочь, жена и мать, — она оставила послѣ себя на землѣ неутѣшную скорбь и слезы“. (Тутъ слово „благородная“ помѣщено, конечно, не въ смыслѣ рожденія.) Дѣлаю исключеніе для моей второй жены (Бѣллевой), которая, не смотря на мои преклонные лѣта (73 года), дѣлѣяла меня такъ, какъ только можно дѣлѣять человѣка, начинающаго уже разрушаться. О трехъ замѣчательныхъ личностяхъ я не только слышалъ, но онѣ были мнѣ лично извѣстны. Прологъ написанъ мною для представленія на домашнемъ театрѣ въ семействѣ Макеровскихъ, когда они хотѣли почтить этимъ представленіемъ именины своего отца.

И. Селивановъ.

Замѣтка по поводу картины рода Шереметьевыхъ.

По вопросу, откуда взялось названіе фамиліи Шереметьевъ, тогда какъ родоначальникъ ихъ былъ Кобыла и Кабила, авторъ книги „рода Шереметьевыхъ“ допускаетъ догадку, что Шереметьевыми взята эта фамилія въ честь какого-то знаменитаго военачальника въ турецкихъ войскахъ, по имени Шереметь, что будто бы было въ древности въ обычаѣ.

Я позволю себѣ замѣтить, что по моему мнѣнію не было никакой надобности искать такъ далеко и въ чужомъ государствѣ, а поискавши у себя дома, мы пашли бы, что у Вятичей или Вотяковъ, прежде принятія ими христіанства, былъ богъ Кереметь, о чемъ Шереметьевы могли знать, когда, по приказанію царей, ходили воевать на сѣверо-востокъ Россіи Мордву, Вятичей и другіе дикіе народы, заселявшіе тогдашнюю Беармію. Со времени посѣщенія Вятичей Новгородцами, они получили названіе Хлыновцевъ. Явленный образъ Николая Чудотворца,

пайденный въ дремучихъ лѣсахъ Вятской губерніи и при томъ высокой итальянской работы, былъ вытребованъ отсюда, ежели не ошибаюсь, Іоанномъ IV, и послужилъ предлогомъ въ Москву, гдѣ, въ память его посѣщенія, была выстроена церковь въ Москвѣ, на Мясницкой, Николая Чудотворца Хлыновскаго.

Картина рода Шереметьевыхъ.

Въ началѣ 30-хъ годовъ отецъ мой, жившій въ своей усадьбѣ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, сельцѣ Любаво, пошелъ, у себя дома, на чердакъ и тамъ увидалъ незамѣчаемый имъ прежде, на половину зарытый въ разный хламъ, большой кусокъ полотна. Это его удивило, какъ онъ его не замѣчалъ прежде, а положить его туда въ недавнее время не было возможности: ходъ на чердакъ былъ изъ его комнаты, въ которой онъ находился постоянно и слѣдственно пройти туда, безъ того чтобъ онъ не видалъ проходившаго, не было возможности. Эти соображенія заставили отца рассмотреть этотъ зарытый въ пыль и довольно грязный кусокъ, на которомъ онъ, къ немалому удивленію, увидалъ слѣды какихъ то рисунковъ. Это вынудило его взять это полотно, снести его съ чердака и отдать вымыть. Когда его принесли изъ мытья, оказалось что это была картина, гравированная на полотнѣ, аршина 3 длиною и аршина 2½ вышиною, изображающая въ верхней половинѣ бога Саваооа на облакахъ, нѣсколько пониже его—сонмъ святыхъ, изъ которыхъ я особенно помню Андрея Первозваннаго, такъ какъ тутъ находился и крестъ, на которомъ онъ былъ распятъ. Изъ облаковъ, на которыхъ находились они, исходили молніи, теряющіяся въ пространствѣ. Въ нижней части картины, на землѣ лежалъ человекъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ, т. е. латахъ

и шлемъ и у него изъ живота росли два масличныхъ дерева, раздѣляющіеся по обѣимъ сторонамъ картины такъ, что середина была открыта и на ней изображено было взятіе войскомъ укрѣпленныхъ городовъ, ряды воиновъ и клубы дыма. Подъ рыцаремъ въ латахъ подписано было Видевито—король Борусскій, а на масличныхъ деревьяхъ висѣли медаліоны съ изображеніемъ въ немъ фигуръ—съ надписью различныхъ имянъ, съ фамиліей Шереметьевъ*). Впрочемъ, не всѣ медаліоны были съ изображеніемъ Шереметьевыхъ; — были и постороннія лица, нѣкоторые носили даже странныя и непонятныя названія: такъ напр. изображена была женская фигура и подъ ней подпись Кобила.

Когда я пріѣхалъ на лѣто въ деревню—отецъ, по просьбѣ моей, подарилъ мнѣ эту картину, такъ какъ я имѣлъ въ виду пожертвовать ее въ музей, какъ историческую рѣдкость. Пріѣхавши въ Москву, я отвезъ ее показать моему пріятелю Николаю Семеновичу Селивановскому, который упросилъ меня оставить ее у него на нѣкоторое время—что я и сдѣлалъ. Долго была она у него—года два; когда я ее спрашивалъ—онъ всегда упрашивалъ меня оставить ее ему еще на нѣкоторое время...

Затѣмъ онъ заболѣлъ и умеръ. По просьбѣ моей, вдова его искала эту картину, но ее въ оставшихся послѣ него вещахъ не оказалось, и я увѣренъ, что это справедливо. Скорѣе всего, Селивановскій или самъ пожертвовалъ ее куда нибудь въ музей — или просто отдалъ Шереметьевымъ, которымъ лестно было происходить отъ короля.

Не помню кто-то (это было такъ давно) говорилъ мнѣ что картина эта была поднесена Шереметьеву Петромъ Могилой—и что бывшая у меня, была, вѣроятно, копія съ нея.

*) Изъ повѣствованія Колычева видно что Прусской король Прутенко въ 273 году по Р. Х. отдалъ свое королевство брату своему Вейдеуту. Книга—родъ Шереметьевыхъ стр. 5 и 6

Какъ губельны для молодыхъ женщинъ дурныя знакомства.

Молодая женщина задумалась.

— О чемъ тутъ думать? вскричала весело Александра Тимофѣевна.—Домино у тебя есть и, надо сказать, очень приличное: атласъ да кружево, — чего же больше? бархатная маска идетъ къ тебѣ какъ нельзя лучше, такъ что узнать тебя и думать нечего... Чего-жъ тебѣ хочется еще, скажи пожалуйста? Сознайся лучше, что ты капризничаешь, и не хочешь ѣхать съ нами, вѣрно потому, что у тебя есть какія нибудь другіе, тайные замыслы, въ которыхъ тебѣ не хочется сознаться...

— О! совсѣмъ нѣтъ! отвѣчала торопливо молодая женщина.

— А ежели нѣтъ, продолжала Александра Тимофѣевна,—что-жъ можетъ тебя удерживать? Мы отлично повеселимся нынѣшній вечеръ. Ужъ навѣрно и Иванъ Александрычъ, и Аполлонъ Семенычъ, и Эдуардъ Адольфовичъ, всѣ будутъ тамъ. И вдобавокъ, они, безъ сомнѣнія, будутъ такъ любезны, что угостятъ насъ хорошимъ ужиномъ... А отъ этого право глупо отказываться...

Молодая женщина долго молчала, потомъ съ усиліемъ,

какъ бы противъ воли, промолвила тихо, почти шопотомъ, слегка покраснѣвшись:

— Не знаю, понравится ли это моему мужу? Онъ врагъ маскарадовъ...

— Мужу? закричала съ громкимъ хохотомъ Александра Тимофѣевна.—Да ты отъ какого полюса земнаго шара пожаловала сюда? Мужу! Да развѣ въ настоящее образованное время кто нибудь обращаетъ вниманіе на мужей? Это было бы смѣшно... Подобная глупость существовала когда-то, очень давно; теперь слава Богу этого нѣтъ, и обращать теперь вниманіе на мужей, значило бы отречься отъ цивилизаціи нашего умнаго XIX столѣтія. Да и что такое мужъ, скажите пожалуйста? Это больше ничего, какъ средство являться прилично на вечера; средство имѣть экипажъ, ложу въ оперу—и ничего больше.... Я и думать-то объ этомъ не стала бы, понравится ли мужу, что я ѣду въ маскарадъ, или не понравится. Достаточно того, что это *мнѣ* нравится. Неужели въ самомъ дѣлѣ дѣвушка, вышедъ замужъ и наживая себѣ такимъ образомъ какого-то цензора своихъ поступковъ, что ужъ одно есть страшная тягость, — должна еще думать и обращать вниманіе—понравится ли или не понравится ему ея образъ жизни. Смѣшно бы это было! Да и что такое мужъ, ежели сказать правду? Дуракъ, который чортъ знаетъ изъ чего взялъ на себя обязанность заботиться объ женщинѣ, чтобъ ей было хорошо на свѣтѣ... А ежели не хорошо, такъ развѣ у ней нѣтъ возможности отомстить на немъ свою неудачу и все-таки жить весело?...

Молодую женщину какъ будто озадачили эти слова. Въ первый разъ касались они ея слуха. Честная душа ея возмущалась ими; мнѣніе мужа она *досель* считала чѣмъ-то священнымъ, чѣмъ-то такимъ, что составляло

цѣль ея жизни. Она задумалась невольно. Ей казалось, что она не хорошо понимаетъ смыслъ слышанныхъ ею словъ; она вдумывалась въ нихъ, какъ вдумываются во что-то новое, неожиданное, пожалуй даже враждебное...

Такъ какъ она молчала, то Александръ Тимофѣевичъ была полная свобода продолжать.

— Я не понимаю, начала она,—откуда у тебя являются такія допотопныя понятія. Неужели въ самомъ дѣлѣ Богъ создалъ женщину для того, чтобъ она цѣлую жизнь исполняла чужую волю, а своей собственной волѣ не смѣла бы дать ни малѣйшаго мѣста? Это значило бы добровольно отречься отъ того прирожденнаго человѣку чувства свободы, которое составляетъ лучшее его достоинство; которое признано передовыми людьми цѣлью жизни и безъ котораго слѣдственно и нѣтъ жизни. Какая же тутъ будетъ свобода, ежели я должна соображаться съ прихотью другаго и не дѣлать того, что *мнѣ* кажется лучшимъ?

Молодая женщина осмѣлилась замѣтить:

— Мой мужъ такой образъ мыслей называетъ нигилизмомъ.

— Твой мужъ колпакъ! закричала съ досадой Александра Тимофѣевна.—Я знаю, что для мужчинъ угнетеніе бѣдной женщины есть первое и неотъемлемое право. Нигилизмъ! Да что такое нигилизмъ-то? Слово, пустой звукъ, который они выдумали для того, чтобъ пугать людей до такой степени глупыхъ, что они боятся его какъ какого-то грознаго привидѣнія и изъ-за этой боязни позволяютъ дѣлать надъ собою что угодно. Пусть называютъ это нигилизмомъ, социализмомъ или какъ тамъ хотятъ—мнѣ это совершенно все равно, — я утверждаю и буду утверждать, что женщина имѣетъ такое же право на свободу и счастье какъ и мужчина, и ежели она имѣетъ возможность найти это счастье цѣною удовольствія — тѣмъ

лучше; вопреки ихъ застарѣлымъ предразсудкамъ, она имѣетъ на это полное и неотъемлемое право...

— Надобно, чтобъ желанія были разумны... робко замѣтила молодая женщина.

— Разумны! Да развѣ быть счастливу не есть высшая разумность? А какимъ путемъ достигну я этого счастья—кому что до этого за дѣло? Это дѣло мое и я не позволю никому въ это вмѣшиваться. Посмотрѣла бы я, какъ мой мужъ,—ежели-бъ я имѣла несчастіе быть еще замужемъ,—осмѣлился вмѣшиваться въ мои удовольствія, даже въ мое препровожденіе времени. Я бы его отбрила такъ, что онъ въ другой разъ даже не смѣлъ бы и заикнуться объ этомъ.

Молодая женщина не выдержала.

— Честная женщина, сказала она громко и съ достоинствомъ, — обязана соображаться съ желаніемъ мужа. Ежели она свободно выходила замужъ, то также свободно должна она желать, чтобы ея желанія были согласны съ желаніемъ ея мужа, такъ какъ и въ писаніи сказано: хотя двое, но плоть одна.

Александра Тимофѣевна залилась громкимъ смѣхомъ.

— А! ужъ и до писанія дошло! Поздравляю! Только этого не доставало. Значить, тебѣ надо донть коровъ, ежели твоему мужу вздумается заставить тебя быть скотницей; значить, тебѣ надобно сдѣлаться экономкой, кухаркой, нянькой, ежели ему, въ его олимпійскомъ величіи, придетъ фантазія пожаловать тебя въ эти великіе чины... Смѣшно и грустно слушать! Да гдѣ твоя женская гордость, скажи пожалуйста?... Или ты, вышедъ замужъ, превратилась въ самый дѣлъ въ работницу—то-есть жалкую рабу всѣхъ своекорыстныхъ фантазій, которыя придутъ твоему благовѣрному супругу въ голову? Развѣ ты не понимаешь, что ему хочется поработить твое тѣло и душу,—

всю тебя наконецъ; все, чѣмъ ты отличаешься отъ бессмысленнаго животнаго, для того, чтобъ властвовать надъ тобой, какъ властвуютъ надъ этимъ животнымъ. Да и чѣмъ, скажи пожалуйста, будешь ты отличаться отъ скота, ежели не будешь имѣть *своей* воли; не будешь смѣть выѣхать куда *тебѣ* хочется, одѣться какъ *тебѣ* вздумается быть знакомой съ тѣми, съ кѣмъ, *ты сама* признаешь за лучшее?—Или тебѣ надо вѣчно, какъ ученицъ въ классѣ, спрашиваться: *permettez moi de sortir*?

Молодая женщина стала въ тупикъ. Хотя она и чувствовала по своей благородной натурѣ, что Александра Тимофѣевна говоритъ вздоръ, потому что смѣшиваетъ понятія, которыя смѣшаны быть не могутъ,—однако у ней не достало твердости возражать ей. Ей стало совѣстно защищать *отсталыхъ*, какъ выражалась Александра Тимофѣевна, понятія; свойственная челоуѣку боязнь прослыть за отсталаго, быть предметомъ насмѣшки, остановила ее. Она не возражала даже и тогда, когда Александра Тимофѣевна съ этою энергіею, которая дается людямъ для того, чтобъ губить другихъ, *) прибавила:

— Но ежели ты *боишься*, (при этомъ она сдѣлала презрительную гримасу) своего мужа, такъ что-жъ тебѣ мѣшаетъ сдѣлать это такъ, чтобъ онъ не зналъ этого? Мы поѣдемъ въ маскарадъ въ 10 часовъ; ты тамъ пробудешь часа два—это будетъ 12 — и потомъ воротись и скажешь, что тебя задержала какая нибудь пріятельница, танцы, игра, или что нибудь подобное; потомъ приласкаешь его хорошенько — и твой Аргусъ разнѣжится и не только повѣритъ тебѣ во всемъ, но даже, пожалуй, осчастливитъ поцѣлуемъ.

*) Наполеонъ I; Бисмаркъ и др.

— Обманывать! шепнула, вздрагивая невольно, молодая женщина.

— Ну да, обманывать! Такъ что-жь? И почему же нѣтъ? подхватила поспѣшно Александра Тимофѣевна. — Развѣ обманъ, съ доброй цѣлью, не допускается всѣми и не есть также доброе дѣло? Развѣ не лучше обмануть, чтобъ только не нарушить домашней тишины, нежели не обмануть и имѣть за это всевозможныя оскорбленія? Развѣ цѣль не оправдываетъ средства? Да поймешь ли ты наконецъ, что надо *жить*, т. е. пользоваться жизнью, что это надо цѣнить выше всего и гораздо важнѣе всѣхъ вашихъ заоблачныхъ мечтаній о мужѣ, его правахъ, обязанностяхъ женщины и чортъ знаетъ о чемъ еще... Впрочемъ, толковать о томъ — понравится ли твоему мужу твоя поѣздка въ маскарадъ или не понравится — вовсе не мое дѣло; оно касается тебя и вмѣшиваться въ него мнѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Мое дѣло теперь узнать только отъ тебя: ѣдешь ты съ нами въ маскарадъ или не ѣдешь? Ёдешь — мы хорошо и пріятно проведемъ вечеръ; не ѣдешь — убійственная тоска, съ еще больше убійственнымъ ворчаніемъ мужа въ добавокъ, ежели онъ къ несчастію проигрался въ клубъ, — вотъ что ожидаетъ тебя дома. Если ты желаешь быть въ числѣ отсталыхъ и хочешь, чтобъ на тебя показывали пальцами, — советую тебѣ остаться, а то, чего добраго, маменька розгой еще высѣчетъ...

И она сопровождала эти слова одной изъ тѣхъ ядовитыхъ улыбокъ, въ смыслѣ которыхъ ошибиться было нельзя и которая, больше нежели что нибудь, заставила молодую женщину рѣшиться. Быть предметомъ насмѣшекъ показалось ей ужаснымъ...

— Я вду! сказала она рѣшительно.

Чтобъ сказать это слово, ей надо было пережить страш-

ная мгновенія борьбы съ собою. Тѣмъ не менѣе слово было сказано: первый шагъ на пути порока былъ сдѣланъ.

II.

Народная мудрость, выражающаяся въ пословицахъ и поговоркахъ, давно уже сказала, что на пути порока труденъ только первый шагъ. Возмущившись сначала при мысли обманывать мужа, молодая женщина вскорѣ привыкла къ ней и съ усердіемъ новопосвященной, принялась приводить въ порядокъ подробности своего туалета; когда же съ Александрой Тимофѣевной, — обѣ замаскированныя, — вошли онѣ въ залу маскарада, то перестала обѣйней вовсе и думать. Да и до того ли было, посудите сами? Зала была улита огнями; сверху откуда-то лились звуки, то нѣжные, какъ вздохи любви, то страстные, какъ жаркіе поцѣлуи новобрачнаго, восторженные, оглушительные, увлекающіе... Вмѣстѣ съ ними душа и сердце переходили постепенно отъ самыхъ сладостныхъ и одуряющихъ ощущеній, къ самымъ порывистымъ и дикимъ потребностямъ движенія: бѣшеному вальсу или болѣе бѣшеному канкану... Кругомъ была давка; все это пѣло, тѣснилось, болтало, смѣялось и прыгало безъ устали, въ какомъ-то вакхическомъ опьяненіи чувствъ, въ которомъ человѣкъ теряетъ голову и забываетъ самъ себя, отдаваясь невольно и дѣлаясь рабомъ и сладострастія свѣта, и обаянія музыки, и нѣги лстивыхъ словъ, огненныхъ взглядовъ, упоительныхъ признаній, — этой наконецъ нѣвжащей атмосферы любви, подъ вліяніемъ которой невозможно ни мыслить свободно, ни дать себѣ отчетъ въ ощущеніяхъ сердца... Тутъ человѣку остается только или уйти отъ искушенія, если у него достанетъ на это силы, или поддаться вполне его очарованію...

Все это было и съ бѣдной молодой женщиной... Да и могло ли быть иначе? Кругомъ нея, у ней надъ ухомъ раздавались какія-то льстивыя, огненные рѣчи, отъ которыхъ ей становилось нестерпимо душно и жарко; сердце билось сильно въ борьбѣ съ необъяснимой тревогой; чувства были сильно возбуждены... ей хотѣлось бы можетъ быть и плакать, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей пріятно было слышать сладкія слова любви и нѣжиться въ ихъ обаяющей атмосферѣ... Смутно только, только изрѣдка, какъ будто порывами, раздавались у ней въ душѣ напоминанія обязанностей и долга, запретъ мужа, — но оторваться отъ настоящаго у ней неоставало силы... Какъ опьянялая, забывъ все, отдалась она наслажденію и чѣмъ звучнѣе была музыка, чѣмъ страстиѣ и порывистѣе звучалъ темпъ ея — тѣмъ болѣе покорялась она его могущественному обаянію...

Она опаматовалась, да и то не совсѣмъ, только тогда, когда, окончивши бѣшеный туръ полки съ какимъ-то юношей, котораго Александра Тимофѣевна дружески называла Адольфомъ, — она изнеможенная, съ пылающими щеками, съ высоко вздымающеюся грудью упала въ кресла близъ мраморнаго балюстрада залы, все еще чувствуя на плечѣ у себя горячее дыханіе Адольфа Карловича, напѣвающаго ей какія-то фантастическія пѣсни, казавшіяся ей цѣлою поэмою безграничнаго счастья, которому нѣтъ ни конца, ни мѣры...

Она жадно слушала эти поэтическія пѣсни, въ той нѣгѣ забытья, какая предшествуетъ совершенному опьяненію и хоть не понимала хорошо ихъ смысла, но чувствовала, что они необыкновенно пріятно, какъ музыка, нѣжатъ слухъ ея. Взглядывая по временамъ подъ обаяніемъ этой музыки въ лицо Адольфа Карловича, она видѣла огненные глаза его, пожирающіе открытую бѣлиз-

ну ея шеи, ея высоко подымающіяся плечи, благоухающія теплотою — и глаза эти, какъ глаза гремучей змѣи или василиска, повергали ее въ то состояніе самозабвенія или той усладительной передъутренней дремоты, изъ которой выйти въ дѣйствительную жизнь такъ непріятно и жалко... Долго ли это продолжалось — она не могла дать себѣ отчета — можетъ быть часы, можетъ быть мгновенія... но только жалко было разстаться съ этимъ очаровательнымъ сномъ, ежели это былъ сонъ; желательно бы было продолжить ее навсегда — ежели это была дѣйствительность...

Экстазъ этотъ былъ прерванъ Александрю Тимофѣевной, которая окруженная толпою юношей, звала ее ужинать. Хотя 12 часовъ пробило уже давно, однако молодой женщинѣ воротиться домой не пришло даже и на память. Въ числѣ 7—8 человекъ усѣлись они за столъ, такъ же свободно, такъ же искренно, какъ сдѣлали бы это давнишніе знакомые, съ которыми церемониться нѣтъ больше надобности, гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ, далеко отъ людей, куда только слабо, но все еще долетали звуки опьяняющей музыки. Совершенная свобода царствовала въ этомъ убѣжищѣ любви, столько разъ выдавшемъ въ стѣнахъ своихъ всѣ возможные оттѣнки этой любви, начиная отъ влюбленнаго шопота невинности, пришедшей сюда утратить ее; до отвратительныхъ поцѣлуевъ гетеры, сопровождаемыхъ разгульнымъ смѣхомъ и пьяными рукоплесканіями... Даже самая стѣна какъ будто дышала сладострастіемъ и нѣгою; рояль въ углу, гирлянды плюща, висѣвшія надъ головою, одуряющій запахъ цвѣтовъ, — все нѣжило чувства, все манило къ наслажденію, все нашептывало о тѣхъ радостяхъ жизни, безумныхъ радостяхъ, которыя даются только изрѣдка, для того, чтобъ не забыть ихъ до гробовой доски... Объятія любви, слезы при-

нанія, восторги взаимности, долгая нѣга наслажденія и счастья — все это сказывалось въ звукахъ, долетавшихъ до ушей бѣдной женщины; картинки на стѣнахъ манили извѣдать тѣ наслажденія, какія они представляли, а огнемечущіе, теперь полные искръ фосфорического свѣта, взгляды Адольфа Карловича довершали то обаяніе, въ которое повергнута была бѣдная женщина съ первой минуты вступленія своего въ этотъ очарованный эдемъ, о которомъ она доселѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія. Послѣ всѣхъ впечатлѣній, испытанныхъ ею въ продолженіи немногихъ часовъ этой ночи, она чувствовала, хоть и смутно, что прошедшее для нея не существуетъ во все; что она забыла о немъ; отеклась отъ него во имя блаженства настоящаго; что ни раскаянія, ни воли, ни упрековъ совѣсти въ настоящую минуту нѣтъ въ душѣ, а есть одно полное, безотчетное, невѣданное доселѣ упоеніе чувствъ, которое требуетъ во что бы то ни стало удовлетворенія неотразимо возникшимъ желаніямъ и нѣгѣ. Это еще усилилось, когда она сняла маску и при видѣ ея миловиднаго личика тихій ропотъ удивленія пробѣжалъ между юношами. Упоенію ея не было границъ. За одинъ этотъ мигъ удовлетвореннаго самолюбія, она не торгуясь отдала бы все на свѣтъ!... Что ей теперь мнѣніе мужа, мнѣніе общества, знакомыхъ, друзей? Давало ли ей это мнѣніе когда нибудь то счастье, которое она испытываетъ теперь?... То, что она цѣнила, во что вѣрила, чего надеялась, чего боялась — развѣ не вздоръ все это передъ безмолвнымъ обожаніемъ этой минуты; передъ ея восторгамъ, передъ ея упоеніемъ, которые она только узнала впервые?... Счастья, любви, нѣги, наслажденія — вотъ что кричало въ ней въ эту минуту громче всего... вотъ что ее манило, раздражало, сдѣлалось ей необходимо... не-

обходимо для того, чтобы не задохнуться отъ страстныхъ желаній...

Вино, которое она никогда не пила доселѣ и которое было выпито ею теперь, подѣ влияніемъ небывалыхъ ощущеній, еще болѣе прибавляло къ тому страстному и восторженному состоянію, въ которомъ она находилась. Ее нельзя было узнать: стыдливость и скромность, всегда ее отличавшія, уступили мѣсто сладострастному изступленію... это была не та молодая женщина, которую мы знали доселѣ, — это была вакханка, повитая хмѣлемъ, съ пылающими глазами, жаждущая объятій и наслажденія во что бы то ни стало. Страстная натура ея сказала тутъ впервые во всей полнотѣ своей. Ея розовыя губки, обыкновенно тонкія, тутъ какъ-то сладострастно распухли; голубые, всегда свѣтлые глаза, подернулись маслянистою влагою; лихорадочная дрожь невѣдомыхъ доселѣ желаній пробѣгала по ея членамъ, ноздри раздулись... щеки пылали — она была неузнаваема. Не помня себя, согласилась она ѣхать кататься, и ей сдѣлалось неизъяснимо хорошо, когда она увидала себя въ сапахъ, одну съ Адольфомъ Карловичемъ; когда почувствовала, что рука ея лежала въ его рукѣ и когда, прижавшись къ нему, она чувствовала на губахъ своихъ его горячіе поцѣлуи...

А потому она даже не спросила, куда онъ привезъ ее, когда сани остановились подлѣ какого-то незнакомаго подъѣзда. Что ей было до всего остальнаго, только бы Адольфъ Карловичъ былъ подлѣ нея; только бы она чувствовала нѣгу его объятій, чувствовала его горячее дыханье, слышала страстные звуки словъ его, какъ задатокъ того наслажденія, которое ей теперь необходимо...

И это наслажденіе совершилось. Оно было полно какъ море... Экстазъ этого наслажденія продолжался долго... долго... но по несчастію и эта продолжительность имѣла

свой конецъ... Такъ же горячи были объятія Адольфа Карловича, такъ же жарко было его дыханіе, такъ же страстны поцѣлуи,—но она слушала ихъ теперь какъ-то разсѣянно... очарованіе отлетѣло, — а часы, пробившіе нестати 4 часа по полуночи, напомнили ей, что у этой очаровательной ночи былъ вечеръ, въ который она поѣхала въ маскарадъ съ твердою увѣренностью пребыть тамъ только до 12-ти часовъ, а потомъ смиренно воротиться домой и хоть солгать мужу, но солгать чистой передъ нимъ.

А теперь что?

Тщетно Адольфъ Карловичъ употреблялъ тѣ же ласки, которыя за минуту кипятили кровь ея; слова его скользили по ея сердцу безъ отвѣта; въ душѣ вставало грозное и мучительное сознаніе совершившагося преступленія, котораго не смогутъ цѣлая рѣка слезъ, цѣлая жизнь раскаянія. Что ей дѣлать, куда скрыться отъ себя самой? какъ показать людямъ это пылающее стыдомъ лицо, на которомъ неизгладимо напечатлѣно теперь клеймо позора? Кто захочетъ выслушать стоны раскаянія и произнести слово прощенія? А мужъ? Этотъ любящій ее нѣжно мужъ, котораго она была гордостью и утѣшеніемъ,—какъ смотреть теперь на него? Боже, Боже мой! Она хотѣла бы уйти куда нибудь далеко, далеко, чтобъ скрыть отъ людей стыдъ свой... А здѣсь развѣ все не изобличаетъ ее? развѣ воздухъ, стѣны не твердятъ ей единогласно, что она преступница и что мѣсяцы и годы пройдутъ, а она останется съ тѣмъ же неизгладимымъ пятномъ на совѣсти, не смѣя глядѣть на все невинное и честное?

Ласки Адольфа Карловича сдѣлались ей ненавистны... Чуть не на колыняхъ, съ горькими слезами, какъ милости, просила она у него увести ее отсюда куда бы то ни было... только бы не дышать этимъ тлетворнымъ воздухомъ,

который давилъ ее... Ей страшно стало, когда она подумала, что ей некуда ѣхать, кромѣ какъ домой къ мужу; что наступитъ неотразимое завтра, а съ нимъ вмѣстѣ распросы, участіе, можетъ быть слова любви... Куда ей дѣться отъ этихъ словъ? Какъ ихъ выслушать? Развѣ эти слова любви не есть мучительнѣйшій укоръ тому, въ чемъ она взяла на себя добровольно и сознательно полную ответственность?... Развѣ любящій взглядъ его, его всякая ласка, не будутъ ей вѣчно неумолкаемымъ упрекомъ, отъ котораго избавить ее только одна смерть?...

И тутъ же, въ присутствіи Адольфа Карловича, причины ея позора, она готова была посягнуть на жизнь свою... но у ней неоставало на это силы...

Очень понятно, что Адольфъ Карловичъ, видя, что дѣло принимаетъ драматическій характеръ, пожелалъ какъ можно поскорѣе отъ нея отдѣлаться. Да и чего ему больше? Онъ совершилъ то, что для молодыхъ людей составляетъ гордость и славу; то, чѣмъ онъ завтра будетъ торжественно и со смѣхомъ хвастаться; а потому и рѣшилъ, что дожидаться раскаянія и упрековъ было бы просто глупо. Это не входило въ его расчеты. Онъ сдѣлалъ то, что всякій сдѣлалъ бы на его мѣстѣ—онъ пожелалъ поскорѣе отъ нея отдѣлаться... Еслибъ онъ любилъ ее дѣйствительно, тогда можетъ быть онъ принялъ бы участіе въ ея страданіяхъ, а такъ какъ онъ любилъ ее не болѣе того, какъ любить всякую хорошенькую женщину передъ обладаніемъ ею, то сбить ее куда нибудь, стало для него обязанностью передъ самимъ собой. Да и можетъ ли онъ въ чемъ нибудь упрекать себя? Ежели она повѣрила льстивымъ словамъ его—тѣмъ хуже для нея; развѣ такіа слова не говорятъ всякой женщинѣ, когда хотятъ увлечь ее: а что будетъ потомъ, — будетъ ли она страдать или нѣтъ, что ему до этого за дѣло?

И онъ самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ, присущимъ его нѣмецкой натурѣ, довезъ ее до дому, спустилъ у калитки и когда она ушла, съ невыразимымъ удовольствіемъ отправился къ себѣ въ номеръ, зная очень хорошо, что послѣ отвоза домой, между ними все кончено и что никакихъ печальныхъ послѣдствій для него теперь быть уже не можетъ.

А она — эта несчастная жертва, которую такъ равнодушно предавали страданію, только бы не страдать самому, что она чувствовала?

Она взошла на крыльцо, шатаясь какъ пьяная. Всѣ предметы ее окружающіе смотрѣли на нее какъ-то подозрительно и враждебно; передъ глазами вертѣлись какіе-то огненные круги; она шла на удачу, не зная куда, хватаясь за стѣны, чтобъ не упасть... Одна мысль, одно чувство занимало ее и виѣ этой мысли никакой другой, не смотря на усилія, не приходило ей въ голову... Что ей дѣлать? куда дѣваться?...

Мысль о самоубійствѣ вдругъ снова охватила ее ледянымъ кольцомъ своимъ... Но когда она съ ужасомъ взглянула въ эту страшную и темную бездну, которая называется смертію, а жизнь съ другой стороны представлялась ей во всей обаятельной красотѣ своей — она отступила невольно.

Подавленная стыдомъ, угрызеніями совѣсти, стояла она въ гостинной, не смѣя перешагнуть за порогъ спальни, гдѣ безмятежно спалъ мужъ ея. Цѣлый адъ былъ у ней въ душѣ... Какъ была бы она счастлива, если-бъ мужъ сталъ ругать ее — прибилъ бы даже... Ей было бы легче... Но что будетъ съ ней, ежели онъ встрѣтитъ ея любящимъ укоромъ, откроетъ ей свои объятія, пожелаетъ на губахъ ея запечатлѣть нѣжный поцѣлуй...

Она задышалась при этой мысли... Поцѣлуй... ему...

когда на губахъ ея не высохли еще поцѣлуй другаго; когда она чувствуетъ еще на себѣ теплоту объятій другаго...

Болѣе 10-ти минутъ стояла она въ мучительномъ раздумьѣ, не зная, что предпринять. Молиться! Мысль эта какъ небесное откровеніе сошла ей въ душу... Она вспомнила, что у ней въ спальнѣ, надъ ея доселѣ чистымъ ложемъ, виситъ икона, благословеніе ея покойной матери, изображающая Пречистую Матерь Божію съ надписью: „Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, азъ успокою вы!“ Ей показалось, что ежели она съ горячими слезами раскаянія припадетъ къ священному изображенію, ей будетъ легче... И полная этой увѣренности, не будучи въ состояніи разсуждать болѣе, она стремительно отворила дверь въ спальную, позабывъ на эту минуту, что ее тамъ ожидаетъ.

Но когда она взошла туда; когда увидала мужа, тихо спавшаго и улыбаващагося во снѣ, вѣроятно ей; когда она увидѣла всю обстановку этой комнаты, откуда она вышла чистой и куда возвращается преступницей, — ей почудилось, что и столь знакомый ликъ Богородицы смотритъ на нее грозно и съ упрекомъ... Горькая дѣйствительность предстала передъ ней во всемъ ужасающемъ безобразіи своемъ, — отчаяніе овладѣло ею, силы ее оставили; она грохнулась объ земь, испустивши дикій, пронзительный вопль...

Вопль этотъ разбудилъ мужа... Онъ вскочилъ какъ бѣшеный, увидя любимую жену въ такомъ положеніи. Тщетно хотѣлъ онъ привести ее въ чувство; она лежала безъ движенія, холодная какъ мраморъ; только губы ея судорожно двигались, произнося какіе-то невнятные, глухіе звуки, вѣроятно мольбы о прощеніи; полузакатившіеся глаза стояли неподвижно.

Несчастный мужъ въ отчаяніи всполошилъ весь домъ. Всѣ принялись раздѣвать и оттирать ее; давали нюхать спиртъ и умирающую положили на постель. Когда она очнулась, когда увидѣла нѣжныя попеченія, какія оказывалъ ей мужъ, такъ недавно опозоренный ею — она почувствовала, что въ сердце ея вонзился тотъ ядовитый кинжалъ, который называется безотраднымъ, вѣчно-мучительнымъ и никогда неумолкаемымъ раскаяніемъ, избавить отъ котораго можетъ одна только смерть. Боясь малѣйшей его ласки, она старалась скрыть отъ него вспыхнувшее лицо свое, чтобъ онъ не прочиталъ на немъ своего позора; боясь, чтобъ онъ не вздумалъ спрашивать ее, что съ нею сдѣлалось и что могло быть причиною ея болѣзненнаго состоянія...

Отвернувшись къ стѣнѣ, съ трепетомъ отчаянія, съ неизъяснимою болью сердца, выслушивала она всѣ слова участія и заботливости, всѣ нѣжныя имена, которыя онъ давалъ ей. Она упорно молчала, съ ужасомъ вспоминая, что наступитъ грозное завтра, когда нельзя будетъ укрыться отъ его ласкъ, когда надобно будетъ или мучительно обманывать, обманывать цѣлую жизнь, или вымаливать прощенія, зная очень хорошо, что простить позоръ можно, но забыть его нельзя никогда.

Только притворяясь спящею, могла она избавиться отъ мучительныхъ распросовъ. Она это и сдѣлала, чутко слѣдя за всякимъ движеніемъ мужа. Она видѣла, какъ онъ молился, — молился объ ней, объ ней, которая на всю жизнь заклемила его страданіями и позоромъ; она видѣла его тоску, слышала его вздохи, и всѣ они, какъ капли огненнаго дождя, падали на ея сердце... Она успокоилась немного только тогда, когда, измученный заботами и тревогой, онъ заснулъ и она осталась одна, сама съ собою...

Это уединеніе съ собою не принесло ей отрады. Напротивъ — оно можетъ быть сильнѣе нежели прежде дало ей почувствовать всю безвыходность и все неутолимое горе ея положенія. Тщетно хотѣла бы она свалить все бремя золъ ею испытываемыхъ на Александру Тимофѣевну, — совѣсть неумолимо напоминала ей, что отъ нея зависѣло вести знакомство съ Александрой Тимофѣевной; что вѣхатъ въ маскарадъ зависѣло отъ нея самой и что сваливать на другихъ преступленіе свое — не совѣсть честно. Адольфъ Карловичъ, по зрѣломъ обсужденіи, представлялся ей именно такимъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ: человѣкомъ безъ сердца, для котораго чужія страданія не значатъ ничего, только бы ему было хорошо на свѣтѣ.

Еще поняла она одну очень важную истину и поняла, ее, какъ видите, послѣ горькаго опыта, что случайныя знакомства гибельны женщинамъ; что отъ такихъ личностей, какъ Александра Тимофѣевна, льстящихъ настроенію извѣстной минуты, надобно бѣжать какъ отъ язвы, потому что они разсчитанно ведутъ къ гибели всякую женщину, для того только, чтобъ ихъ собственный позоръ не казался чѣмъ нибудь вопіющимъ и они могли бы не краснѣя предаваться тѣмъ оргіямъ, которыя они поставили себѣ цѣлью жизни, которымъ они предаются чуть не всякій день и молчать о которыхъ они могутъ заставить не иначе, какъ втянувши несчастныхъ въ ту же пропасть разврата, въ которой онѣ утопаютъ сами...

(Здѣсь рукопись кончилась, и мы, не смотря на всѣ поиски, не могли отыскать ея окончанія).

И. С. л. в. н. вѣ.

Печальныя послѣдствія принужденія къ браку.

Въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, недалеко отъ столицы, жило одно небогатое чиновничье семейство. Семейство это состояло изъ отца, матери, трехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ, а третья еще ребенкомъ и двухъ сыновей: одного 9 л. и другаго еще въ пеленкахъ. При такомъ огромномъ семействѣ, и при тѣхъ скудныхъ средствахъ, какія получалъ нашъ чиновничій людъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, да и теперь еще получаетъ большею частію, конечно семейство это не могло жить богато.

Дочь, вышедшая замужъ за какого-то тоже чиновника, живущаго жалованьемъ, не сдѣлала много облегченія родителямъ. Напротивъ: они должны были подъ часъ удѣлять крохи изъ скудныхъ средствъ своихъ, помогая дочери, потому что зять, слабый къ вину, какъ и большая часть его товарищей на всемъ пространствѣ Русской Имперіи, часто доводилъ жену свою до того, что она не разъ прибѣгала къ матери съ просьбою о помощи, и та, скрѣпя сердце и даже иногда со слезами на глазахъ, раз-

ставалась съ послѣднимъ четвертакомъ, чтобъ только выручить дочь изъ бѣды.

При такой жизненной обстановкѣ, конечно, деньги играютъ важную роль. Для тѣхъ, которые имѣютъ настолько „презрѣннаго металла“, чтобъ не заботиться не только о завтрашнемъ, — но и послѣ завтрашнемъ и даже черезъ годъ, днѣ, конечно покажется не совсѣмъ понятнымъ то уваженіе, которое въ средѣ бѣдныхъ чиновниковъ играютъ даже небольшія деньги и какъ жалованье въ 150, 200 руб. считается чѣмъ-то серьезнымъ и могущимъ, пожалуй хоть и съ лишеніями, обезпечить семью въ жизни.

Оговорившись подобнымъ образомъ, я могу начать рассказъ мой, именно съ того мѣста, гдѣ онъ можетъ показаться интереснымъ. —

Я уже сказалъ, что старшая сестра этого хоть простаго, но почтеннаго семейства, была замужемъ, — слѣдственно говорить о ней нечего. Затѣмъ оставалась другая сестра, дѣвушка лѣтъ 18, которая и будетъ героиней нашего рассказа.

По одной изъ этихъ случайностей, пути которыхъ находятся въ рукахъ Провидѣнія, дѣвушка эта попала въ домъ сосѣдняго помѣщика, отца многихъ дочерей, человека богатаго, взявшаго ее изъ жалости къ себѣ, чтобъ дать ей хоть какое нибудь образованіе, такъ какъ въ домѣ бѣднаго отца-чиновника, образованіе не могло быть ей доступно и это по волѣ-ли Промысла или другимъ чѣмъ нибудь, имѣло важное вліяніе на будущую судьбу дѣвушки.

Попавши въ домъ благодѣтельнаго помѣщика, усвоивши отчасти манеры того общества, къ которому домъ этотъ принадлежалъ; присутствуя иногда при урокахъ дочерей его, она вынесла изъ этого пребыванія нѣкоторое наружное изящество, котораго, конечно, ей въ домѣ отца-чи-

новника достигнуть было-бы невозможно. Любовь къ чтенію развила въ ней натуральную, впрочемъ вслѣдствіе ея хорошей натуры, способность, выражаться лучше, нежели выражались ея сверстницы и по состоянію и по общественному положенію.—

Разсудительная по природѣ, простая, хоть и нѣсколько искусственно, вслѣдствіе той тяжелой борьбы съ жизнью, которой она была свидѣтельницей въ отцовскомъ домѣ, но имѣющая довольно ума, чтобы скрыть эту искусственность подъ наружностью простоты, этого какъ извѣстно высшаго искусства женскаго такта и сообразительности. Простодушная по природѣ, но умѣющая скрывать свои желанія и мысли, милая, любезная, когда ничто не препятствовало свободному проявленію ея воли; скрытная, больше скупая на слова нежели говорливая, прекрасная собою, но не тою красотою, которая бросается въ глаза и останавливаетъ взоры, но этою миловидною прелестью, которую нельзя уловить словомъ, но которую чувствуетъ чуть-ли не всякій, кому удастся встрѣтиться съ подобными созданіями.—

Зинаида Александровна была въ своей 18-й веснѣ, этой лучшей порѣ жизни, когда дѣвушка вѣритъ въ жизнь и ея обаянія. Мечтала ли она уже о чемъ нибудь въ будущемъ? Задумывалась ли уже, когда солнце спускалось за далекіе лѣса и долгія тѣни ложились отъ деревъ, окаймлившихъ богатую усадьбу ея импровизованнаго жилища? Не думаю. Кажется мечтательности у ней въ характерѣ не было—да и не мудрено; мечтательность есть удѣлъ тѣхъ, которые съ издѣтства почерпаютъ въ книгахъ фантастическія представленія о жизни; она же, почти только что начавшая читать въ домѣ богатаго помѣщика и уже не въ дѣтствѣ, не подверглась слѣдственно вліянію романовъ, и потому хоть и безсознательно, но можно сказать

трезво смотрѣла на жизнь и не задавалась какими нибудь фантастическими вопросами, которые, сказать по правдѣ, не приходили ей даже и въ голову.—Темнорусая головка ея весело поднималась съ подушки утромъ и съ такою же беззаботностію опускалась на эту подушку вечеромъ, скользя, такъ сказать, по жизни и не омрачая ее заботами о будущемъ.—

Проживши нѣкоторое время въ домѣ богатаго помѣщика и отчасти избалованная и роскошью помѣщенія и убранства, и роскошью стола и наконецъ всѣми этими мелочными прихотями богатаго дома, она, когда помѣщикъ переѣхалъ въ Москву, тяжело почувствовала при возвращеніи подъ отеческую кровлю, и тѣсноту комнатъ и тѣ ежеминутные недостатки во всемъ, съ которыми конечно человѣкъ сживается вмѣстѣ съ грустной необходимостію, но которые на первыхъ порахъ, послѣ испытанныхъ удобствъ жизни, дѣлаются какъ то еще мучительнѣе. Сердце ея грустно жалось, когда она вошла въ отцовскую квартиру: мелочныя заботы о мелочныхъ необходимостяхъ жизни, болѣзненно поразили слухъ ея, нѣсколько отвыкшую отъ этой кропотливой, неумолкаемой заботы о борьбѣ за существованіе, которою обставлена жизнь людей, обязанныхъ зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба... Конечно, молодость превозмогла; встрѣча съ прежними подругами, съ какимъ то особымъ уваженіемъ смотрѣвшими на нее, потому что дѣйствительно въ прежней Зинаидѣ измѣнилось многое къ лучшему, чего она, конечно, и сама не подозрѣвала, но что было замѣтно даже и неопытному глазу; хорошая погода, при которой всегда не такъ замѣтна тѣснота жилищъ; забавы, свойственныя молодости: качели, купанья, игры по вечерамъ,—все это ее скоро утѣшило и она съ беззаботностію и невинною простотою молодости, отдалась впечатлѣнію спокойствія и внѣ-

ренной тишины, которыми такъ красна жизнь почти всякаго молодого человека, какого бы пола онъ ни былъ. —

Въ ея отсутствіи, въ положеніи подругъ ея произошла нѣкоторая перемѣна, которая вскорѣ должна была отразиться и на ней.

На горизонтѣ этого уѣзднаго *tiers état*, появилась новое свѣтило въ лицѣ одного не важнаго чиновника земской полиціи Михаила Ивановича Черняева. По слухамъ, доходящимъ всегда неизвѣстно откуда, а отчасти и по его собственнымъ рассказамъ, онъ родился въ Сибири, гдѣ отецъ его по званію медика сколотилъ нѣкоторое состояніище, громадное въ глазахъ уѣзднаго чиновничьяго міра; потомъ жилъ въ Варшавѣ, гдѣ потерявъ отца, но за то съ его деньгами, волею судебъ занесенъ былъ случайно въ этотъ уѣздный кружокъ, въ средѣ котораго я началъ рассказъ мой. Михаилъ Ивановичъ былъ малый лѣтъ 27; нѣсколько горбатъ, не глупъ, не совсѣмъ дурень собою, кое что читалъ, кое чему учился, былъ веселаго нрава, чтожъ мудренаго, что въ уѣздномъ мірѣ, особенно при томъ *прилагательномъ*, которое у него предполагали, онъ произвелъ фуроръ между уѣздными красотами. При этой бѣдности въ молодыхъ людяхъ, какая ощущается у насъ не только въ уѣздахъ и ихъ городахъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, появленіе такого жениха не могло остаться не замѣченнымъ, не только *прекрасною* половиною человѣческаго рода въ лицѣ дочекъ и маменекъ, но даже и не прекрасною въ лицѣ папенокъ, отъ души желающихъ, во что бы то ни стало, пристроить замужъ своихъ дочекъ, зная, увы! что товаръ этотъ, ежели залежится до 25 лѣтъ, а чего Боже сохрани и дальше, потеряетъ весь ароматъ свой, и какъ не годный останется на рукахъ. Ежели папеньки, по свойственной природѣ ихъ грубости, смотрѣли съ такой меркантильной стороны на произведенія свои,

порхающія подъ именемъ Катенекъ и Машенекъ, то и самыя произведенія эти, то есть Катеньки и Машеньки, въ невинности своей рѣшили, что быть женою господина, у котораго 30, 40 тысяченокъ капитала, вовсе не худо, и что объ этомъ стоитъ похлопотать. Тучныя маменьки изъ кожи лѣзли завербовать Михаила Ивановича и въ запуски à qui mieux-mieux посылали ему приглашенія, такъ что когда, ничего не зная и не подозрѣвавшая всей этой бури въ стаканѣ воды, Зинаида Александровна воротилась къ своимъ пенатамъ, буря эта была въ полномъ разгарѣ.

Не зная, будетъ ли Зинаида Александровна ихъ соперницею, подруги ея, успѣвшія сдѣлаться въ ея отсутствіе соперницами между собою, наперерывъ оказывали ей свое особое вниманіе и больше или меньше посвящали ее въ свои маленькія тайны. Она слушала ихъ охотно, но равнодушно; пребываніе въ домѣ богатаго помѣщика, хоть и безсознательно, но поселило въ ней нѣкоторое недоувѣріе къ похваламъ своихъ прежнихъ, и по взгляду на людей и по оцѣнкѣ ихъ, подругъ; хоть смутно, но она понимала, не обращаясь еще настоящимъ образомъ на себя самую, что то, что вполне удовлетворяло подругъ ее, можетъ быть теперь и не удовлетворить ее вовсе. Въ ея расширившимся горизонтѣ, мелькали уже другіе образы и какой нибудь писмоводитель становаго пристава, казавшійся ей прежде „такъ себѣ ничего“, казался ей теперь уже далеко не адонисомъ и ужъ, конечно, не могъ бы играть никакой роли въ ея романѣ, ежелибъ такой у ней завелся. Подчиняясь общему желанію родителей, видѣть дочь свою счастливой, отецъ и мать Зинаиды намекали ей иногда на Михаила Ивановича, но она, не выдавши его, конечно слушала эти намеки равнодушно, пропуская ихъ мимо ушей и не имѣя даже большаго желанія очень

углубляться въ ихъ таинственный смыслъ. Къ чести ея надо сказать, она по природѣ не была жадна къ деньгамъ, или, лучше сказать, не имѣя никогда ихъ у себя въ рукахъ, она не знала могучую ихъ силу и потому мало цѣнила ихъ, слѣдственно рассказы о 30, 40 тысячахъ пропадали для нея какъ-то безслѣдно, не пробуждая въ ней никакихъ особенныхъ аппетитовъ увидать владѣльца этихъ тысячъ и, говоря языкомъ старинныхъ романовъ, „приковать его къ своей побѣдной колесницѣ“. Хотя маменька и была неистощима въ похвалахъ этому уѣздному Ротшильду, но дочка, не выдавши его, оставалась равнодушною и осталась также равнодушною, когда увидала его: другими словами, онъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія.

Но ежели онъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія, то объ немъ нельзя было сказать того же самаго. Его глазъ, воспитавшійся надъ красотою женщинъ въ Варшавѣ, этомъ городѣ красоты, какъ выражаются многіе, съ разу отличилъ то, что было не похоже въ Зинаидѣ Александровнѣ съ ея подругами. Онъ, человекъ по природѣ страстный и нѣсколько развитой, тотчасъ понялъ, что эта дѣвушка усвоила себѣ то, чего нѣтъ въ другихъ и почти съ перваго раза объявилъ себя въ числѣ ея обожателей. Избалованный однако ухаживаніемъ за собою всѣхъ этихъ Катенокъ и Машенокъ, составлявшихъ доселѣ дворъ его, онъ съ разу не захотѣлъ объявить себя побѣжденнымъ; онъ попробовалъ сначала: нельзя ли и Зинаиду Александровну записать въ число лицъ, составлявшихъ, (какъ онъ иногда выражался), штатъ его и сообразно этому повелѣ свои завоевательные планы.

Ничего не подозрѣвая и почти не обращая вниманія на его маневры, Зинаида Александровна продолжала быть по прежнему съ своими подругами, которыя однако на-

чинали уже на нее коситься, предчувствуя въ ней самую опасную соперницу. Это невниманіе бѣсило избалованнаго Михаила Ивановича. Страшно самолюбивый по природѣ, привыкшій въ Варшавѣ къ свободной, почти разгульной жизни, сладострастный и чувственный, онъ возмущился при мысли, что дочь бѣднаго чиновника можетъ не обращать вниманія на его любезности, и усугубилъ свои ухаживанія. Онъ старался показать ей это всюду и при всякомъ случаѣ; старался быть постоянно подлѣ нее на прогулкахъ, въ играхъ искалъ случая быть ея партнеромъ, и наконецъ, когда увидалъ, что всѣ его усилія тщетны, что они разбиваются о ея неизмѣнное, хотя и вѣжливое, но полное граціи равнодушіе, онъ рѣшился на послѣднее средство, которое никогда еще не приходило ему въ голову: жениться на Зинаидѣ Александровнѣ.

Отецъ и мать ея, чуткіе ко всему, что соприкасалось къ ихъ семейству, съ истинной радостью видѣли предпочтеніе, оказываемое Михаиломъ Ивановичемъ ихъ дочери, и сердца ихъ наполнялись тою радостью любящихъ родителей, которая заставляетъ ихъ дѣлать иногда такіе промахи, которые горько и мучительно отзываются впоследствии на судьбѣ, слишкомъ много любимыхъ ими дѣтей.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, который впрочемъ былъ вовсе не прекрасенъ, потому что, по случаю наступившей осени, дождь звонко хлесталъ въ стекла и сѣверный вѣтеръ сильно помахивалъ вершинами деревьевъ, частію уже облетѣвшихъ, навѣсившихся надъ тесовою кровлею ихъ скромнаго жилища, Зинаида Александровна къ удивленію замѣтила въ движеніяхъ своего отца и матери какую-то необыкновенную торжественность. Они были что-то неестественно веселы; съ улыбкой поглядывали другъ на друга, потирали съ какимъ-то особымъ удо-

вольствіемъ руки и вообще были что говорится: не въ своей тарелкѣ. Хотя Зинаида и замѣтила это, но не придавала этому особаго значенія, и скользнувши мыслію по этому обстоятельству, мимоходомъ рѣшила, что можетъ быть отецъ получилъ какую нибудь неожиданную уплату и веселѣ, потому что существованіе семьи обезпечено на нѣкоторое время. Когда послѣ чая, дѣти были посланы спать и Зинаида Александровна, какъ единственно старшая въ семьѣ, осталась одна съ родителями, отецъ обратился къ ней съ слѣдующей рѣчью:

— Зинаида! Богъ невидимо устрояющій судьбу царствъ и народовъ (покойный любилъ иногда выражаться витіевато) обратилъ свое милостивое вниманіе и на насъ грѣшныхъ. Неожиданное счастье ожидаетъ наше семейство, и тебя, наша милая дочь, Богъ выбралъ орудіемъ этого счастья, которое ты можешь дать намъ всѣмъ, однимъ твоимъ словомъ.

Зинаида любила отца и мать своихъ. Такое вступленіе ее озадачило. Она стояла молча, не зная что отвѣчать, потому что не понимала къ чему могутъ относиться витіеватыя слова эти, но видя улыбающійся взглядъ матери, ея любящую, заискивающую улыбку, она ничего не пашла въ первую минуту худшаго, какъ сказать отцу:

— Ты знаешь, папаша, что я готова всѣмъ для васъ пожертвовать и что ваше счастье и спокойствіе для меня дороже всего.

Эта фраза довольно банальная, потому что въ сущности ничего не значить, но въ глазахъ простодушныхъ и мало знакомыхъ съ свѣтскими обычаями (гдѣ, какъ извѣстно, слово дано чтобъ скрывать свою мысль) родителей, имѣла совершенно не тотъ смыслъ, какой придавала имъ дочь, знавшая отчасти изъ книгъ, отчасти изъ пребыванія въ домѣ богатаго помѣщика, съ дочерьми котораго

она проводила цѣлые дни, что слова ея были актомъ простой дѣтской любви и покорности и ужъ конечно нисколько не обязывали ее къ чему бы то ни было. Родители между тѣмъ воображали, что дочь ихъ, при первыхъ словахъ уже догадалась о томъ счастьи, которое ее ожидаетъ и которымъ она облагодѣтельствуетъ ихъ всѣхъ, и бросились было обнимать ее въ припадкѣ умиленія, ежелибъ дѣвушка, рѣшительно не понимая, что все это значитъ, не отступила на одинъ шагъ и очень положительно не спросила ихъ: чего они отъ нея хотятъ?

Удивленные въ свою очередь такою непонятливостію, ошеломленные родители, наконецъ, объявили ей, что Михаилъ Ивановичъ Черняевъ дѣлаетъ ей честь, предлагаетъ ей свою руку и что они увѣрены, что она не только ради своего собственнаго счастья, но и счастья ихъ всѣхъ согласится на его предложеніе; что онъ, какъ человѣкъ съ состояніемъ, выручитъ ихъ изъ той ежедневной нужды, въ которой они такъ страдальчески прозябаютъ и закончили монологъ свой тѣмъ, что, вѣроятно, она оцѣнитъ вполне честь, которую ей дѣлаетъ и не откажется быть его женою. Хотя дѣвушка и не ожидала подобнаго предложенія, хотя сердце ея было и свободно—по слова родителей не застали ее однако врасплохъ. Умъ ея, просвѣщенный тѣмъ внезапнымъ лучемъ образованія, которое вычитала она въ книгахъ и пріобрѣла въ контактѣ съ образованными дочерьми богатаго помѣщика, далъ ей понять, что Михаилъ Ивановичъ ей не пара и что не такого человѣка ожидаетъ ея сердце. Самохвальство его, его самоувѣренность, это наконецъ „sans façon“ и развязность, которые пріобрѣтены были имъ въ цукерняхъ Варшавы съ тамошними кокетками и которые замѣняли въ глазахъ уѣздныхъ Катенокъ и Машенокъ свѣтскость хорошаго общества, и прежде казались ей дурнаго че-

кана; теперь-же, при предложении его, показались ей уже просто отвратительными. Она тихо, но очень твердо объявила старикамъ, что она не желаетъ еще выходить за мужъ и что Михаилъ Ивановичъ ей не нравится.—

Добрые родители, любящие дочь свою со всею простою неспорченными натуръ, недоразумѣвали о этомъ неожиданномъ отказѣ, никакъ не понимая, какъ можно было быть такимъ несмысленнымъ ребенкомъ, чтобъ не обратить вниманія на состояніе, которымъ обладалъ Михаилъ Ивановичъ независимо отъ пріятностей его особы, и хотѣли было продолжать на эту тему, особливо мать, думавшая исчисленіемъ всѣхъ блестящихъ нарядовъ, которые она будетъ въ состояніи себѣ закупить, вскружить дѣвушкѣ голову, но замолчала, когда дочь, очень категорически и лаконически, объявила, что она за г. Чернышева не пойдетъ.—

Не успѣвши съ этой стороны, добрые люди желавшіе сдѣлать дочь свою счастливою, даже вопреки ея воли, признали за благо зайти съ другой стороны, со стороны чувства, и начали доказывать ей, что покорная дочь, должна всегда соображаться съ волею родителей, которые, конечно, зла ей не пожелаютъ; что ежели она не понимаетъ еще теперь, по молодости своихъ лѣтъ и по неопытности, что значитъ быть независимой и какъ это пріятно,—то узнаетъ это послѣ; что не нуждаться во всемъ, не только самой, но даже и имъ, старикамъ, помогать за всѣ ихъ попеченія и заботы объ ней съ издѣтства есть уже само по себѣ величайшее утѣшеніе, что ей самой послѣ слобится и во имя этихъ попеченій и заботъ, приносившихъ имъ и столько горя и столько радости, умоляли ее повѣрить ихъ родительской любви и жизненной опытности и принять предложеніе человека, ко-

торого назвать мужемъ обѣими руками согласилась бы любая изъ ея пріятельницъ.—

Мы сказали уже, что Зинаида Александровна не была сентиментальной и потому инвокація этихъ чувствъ, силу и значеніе которыхъ предлагали ей принять на вѣру, не очень на нее подѣйствовало. Она заплакала не отъ умиленія, но скорѣе отъ того, что ее принуждаютъ къ тому, чего она не желаетъ, и, всхлипавая, просила отца и мать не мучить ее больше и отпустить спать, потому что у нее сильно болитъ голова и явились вдругъ такіе болѣсти, какихъ нѣтъ еще ни въ одной физиологіи и фармакопее. Передъ этими слезами старики не устояли; надававши ей десятокъ самыхъ нѣжныхъ именъ они, какъ мокрая куры, отпустили ее спать, не считая себя еще вполне побѣжденными и надѣясь что: la nuit porte conseil, и что то, что только отложено, еще не потеряно.

Бѣдная дѣвушка прижатая, по выраженію Бейста, къ стѣнѣ, оставшись одна въ своей маленькой комнаткѣ подъ крышей, ослабла и принялась плакать, что у ней было мочи. Долго-ли она плакала, это знаетъ Всевышній, только взошедшее на другой день солнце застало темнорусую головку ея уже улыбающеюся во снѣ, какъ будто передъ нею витали какія то райскія видѣнія. Надо думать, что видѣнія эти имѣли форму не Михаила Ивановича Чернышева и не писмоводителя становаго пристава, потому что улыбка эта избличала какіе-то, хотя смутные, но просвѣтленные образы, чего-то лучшаго; чего-то такого, что рѣдко попадаетъ въ провинціи.—

II.

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ о Михаилѣ Ивановичѣ не было даже и помину, и бѣдная дѣвушка начинала уже думать, что гоненія на нее, по случаю предложенія его, прекратились, какъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, свалилась къ нимъ изъ Москвы тетка Зинаиды, слышавшая въ ихъ семьѣ оракуломъ, вѣроятно за свой дородный и величественный станъ и громовой голосъ, которымъ она могла заставить замолчать любую Наполеоновскую картечную.—

Постараемся познакомить нашихъ читателей съ этой личностію, рѣдкіе экземпляры которыхъ уже начинаютъ замѣтно утрачиваться и вѣроятно скоро сдѣлаются археологическою рѣдкостью.—

Анфиса Ивановна Красносельская, была типомъ уѣздныхъ чиновницъ стараго закала, управлявшихъ и домомъ, и мужемъ, и его службою, и даже всѣмъ тѣмъ, что ее знало и водилось съ ней. Да иначе оно и быть-бы не могло, потому что тѣмъ, которые бы не захотѣли ей подчиниться, она просто-бы выцарапала глаза, или въ глаза и за глаза срамила бы при всѣхъ, до тѣхъ поръ, пока дерзновенный не смирился бы и не пришелъ къ ней съ повинною. Нападенія ея тѣмъ болѣе могли считаться неотразимыми, что она не затруднялась въ словахъ, и часто употребляла такіа выраженія, отъ которыхъ любой гренадеръ заткнулъ-бы уши. На базаръ, на который она выходила для закупокъ, ужъ конечно никто не кричалъ громче ея; не божился такъ энергически, хотя бы даже и не въ правдѣ; а когда она принималась ругаться, о тогда я увѣренъ цѣлый эскадронъ обратилъ бы ей тыль, не будучи въ состояніи переносить этого каскада, что я го-

ворю каскада—потока, что я говорю потока, цѣлой клокочущей рѣки словъ, проклятій, божбы, ругательствъ, извергающихся подобно бурному водопаду, изъ могучихъ устъ ея. Къ ея огромному росту и самой могущественной корпуленціи, она присоединяла такой голосъ, что ей позавидовалъ-бы даже Лябашъ и такую энергію жестикуляціи, что говорящему съ ней страшно становилось передъ ея руками, вертящимися на подобіе крыльевъ мельницы во время самаго жестокаго вѣтра. Не зная грамоты, или лучше умѣя читать только по складамъ, она такъ изошрила свою память, что не хуже любыхъ синхронистическихъ и хронологическихъ таблицъ знала дни именинъ и рожденій, крестинъ и погребеній всѣхъ живущихъ и около и не около нея сосѣдей; храмовыхъ праздниковъ и предѣловъ въ церквахъ своего околка. Ни кто лучше ея не отправлялъ по окрестности роль родственной свахи, всегда готовой утѣшеніемъ, ложью, хвастовствомъ, а впослѣдствіи даже и бранью, склонять непокорныхъ ея сватовству дочекъ, маменокъ и даже папенокъ. Передъ ея грознымъ взоромъ все пасовало, все преклонялось, и она такъ привыкла къ этому, что перестала считать возможнымъ, чтобы кто нибудь ей осмѣлился противорѣчить.

Получивши отъ отца Зинаиды Александровны печальное извѣстіе, что дѣвушка и слышать не хочетъ о его сватовствѣ, Михаилъ Ивановичъ задумался не на шутку. Сопротивленіе дѣвушки разжигало его чувственность, а оскорбленное самолюбіе понуждало достигнуть желаемого, хотя бы для этого надо было употребить силу. Въ распаленномъ воображеніи своемъ, онъ началъ находить въ ней такіа прелести, которыхъ въ ней въ дѣйствительности не было; онъ началъ преслѣдовать ее до того и тайно и явно своими не всегда изящными пѣжностями, что это наконецъ

оскорбило бѣдную дѣвушку и она однажды, въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, объявила ему на отрѣзъ, что она его терпѣть не можетъ, и чтобъ онъ зналъ, одинъ разъ на всегда, что она женою его не будетъ и что не видать ему ее какъ своихъ ушей.—

Такой категорическій отвѣтъ долженъ былъ-бы казаться охладить, хоть какую ни есть пылкую голову,—но избалованный легкими побѣдами въ цукерникахъ, и ухаживаніемъ Катинекъ и Машинекъ, Михаилъ Ивановичъ думалъ иначе. Формальный отказъ Зинаиды Александровны только возбудилъ его еще больше.

Онъ бросился въ другую крайность и зная, что она любить отца и мать и что она вообще покорная дочь, онъ началъ сильнѣе дѣйствовать на нихъ, хвастая изо всѣхъ силъ передъ ними своимъ богатствомъ, давая понять какую великую выгоду извлекутъ они для всего семейства, когда онъ женится на Зинаидѣ и сдѣлается ихъ зятемъ.

Подобнаго рода намеки подливали масло въ огонь, въ сердцахъ добрыхъ родителей Зинаиды, и они, во что-бы то ни стало, рѣшились сдѣлать ее счастливою, хотя-бы противъ ея воли, приговаривая: сама послѣ благодарить будетъ! Но такъ какъ они оба чувствовали, что у нихъ недостаетъ характера, для того чтобы побѣдить глупое, какъ они называли, сопротивление дочери, то и рѣшились вызвать изъ Москвы на помощь „сестрицу“ выше-описанную Красносельскую, зная, что передъ ея громоздкими доводами, ничто устоять не можетъ.—

Этимъ и объясняется внезапный пріѣздъ „сестрицы“, и „тетеньки“ въ тѣ палестины, гдѣ происходитъ дѣйствіе нашего разсказа.—

III.

Вступленіе свое въ домъ „брата“ Анфиса Ивановна ознаменовала такими шумными изъявленіями родственной радости, что малолѣтніе сестренка и братишка Зинаиды попрятались отъ страха чуть не подъ свои кровати. У кухарки, составлявшей единственную прислугу семейства, затряслись поджилки; да и сами вызвавшіе ее, т. е. нѣжно величаемые „братецъ и сестрица“, ужъ не знали куда имъ и дѣться: „братецъ“ хоть и вышелъ къ ней тотчасъ, но далеко не въ спокойномъ состояніи, а „сестрица“ прежде нежели выйти, не только поправила передъ зеркаломъ чепецъ на головѣ, боясь чтобъ за это не досталось ей чего, но даже сотворила передъ образомъ нѣсколько крестныхъ знаменій, зная оба, что до тѣхъ поръ пока „сестрица“ пробудетъ у нихъ подъ кровлею, покоя, а тѣмъ менѣе тишины, у нихъ въ домѣ не будетъ.—

Зинаида приняла извѣстіе объ тетукѣ съ видимымъ неудовольствіемъ; она знала, что появленіе ея предвѣщало что нибудь недоброе и хоть не могла въ точности опредѣлить, въ какой формѣ выразится это недоброе, но предчувствовала, что хорошаго изъ ея посѣщенія ни для кого ничего выйдетъ.—

Хозяинъ и хозяйка приняли, конечно, сестрицу съ распростертыми объятіями, на которыя она отвѣчала конечно тѣмъ же, едва не задушивъ ихъ, прижимая къ себѣ своей могучей дланью. Я солгалъ-бы вамъ, ежелибъ сказалъ, что распротертыя объятія хозяевъ происходили отъ избытка чувствъ; сказать по совѣсти, они ее просто боялись, и этими объятіями хотѣли только обезоружить

ее. Зинаида встрѣтила ее съ тою покорностью Промыслу, или лучше индефферентизмомъ, который въ натурахъ мало развитыхъ замѣняетъ сознаніе права или силы, ожидая, что вѣроятно и на ее долю выпадетъ какая нибудь доза непріятности и приготовилась терпѣть ее; не будучи только въ состояніи понять: зачѣмъ „почтеннѣйшая тетушка“ явилась сюда, особливо въ осеннее время, когда ни „благорастворенія воздухонъ“, ни изобилія плодовъ земныхъ ждать было нельзя, ибо всему прошло уже время.—

Анфиса Ивановна, ввалившись въ тихое и скромное убѣжище „братца“, заявила себя съ первой минуты тѣмъ, что нашла все не на своемъ мѣстѣ. Это было поставлено не здѣсь, другое поставлено не тамъ,—она начала все приводить, какъ она выражалась, „въ порядокъ“ и подняла такое гетше-менаже, что добрые и тихіе родители Зинаиды, ужъ не рады были, что пригласили такую союзницу. Но такъ какъ дѣлать было нечего и надо было *faire bonne mine au mauvais jeu*; иначе „сестрица“ разсердилась бы и вышла такая кутерма, какой по половицѣ ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать; то они, не только съ самой сладенькой улыбкой, означающей полное согласіе съ принимаемыми ею распоряженіями, но даже собственноручно купно съ нею, перетаскивали мебель изъ угла въ уголъ, проклиная ее въ душѣ.—

Когда все было приведено въ порядокъ, и со стороны внѣшней не оставалось болѣе ничего дѣлать, Анфиса Ивановна, всегда чрезвычайно дѣятельная, и на этотъ разъ не измѣнила своей природѣ. Она пошла прямо къ дѣлу и съ лукавою улыбкою мигнувши „братцу и сестрицѣ“ потребовала къ себѣ Зинаиду.—

Нисколько не ожидая такъ скоро отъ пріѣзжей какой-бы то ни было выходки, тѣмъ болѣе такого рода,

Зинаида мирно сидѣла въ своей маленькой комнаткѣ подъ тесовою крышею, читая какой-то романъ, оставленный ей одною изъ дочерей богатаго помѣщика.

Переселившись вмѣстѣ съ героями романа въ фантастическій міръ поэзіи,—она позабыла о той неумолимой дѣйствительности, какая ожидала ее внизу, въ лицѣ „тетушки“ и потому когда голосъ отца, противъ обыкновенія раздражительный и нетерпѣливый, сталъ звать ее внизъ, она почувствовала что сердце у ней болѣзненно сжалось.—

Она сошла...мать и отецъ, стояли какіе то разстроенные и смущенные; тетушка гордо расхаживала по комнатѣ, какъ бы приготовляясь къ той важной роли „миротворицы“, которую она на себя взяла.

Скромно и съ достоинствомъ вошла Зинаида, не будучи въ состояніи дать себѣ отчета для чего зовутъ ее, и когда отецъ, къ которому она обратилась, такъ какъ его голосъ звалъ ее, указалъ ей на „тетушку“, она сдѣлавши ей форменный вопросъ: что ей угодно? покорно ждала какимъ отвѣтомъ тетушкѣ угодно будетъ ее осчастливить.

Анфиса Ивановна, не затруднилась въ подобныхъ случаяхъ. Она знала, что дѣвушки - невѣсты, всегда очень „скромны“ и „замужъ не хотятъ“, такъ какъ имъ и въ родительскомъ домѣ „оченно хорошо“, но знала тоже, и знала очень хорошо, что эта „скромность“ и это „оченно хорошее житье“ въ родительскомъ домѣ, есть ничто иное какъ извѣстная формула, которою отводятъ глаза для того чтобъ „принести жертву“, то есть согласиться на то, чего сами желаютъ давно.—

Анфиса Ивановна, при своемъ умѣ, котораго конечно въ ней отрицать было нельзя, потому что безъ ума врядъ-ли можно пріобрѣсти такое обладаніе надъ всѣми,

какое она приобрѣла, не взвѣсила однако, что ея племянница, дочь ея брата, бѣднаго чиновника,хватила, хоть положимъ и малую, но все таки нѣкоторую часть того образованія, которое равняетъ сословія и общественныя положенія и не смотря на страданія и даже пытки, можетъ торжествующею выйти изъ борьбы.—

Міросозерцаніе Анфисы Ивановны ужъ конечно такъ далеко не простиралось. Она знала, что въ извѣстныхъ случаяхъ, надо „прикрикнуть“ и что дѣвушка, готова, то есть согласна на все, она знала, что въ извѣстномъ кругу такъ называемое упорство дѣвушки, есть ничто иное какъ комедія, которую она играетъ для того, чтобы продать себя какъ можно дороже, а потому нисколько не удивилась, когда на вопросъ ея: Да чтожь это въ самомъ дѣлѣ ты дѣлаешь, племянница? Отца смѣешь ослушиваться? Дѣвушка тихо отвѣчала, что она не знаетъ о чемъ идетъ дѣло?—

Анфиса Ивановна, привыкшая имѣть дѣло съ напущенною скромностью, и съ невинностью, ожидающей только случая чтобы перестать быть ею, не понравился полной достоинства вопросъ Зинаиды. Она готова была вспыхнуть и разразиться цѣлымъ потокомъ брани, но смекнувши, что сперва лучше лисій хвостъ, а потомъ уже волчій ротъ, сообразно этому сдѣлала усиліе надъ собою, что, конечно, было не въ ея натурѣ и показалось чрезвычайно трудно, и отвѣчала Зинаидѣ такъ тихо, какъ только могла:

— Родители твои, племянница, передали мнѣ, какъ ближайшей родственницѣ и принимающей живое участіе въ судьбѣ близкаго мнѣ семейства, желаніе свое видѣть тебя пристроенной. Ты ужъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ дѣвушкѣ пора думать о замужествѣ, и не ломаться когда Богъ посылаетъ хорошаго человѣка.—Понявши нако-

пецъ въ чемъ дѣло, Зинаида вздохнула свободнѣе. Зная, что отецъ и мать ее любятъ и ужъ, конечно, принуждаютъ ее выйти замужъ, не будучи, она сочла за лучшее, не мѣшать тетускѣ въ ея краснорѣчіи.

— Мнѣ извѣстно, продолжала тетушка самымъ нѣжнымъ и кроткимъ голоскомъ, что къ тебѣ сватается Михаилъ Ивановичъ Черняевъ. — Онъ отличнѣйшій человекъ:—умень, богатъ и наружности не отвратительной. Онъ будетъ одѣвать тебя какъ куколку, кормить съ утра до вечера конфетами и всякими сластями, въ домѣ у васъ будетъ разлитое море. Неужели ты такъ глупа, что откажешь такому богатому жениху?—Я не расположена идти замужъ, и ужъ сказала объ этомъ папашѣ и мамашѣ! отвѣчала Зинаида.—Это, сударыня, вздоръ и ничего больше. Не расположена? Да что изъ тебя, отецъ съ матерью, солонину что ли солить будутъ? Ишь какая фря, подумаешь! Не расположена! Да что у тебя миллионы что ли заготовлены, что надо еще дожидаться, когда ты будешь расположена? Видите, еще какія затѣи! Да ты оглядись-ко кругомъ-то! У тебя еще растетъ сестра; вѣдь и ее тоже надо собрать замужъ, у тебя вотъ двое братишекъ, а чай вѣдь и ихъ надо кой чему поучить, чтобы выпустить въ люди... А отецъ то у васъ вѣдь одинъ, онъ цѣлый вѣкъ гнулъ хребетъ-то, а много-ли нажилъ? изо дня въ день, еле-еле, перебивается. Мать баба хилая, изъ кожи лѣзетъ обшить, да обмыть васъ только, и то часто силенки не хватаетъ,—а ты будешь еще толковать—расположена-ли или не расположена выходить замужъ.—

Не объ расположеніи твоёмъ идетъ рѣчь, а о томъ какъ помочь отцу и матери выбиться съ семьею изъ нужды, которая ихъ заѣла и дать возможность вздохнуть имъ свободно хоть на старости-то лѣтъ. Или въ самомъ дѣлѣ они

тебя осьмнадцать-то лѣтъ растили, поили да кормили, для того чтобы ты стала грубить имъ, да упираться, когда они хотятъ твоего же счастья? Перестань дурить, племянница, цалуй скорѣе руки у отца съ матерью, да веселымъ пиркомъ, да за свадебку! я слышала, что Михаилъ Ивановичъ тебѣ ужъ готовить такой подарочекъ, что ты инда ахнешь, какъ его увидишь; инда слюньки потекутъ.

Кто хоть сколько нибудь понимаетъ этотъ міръ, догадается, что Анфиса Ивановна ни о какомъ подаркѣ не слыхала, и что это сказано было ею единственно такъ, для красоты слога. Она знала слабость „дѣвицъ“, какъ она выражалась, къ нарядамъ, и потому не сочла излишнимъ прибѣгнуть къ этой риторической фигурѣ усугубленія.—

Хотя Зинаида и не чужда была вовсе этой общей женской слабости, къ нарядамъ, о которыхъ такъ заманчиво намекала ей тетушка, но тѣмъ не менѣе, въ эту минуту перспектива „подарочка“, отъ котораго у ней потекутъ слюньки, ни мало на нее не подѣйствовала.— Она стояла молча, разсуждая въ самой себѣ, какъ бы поскорѣе улизнуть къ себѣ на верхъ отъ этихъ заманчивыхъ увѣщаній тетушки.—

Видя, что племянница молчитъ и не двигается съ мѣста, Анфиса Ивановна вскрикнула:—Да чтожь ты стоишь какъ столбъ какой? Я чай съ тобой говорю, а не со стѣнами! Чтожь? идешь чтоль за Михаила Ивановича? Ну живо?

— Онъ мнѣ не нравится, тетушка! осмѣлилась выговорить Зинаида... Ахъ ты безстыдница! заорала теперь Анфиса Ивановна полнымъ своимъ голосомъ. Такъ тебѣ еще пожалуй влюбиться надо, чтобъ выйти замужъ! Это что еще за новости? Да знаешь ли ты, что скромная дѣ-

вица объ этомъ и заикнуться то даже не посмѣетъ, со стыда сгорить прежде, нежели такое слово изо рта выпуститъ. Нравится ей еще долженъ! а! какъ вамъ это покажется? Мало тебя съкли отецъ съ матерью—вотъ что! кабы они да умны были, подняли бы тебѣ юбочку на голову, да вписали бы хорошенько задницу, такъ небось такая шелковая бы стала, что любо!.. Не нравится видите ей... Да что ты прища штоликакого себѣ ждешь въ женихи; али думаешь, что изъ Питера енараль какой, или графъ, пріѣдетъ къ вамъ въ Воскресенское и отвезетъ съ большимъ парадомъ во свояси? Разставь карманъ-то! Нынче такіе дураки повывелись... Нынче всякій наровитъ жениться на денежкахъ, а у твоего отца, ты знаешь, ни кола ни двора нѣтъ... весь тутъ!... Даже на плохое приданншко, и то пожалуй врядъ ли хватить! А ты еще фордыбачишь, да нерасположеніе свое поминаешь. Хватай скорѣе черта за хвостъ, коли подошелъ случай, да моли Бога, что нашлся человекъ съ деньгами, что хочеть тебя безприданницу взять... А пожалуй какъ отецъ умретъ, безъ башмаковъ насидишься, рада будешь хоть за кого выйти, да охотниковъ не найдется и умреть Христовой невѣстой гдѣ нибудь въ богадѣльнѣ.—

Дѣвушка молчала, жалобно поглядывая на отца и мать, ожидая отъ нихъ защиты, но видя, что они молчатъ и тоже находятся въ грустномъ настроеніи, она принялась плакать.—

— Ну что слюни то распустила? закричала Анфиса Ивановна одушевляясь. Не хныкать, сударыня, надо, а исполнять родительскую волю. Самой послѣ слюбится, какъ эдакъ барыней къ отцовскому крыльцу подѣдешь, въ собственной коляскѣ да съ ливрейнымъ на запяткахъ... А? Да у товарокъ-то твоихъ, утробы лопнуть съ зависти, когда имъ скажутъ, что Александра-то Петровича

дочка въ собственной коляскѣ разѣзжаетъ по визитамъ, да въ сотенной шали на плечахъ!.. Што, небось тетку-то дуру, благодарить будешь, что уму разуму научила... И долго ораторствовала Анфиса Ивановна на эту тему, то пускаясь въ хваленія Михаила Ивановича, котораго она даже и въ глаза то не видала, то описывая блаженство ѣздить въ собственной коляскѣ, съ ливрейнымъ на запяткахъ и въ сотенной шаль на плечахъ; то ругаясь изо всѣхъ силъ и возвышая голосъ до того, что дрожали стекла... Передъ подобнымъ потокомъ доморощенного краснорѣчія, дѣвушкѣ не оставалось ничего больше, какъ плакать и плакать, до того что у ней опухли глаза и пока бѣдные отецъ и мать, не сжалившись наконецъ надъ нею, не отпустили ее спать, чѣмъ и кончился первый сеансъ родственнаго сватовства бѣдной дѣвушки.

IV.

Не успѣла Зинаида Александровна проснуться на другой день утромъ (она привыкла спать долѣе другихъ, будучи избалована въ этомъ, пребываніемъ въ домѣ богатаго помѣщика, гдѣ вообще вставали поздно) какъ услышала гром-подобный діапозонъ безцѣнной „тетушки“. Она продолжала начатое вчера устраненіе беспорядковъ въ домѣ и мебель съ визгомъ и громомъ передвигаемая съ мѣста на мѣсто и изъ одной комнаты въ другую громогласно доказывала, что труды ея къ удворенію порядка и благоденствія въ домѣ „братца“ не пропадали безслѣдно. Увѣренная что и нынѣшній день ожидаютъ ее такія же гоненія какія были вчера, бѣдная дѣвушка тянула сколько могла, не хитрый туалетъ свой, и только тогда, когда пришла къ ней мать, узнать здорова ли она,

безпокоясь что она долго не сходитъ внизъ, она рѣшилась оставить свою маленькую комнатку подъ крышею.—

Но прежде нежели она сошла внизъ, предчувствуя что ее ожидаетъ, она рыдая бросилась на шею матери, какъ бы испрашивая ея защиты и покровительства. Бѣдная женщина, хотя и убѣжденная, что дочь дѣлаетъ дурно, отказываясь отъ искательства Черныяева, не могла отказать ей въ горячихъ материнскихъ объятіяхъ и цѣлые потоки слезъ, пролитые ими обими, заключили этотъ умильный союзъ сердець, хоть и любящихъ другъ друга,—но раздѣленныхъ понятіями о благѣ и счастьи жизни.

Боясь предстать передъ „сестрицей“ съ заплаканными глазами, за что навѣрное получила-бы внушительный нагоняй за слабость и баловство, мать Зинаиды тоже не торопилась сходить внизъ, пока звучный голосъ „сестрицы“ не вывелъ ее изъ экстаза материнской любви и заставилъ воротиться къ печальной дѣйствительности.

Анфиса Ивановна встрѣтила Зинаиду вопросомъ: мудренѣе ли утро вечера? и въ видѣ поясненія добавила: надумалась-ли она въ продолженіи ночи. Дѣвушка отвѣчала, что ей надумываться не о чемъ; что она ей сказала вчера все и что ей теперь говорить нечего. Тогда тетушка вышла изъ себя... Она бросилась къ ней съ поднятыми кулаками, и ужъ конечно порядкомъ доказала-бы ей могущество своей десницы, ежели-бъ кроткій „братецъ“, отецъ Зинаиды, видя опасность угрожающую его дочери, во время не остановилъ столь вразумительныя увѣщанія своей сестрицы. Тогда она разразилась такимъ потокомъ ругательства, что бѣдная дѣвушка, никогда не слышавшая въ домѣ родительскомъ подобныхъ словъ, заткнула уши и бѣжала съ поля битвы; то есть скрылась въ свою комнатку, даже и тамъ продолжая явственно слышать всѣ эпитеты, которыми милая тетушка ее честила.

Сцены эти, продолжавшіяся въ теченіи нѣсколькихъ дней, по нѣскольку часовъ сряду, до того измучили бѣдную дѣвушку, что она, какъ истязуемый въ пыткахъ инквизиціею, готова была согласиться на все, только бы перестала ее мучить. Слезы отца и матери, уговаривавшихъ ее на всевозможные лады сдѣлать ихъ всѣхъ счастливыми, не менѣе увѣщаній тетушки, можетъ быть и болѣе, томилъ ее, такъ что она пережила всѣ фазисы тѣхъ нравственныхъ мукъ, въ которыхъ человекъ изнемогаетъ наконецъ въ борьбѣ; истомленная и тѣлесно и нравственно въ добычу самыхъ разнообразныхъ мыслей и ощущеній, принуждена была согласиться, чтобы только избавиться отъ этой пытки, переносить которую у ней не доставало болѣе силы. И когда она, доведенная до отчаянія, исхудавшая и блѣдная, какъ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, произнесла наконецъ роковое: согласна!... тетушка, ходя по комнатамъ и потирая съ торжествующимъ видомъ руки, сказала, обращаясь къ не менѣе измученному отцу и матери Зинаиды:

— Я говорила вамъ, что это только одинъ капризъ вашей дочки! Теперь вѣрно сами видите, что съ дѣвками нѣжностью, да мягкостью ничего не возмешь. Это ужъ такой народъ! А какъ прикрикнешь, да пригрозишь, анъ смотришь дѣло-то и уладилось.... Сказать по правдѣ, это бы вѣдь ваше дѣло, вѣдь вы отецъ то и мать! А я что? Я человекъ посторонній; хоть и родня положимъ, а все таки вамъ бы слѣдовало самимъ все устроить. Поздравляю племянница! Смотри же, позови на свадьбу! Помни, что тетка всегда желала тебѣ добра, и желала отъ всего сердца, и ежели сказала что нибудь лишнее, пеняй на себя!.. Скажи пожалуйста, изъ за какого чорта ломалась ты такъ долго? Вѣдь нравится Михайла Ивановичъ, вижу что нравится!.. да только гордости своей переломить не хотѣла!

Хотѣла помучить отца съ матерью.... Анъ не хорошо, Зинаида! развѣ забыла, что въ писаніи сказано: чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на земли!.. Слышишь—долголѣтенъ! а развѣ это шутка?

Отецъ и мать радовались согласію дочери другимъ образомъ. Они бросились къ ней на шею и со слезами благодарили ее за то, что она наконецъ успокоила ихъ, что они могутъ теперь умереть покойно, зная, что милая Зина ихъ будетъ счастлива, а черезъ нее будутъ счастливы и покойны, не только они на старости дней своихъ, но даже и сестра ея и братья, которые найдутъ въ ея мужѣ покровительство и помощь въ продолженіи всей своей жизни.

На другой день, къ великому удовольствію всѣхъ безъ исключенія, „сестрица“ уѣхала, съ гордостью повторяя, что безъ нее они „мокрыя куры“ погибли бы, и что съ дѣвками иначе поступать нельзя, такъ какъ они: „глупы и не знаютъ собственной пользы.“ „Братецъ“ не спорилъ, ему было не до того, онъ весь былъ погруженъ въ счастье своей милой Зины и съ восторгомъ про себя высчитывалъ сколько у ней будетъ шелковыхъ платьевъ и салоновъ, и какъ завидовать будутъ ему и Антонъ Исаичъ и Петръ Владиміровичъ и еще многіе другіе, когда увидятъ, что его милая Зинаидушка ѣдетъ въ своей коляскѣ и съ ливрейнымъ лакейчикомъ позади. Мать же не знала ужъ куда и дѣваться отъ радости! Ей казалось, что ей открылось небо и что ея милая и безцѣнная дочка Зина, какъ какой нибудь благодѣтельный Ангелъ, ниспосылаетъ всѣмъ имъ, то есть ей со всѣми дѣтьми, и довольство и счастье и все наконецъ, что составляетъ здѣсь на землѣ благо жизни.

V.

Не далѣ какъ на третій день послѣ побѣды, одержанной тетушкой надъ Зинаидой, на тройкѣ, украшенной лентами съ колокольчиками, бубенчиками, побрякушками, съ необыкновенно росписной дугой, и всевозможными мѣдными какъ жаръ бляхами и наборомъ на шлехъ и уздахъ, подкатилъ къ подъѣзду скромнаго домика отца Зинаиды, Михаилъ Ивановичъ Черняевъ. Лице его сіяло удовольствіемъ удовлетвореннаго самолюбія; движенія были какъ то вольнѣе и рѣзче обыкновеннаго, можно было думать, что онъ выпилъ „для куражу“, готовясь на щекотливыя объясненія сватовства и заранѣе торжествуя побѣду...

Съ его пріѣздомъ всполошились старики, а съ ними и весь домъ. Даже на кухаркѣ въ кухнѣ отразилось вліяніе пріѣзда жениха. Она супула масла туда, куда надо было положить соли; соли насыпала вмѣсто сахара въ пирожное... такъ ей хотѣлось взглянуть поскорѣе на жениха, котораго она, впрочемъ, видала уже много разъ, не обращая на его личность особаго вниманія, а теперь съ названіемъ жениха превратившагося во что то необычайное и заслуживающее особаго вниманія. Одна Зинаида Александровна не участвовала въ общей суетѣ. Грустно сидѣла она въ своей маленькой комнаткѣ подъ кровлею, и хотъ держала книгу въ рукахъ, но не читала: мысли ея задумчиво и тревожно бродили по полямъ будущаго, и грозно казалось ей это будущее съ немилымъ человѣкомъ, не смотря на собственную коляску съ ливрейнымъ лакейчикомъ и сотенную шаль на плечахъ, не смотря на зависть подругъ и радость семейства, котораго она дѣлалась очи-

стительною жертвою. Проливая тайно отъ матери горькія слезы, она раскаивалась что дала свое согласіе такъ поспѣшно и хотъ смутно понимала, что ей не было другаго выхода, но сердце ея возмущалось при мысли принадлежать человѣку, къ которому она должна чувствовать какъ будто даже отвращеніе, такъ какъ онъ былъ причиною тѣхъ мучительныхъ гоненій, которыя она за него выдержала. Звукъ бубенчиковъ, своимъ нелѣпо-праздничнымъ звукомъ, болѣзненно кольнули ее въ самое сердце... они нахально смѣли радоваться ея страданію!.... А онъ, этотъ господинъ, еще не слышавши отъ нея ея слова согласія, этими праздничными звуками уже какъ будто празднуетъ свою побѣду... побѣду, купленную цѣною столькихъ слезъ, гоненій и преслѣдованій, отъ которыхъ ей укрыться некуда. Онъ такъ низко упалъ въ ея глазахъ въ эти минуты, что она готова была презирать его и ненавидѣть, и ежелибъ ее не удерживали слезы радости отца и матери при ея согласіи, участь сестры и братьевъ, которыхъ она приносимою ею жертвою выкупала изъ нищеты, она готова была бы сей часъ же, сію минуту, прямо ему въ глаза сказать, что она презираетъ его и ненавидитъ и никогда не рѣшится быть его женою...

Въ такомъ настроеніи была она, когда къ ней на верхъ вошла ея мать съ извѣщеніемъ, что пріѣхалъ Михаилъ Ивановичъ и желаетъ ее видѣть. Какъ была, не вспомнивши даже, что она въ спальномъ капотѣ и настоящимъ образомъ еще не причесана, блѣдная какъ смерть, холодная какъ мраморъ, какъ машина, повинующаяся велѣніямъ скрытой въ ней механики, не говоря ни слова, встала она съ своего мѣста чтобъ слѣдовать за матерью. Мать, хотъ и шепнула ей, не смѣя сказать громко, что ей надо бы хотъ немного пріодѣться, не посмѣла однако на этомъ настаивать. Однимъ изъ этихъ движеній, полныхъ вели-

чія и гордости, которыя люди находятъ въ минуты душевныхъ страданій, Зинаида заставила ее умолкнуть на половинѣ рѣчи. Добрая женщина поняла, что въ подобныя мгновенія говорить о нарядахъ нельзя; опустивши голову, въ тяжеломъ раздумьи, тихо нашептывая молитвы, поплелась она за дочерью, идущей твердымъ, какимъ то кадансово-каменнымъ шагомъ съ лѣстницы, звонко отдающей теперь мѣрные шаги ея, тогда какъ прежде, эти самыя ступени, были совершенно безмолвны подъ легкой, неслышной поступью ея,—какъ будто по нихъ проходило не живое существо, но какое то воздушное видѣніе.—

И тѣмъ же мѣрнымъ, какъ будто каменнымъ шагомъ, съ тою же мертвою блѣдностію и неподвижностію лица, вошла она въ гостинную, гдѣ блестящій Черняевъ рассыпался передъ ея отцемъ,—и не говоря ни слова, сѣла на кресло, ожидая вопроса.

Вскочившаго при ея появленіи и разлетѣвшагося къ ней вѣтеркомъ Черняева, чуть не отбросило назадъ, когда онъ увидалъ горячешный блескъ глазъ Зинаиды и мертвую неподвижность лица. Онъ понялъ, что передъ нимъ нерадующаяся невѣста, но жертва, готовящаяся къ смерти, и хотя его сердце, еще не совсѣмъ испорченное, шепнуло ему, что брать жену по принужденію, безчестно, но самолюбіе одержало верхъ и мысль, столь присущая всякому самолюбцу, шепнувшая ему: это только сначала! поживется, слюбится!... заставила смолкнуть всякое другое чувство. Уже безъ той развязности, съ какою вскочилъ съ мѣста; уже безъ прежней самонадѣянности, чувствуя, что она теперь не къ мѣсту, подошелъ онъ къ Зинаидѣ и уже тихо, чуть не шопотомъ сказалъ ей:

— Я просилъ у вашего батюшки, Зинаида Александр-

ровна, позволенія говорить съ вами; онъ мнѣ это позволилъ. Теперь я прошу того же у васъ.

Не отвѣчая ему ни слова, она знакомъ показала ему, что онъ можетъ говорить.

— Съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ я васъ, продолжалъ Черняевъ понемногу одушевляясь, я рѣшилъ себѣ, что вы одна, которую бы я желалъ назвать подругою моею жизни. Позвольте мнѣ имѣть честь предложить вамъ мое сердце, ежели ваше сердце ни кѣмъ еще не занято.

Сдѣлавши надъ собою замѣтное усиліе, Зинаида тихо, но твердо отвѣчала ему:

— Сердце мое не занято и доказательствомъ этому служить то, что я уже объявила моему отцу, что я принимаю ваше предложеніе. Не думайте однако, что это я дѣлаю по собственному свободному побужденію. Я не хочу скрывать отъ васъ, что я къ вамъ не чувствую никакого расположенія, что я иду за васъ, повинаясь единственно желанію моихъ родителей.—

Наступило нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія, въ продолженіи которыхъ, озадаченный неожиданностію подобныхъ словъ, Черняевъ могъ нѣсколько придти въ себя.

Послѣ подобнаго заявленія, другой на его мѣстѣ, конечно, отказался бы тотчасъ отъ той жалкой роли, какую онъ игралъ теперь, но самолюбивый, чувственный и заносчивый Черняевъ не только остался непреклоненъ передъ такимъ благороднымъ сознаніемъ, но ему даже показалось обиднымъ и унижительнымъ отступить. Ему хотѣлось получить Зинаиду во чтобы то ни стало,—и онъ рѣшился идти до конца.—

— Я буду стараться заслужить ваше расположеніе, Зинаида Александровна, всѣми средствами, какія отъ меня будутъ зависеть, началъ онъ, и надѣюсь, что современемъ

вы оцѣните мои желанія и заботы быть вамъ пріятнымъ.... Позвольте думать, что...

Онъ не успѣлъ окончить своего монолога, потому что Зинаида, употребившая для этой печальной сцены, похожей скорѣе на похороны, чѣмъ на свадьбу, — послѣднія усилія, упала въ обморокъ и къ ней на помощь бросились отецъ съ матерью.—

VI.

Черезъ день послѣ описанной нами сцены, всѣ начали поздравлять Зинаиду. Она принимала поздравленія молча, Михаилъ Ивановичъ напротивъ того принималъ поздравленія съ хвастливой развязностію удовлетвореннаго самолюбія, какъ бы говоря: „знай нашего брата! вотъ каковы мы-то!“—

Но эта хвастливая развязность, иногда даже довольно шумно выражавшаяся при постороннихъ, когда они оставались одни въ семействѣ, а тѣмъ болѣе, когда онъ оставался глазъ на глазъ съ Зинаидой, мгновенно пропадала. Онъ чувствовалъ, что у него подъ погами нѣтъ почвы, что самолюбіе его тутъ не у мѣста; что онъ ничтоженъ и мѣлокъ передъ этой деревенской дѣвочкой, которую онъ думалъ осчастливить своимъ предложеніемъ. Въ немъ происходила странная борьба: онъ любилъ Зинаиду настолько, на сколько избалованный легкими и дешевыми побѣдами, большею частію купленными, онъ могъ любить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почти ненавидѣлъ, ее за тотъ нравственный перевѣсъ, который она надъ нимъ имѣла, оставаясь вѣрной своей тоскѣ, тогда какъ онъ безпрестанно переходилъ отъ самаго гомерическаго хохота и чуть не оргической веселости, къ молчаливому, тупому и стра-

дательному сознанію своего безсилія надъ сердцемъ дѣвушки, чувственно возбуждающей его прелестью своихъ дѣвственныхъ формъ. Онъ старался быть нѣженъ съ нею, но нѣжность его разбивалась объ ея пассивную покорность судьбѣ; онъ лучше бы хотѣлъ видѣть въ ней ненависть къ себѣ, нежели это безмолвное страданіе, въ которомъ не было даже слезъ, чтобъ оплакивать судьбу свою. Тщетно старался онъ заговаривать съ нею о будущемъ; о надеждахъ взаимности, о лучшихъ дняхъ, она грустно качала головою и говорила тихо:

— Дай Богъ чтобъ это было все такъ, какъ вы говорите, Михаилъ Ивановичъ,—по я не могу васъ обманывать: я не люблю васъ, а что будетъ впереди, это знаетъ Богъ одинъ. И онъ, кусая губы отъ злости, уходилъ отъ нее къ товарищамъ своихъ оргій, которымъ онъ съ бѣшенствомъ предавался теперь болѣе, нежели когда нибудь.

Проходили дни, а съ ними и приготовленія къ свадьбѣ. Михаилъ Ивановичъ былъ у невесты каждый день, но сердечныя дѣла его не выигрывали отъ этого нисколько. Онъ выдумывалъ забавы, ломалъ голову чтобъ изобрѣсти какое нибудь новое увеселеніе, катанья, завтраки и проч. Зинаида покорялась всему этому, точно также безъ ропота, какъ и безъ увлеченія, видно было, что она чувствовала себя обязанной тутъ присутствовать, какъ по службѣ, а не по влеченію сердца, и что всѣ эти удовольствія даются для другихъ, а не для нея. Михаилъ Ивановичъ, видя бесполезность своихъ усилій, сдѣлался угрюмъ, чаще прибѣгалъ къ искусственному способу развеселиться; бывали дни, что пріѣзжалъ къ невестѣ на-веселѣ, стараясь извиниться нечаянными встрѣчами, проводами, свадьбами, похоронами, крестинами, храмовыми праздниками и мало ли чѣмъ еще. Зинаида все видѣла и молчала. Она понимала,

что отказомъ убьетъ добрыхъ родителей своихъ и рѣшилась терпѣть до конца.

Пока все это происходило, летѣли дни и ночи; шилось приданое; языки сплетничали; дрались мужья съ женами, умирали и рождались люди. Суббота смѣнялась воскресеньемъ и конецъ концовъ былъ тотъ, что наступилъ день свадьбы.—

Что вамъ сказать о немъ? Нарядили невѣсту въ вуаль и флеръ-д'оранжъ; надѣли на нее бѣлое платье, не смотря на то, что она была какъ говорятъ: краше въ гробъ кладутъ! (и это все во имя ея собственной пользы) повезли въ церковь, обвѣнчали, начались поздравленія, потомъ обѣдъ и попойка, потомъ пьяные поцѣлуи, потомъ отвратительныя пожеланія, еще болѣе отвратительныя намеки, отъ которыхъ, слава Богу, по примѣру Англии, теперь уѣзжаютъ прямо отъ вѣнца куда нибудь подальше отъ людей, потому что скромность женщины ими оскорблена въ высшей степени; потомъ вся эта обстановка чиновничьяго міра, можетъ быть очень добродушная, но грязная и отвратительная до нелзя.—

Наконецъ все это кончилось, шумъ умолкъ; гости разъѣхались, молодые остались одни. Лучше ли имъ стало? Нѣтъ. Они оба чувствовали, она, конечно, больше нежели онъ, что и впереди имъ оставаться однимъ будетъ не хорошо; что между ними лежитъ цѣлая пропасть, наполнить которую Михаилъ Ивановичъ не зналъ, самъ чѣмъ, а Зинаида знала, что и наполнить то ея нелзя.... И оба они, въ эту лучшую минуту жизни, стояли въ тяжеломъ раздумьѣ, другъ передъ другомъ, не зная, чѣмъ ее наполнить, и душевно желая оба, чтобъ она была уже въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ. — Но ежели эта минута прошла теперь, то на завтра она не сдѣлалась лучше.... и завтра, и послѣ завтра все таже страшная,

мучительная пустота жизни; таже невозможность оставаться однимъ; тѣже слезы съ ея стороны; таже злоба съ его стороны, и безнадежность со стороны обоихъ.

Проживши такъ нѣсколько дней, Михаилъ Ивановичъ почувствовалъ потребность освѣжиться.—Въ этой душной атмосферѣ, въ которой, когда есть взаимная любовь, человеку такъ привольно и благодатно,—онъ задышался; онъ бросился къ прежнимъ товарищамъ и тамъ начались уже не прежнія оргіи, но гораздо худшія... Худшія, потому что ему надо было забыться отъ счастья первыхъ дней супружества.

Она жила тою пассивною жизнію, какою живетъ сломленный бурей цвѣтокъ, не совсѣмъ отдѣленный отъ роднаго стебля.—

Счастливейшими минутами ея были, когда мужа нѣтъ дома; по крайней мѣрѣ тутъ она могла принадлежать себѣ; тутъ по крайней мѣрѣ ничто не напоминало ей, что романъ жизни ея окончился и что ей нечего ожидать въ будущемъ.

Бывали однако минуты, что сердце у ней вступало въ свои права; что оно требовало взаимности и любви, и она иногда готова была бы даже немножко любить мужа, но онъ, приходя теперь часто въ полпьяна, не находилъ ничего лучшаго какъ занимать ее рассказами о своихъ оргіяхъ и тѣмъ еще болѣе раздвигалъ ту пропасть, которая между ними существовала.

Однажды, когда онъ вечеромъ не ушелъ никуда и видимо желалъ какъ нибудь сойтись съ женою хоть въ чемъ нибудь, а она чувствовала потребность любить кого нибудь, разговоръ ихъ, сперва односложный и вялый, принялъ, почему-то, нѣкоторый отбѣнокъ интимности. Онъ ей сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ, ласковыхъ словъ, она съѣла подлѣ него, положила ему голову на плечо и

шопотомъ напомнила ему что ей непріятно, что онъ приходитъ часто домой не въ нормальномъ состояніи, и просила его, ежели онъ дорожить ея добрымъ мнѣніемъ, не водиться съ прежними товарищами, оставить ихъ разгульное общество. Михаилъ Ивановичъ разцвѣлъ подъ обаяніемъ ласковаго взгляда; подъ нѣгою участливыхъ словъ, услышанныхъ имъ впервые. Онъ общалъ все, подъ вліяніемъ этой нѣжащей атмосферы женскаго любящаго упрека; общалъ не видаться болѣе съ прежними товарищами, общалъ жить для нея и съ ней всегда; общалъ многое, что общается въ такія минуты, въ которыя человѣкъ, готовъ кажется сдвинуть горы..... и.....

Не далѣе какъ на другой день пришелъ вечеромъ не въ полпьяна только, но уже совершенно пьяный. Пропавшая, готовая закрыться, раздвинулась до пестротныхъ размѣровъ, никакое сближеніе не оказалось теперь возможнымъ. Она презирала его.... Въ такомъ положеніи были дѣла, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ брачной жизни, когда вдругъ по уѣзду прошелъ слухъ, что въ село Ильинское, Вендряково тожъ, пріѣхалъ изъ Москвы владѣлецъ его князь З.

Въ уѣздной жизни, гдѣ даже брань двухъ пьяныхъ бабъ считается событіемъ, все пришло въ необыкновенное движеніе. Извѣстно было, что князь служилъ въ кавалергардахъ; находился въ самыхъ близкихъ и даже интимныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ губерніи, что онъ молодъ, красивъ собою; хоть и женатъ, но въ разводъ съ женою и проч. и проч. Этого было достаточно, чтобъ всѣ, отъ стараго до малаго, особенно женщины, начали чесать языки, на столько, на сколько у каждаго и каждой достало умѣнья и силы. Начались догадки, соображенія, предположенія, споры; начали составляться заискиванія къ человѣку близкому къ „его превосходительству“; нѣкоторые

тайно отъ другихъ конечно, даже секретно отъ домашнихъ осматрѣли мундиры, раздумывая—не въ мундирѣ ли махнуть къ его сіятельству для перваго знакомства.... Оно, какъ тамъ не говори, все какъ то деликатнѣе и лучше и проч. и проч. Чтобъ не заставить моего читателя, паравнѣ съ жителями уѣзда, ломать себѣ голову, зачѣмъ пріѣхалъ князь З. въ село Ильинское, Вендряково тожъ, я скажу ему по секрету, что служивши въ кавалергардахъ, а потомъ на Кавказѣ, князь сильно попрокутился, и потому пріѣхалъ въ деревню лично удостовѣриться: нельзя ли продать что нибудь что не шибко нужно, нельзя ли увеличить оброки, аренду; нельзя ли продать лѣсъ, ежели онъ есть,—однимъ словомъ нельзя ли сдѣлать что нибудь такое, что можетъ дать деньги и тѣмъ хоть сколько нибудь поправить сильно разстроенные финансы князя.

Но такъ какъ князь въ дѣлѣ сельскаго хозяйства не понималъ ни бельмеса, старость же своему, подгородному, плутоватому мужику, съ первой же минуты пріѣзда, сталъ сильно не довѣрять за одинъ какой то ничтожный, но впрочемъ явный обманъ, основанный на незнаніи княземъ хозяйства, почему то бросившійся его сіятельству въ глаза, то онъ и рѣшилъ, что довѣрить старость свои денежные дѣла нельзя и что надо пріискать какого нибудь господина, который бы согласился, ежели не управлять, то хоть по крайней мѣрѣ завѣдывать имѣніемъ, и не допуская его до окончательнаго разстройства, пріискать средства увеличить доходъ и извлечь какой нибудь капиталъ, для уплаты расходовъ, нетерпящихъ отлагательства.—

Характеристика князя была не долга: онъ воспитывался въ Петербургѣ въ одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній; вынесъ отсюда отнюдь не болѣе того, что выносили молодые люди тогдашняго времени, т. е. умѣнье отлично ѣздить верхомъ, держаться необыкновенно прямо

въ гостинныхъ; стрѣлять изъ пистолета безъ промаха; говорить хорошо и даже безъ акцента по французски и кое какъ по англійски; танцовать мазурку, и пить шампанское не будучи никогда пьянымъ, честный, добродушный по природѣ; добрый малый, не залетающій въ метафизику, да и не понимающій ее; вовсе не задумывающійся о цѣли жизни, а принимающій ее какъ она есть и старающійся извлечь изъ нее все наслажденіе, какое она можетъ дать; наружно малоподвижной, но страстный, хоть и не востороженный; любящій женщинъ болѣе всего, и не за нравственную ихъ сторону, которую онъ мало понималъ; большой балагуръ съ ними, а потому ихъ любимецъ; не говорю охотникъ, но не прочь и выпить съ пріятелями, а потомъ пожалуй и порубиться „удовольствія ради“—вотъ каковъ былъ князь З., одинъ изъ тѣхъ людей, которые привлекаютъ къ себѣ съ перваго раза открытою фізіономіей, простотою обращенія, нѣкоторымъ изяществомъ военной т. е. нѣсколько солдатской манеры, въ которой, впрочемъ, не было вовсе искусственности, а простота, которая составляла основу его характера.

Наружности князь былъ довольно привлекательной, развѣ немножко полонъ, впрочемъ не толстъ для своихъ лѣтъ, (ему было съ чѣмъ нибудь 30). Статское платье носилъ онъ по военному, застегнутое до подбородка; онъ въ немъ для элегантныхъ гостинныхъ, пожалуй, и не годился бы; въ немъ не было той шикарности, какъ говорятъ нынче, той элегантности, того изящества словъ и движеній, какъ говорили мы во время оно, какія для настоящихъ гостинныхъ нужны.

Задумавши поручить наблюденіе за своимъ имѣніемъ кому нибудь, онъ началъ прискивать въ чьемъ бы лицѣ воплотить это наблюденіе. Въ уѣздѣ онъ не зналъ никого кромѣ одного господина С—а, сосѣда ему по имѣнію,

съ которымъ онъ былъ знакомъ по столичнымъ гостиннымъ. Такъ какъ дѣло было весною и быть на воздухѣ становилось необходимою, то онъ, вслѣдствіе военныхъ привычекъ, не сталъ откладывать дѣла въ долгой ящикъ: велѣлъ заложить первый экипажъ, какой въ дѣдовскихъ сараяхъ нашелся болѣе всего крѣпкимъ, и направился къ С—у. По счастью онъ засталъ его дома. Знакомство припомнилось, С—нъ хоть и далеко не похожій на князя, зная его фамилію, связи и проч. простилъ ему многое, что въ его особѣ было не фашіонабельнаго, и проникнувшись необходимою князя имѣть кого нибудь для наблюденія за его хоть и большимъ, но разстроеннымъ имѣніемъ, указалъ ему на Черняева, все таки лучшаго въ уѣздѣ, какъ выражался С—ъ, говоря впрочемъ совершенно откровенно. Для князя, которому и Черняевъ и Бѣляевъ, и даже Пестряевъ были личности совершенно безразличны, схватился за названную ему фамилію, сказанную впрочемъ человѣкомъ хорошаго общества, и воротившись домой принялся разыскивать Черняева по всѣмъ угламъ уѣзда. Для этого ходить не надо было далеко. Черняевъ служилъ въ Полицейскомъ Управленіи и слѣдственно былъ извѣстенъ чуть не каждому мужику въ уѣздѣ. Первый, у кого князь спросилъ объ этомъ, сказалъ гдѣ найти Черняева и прибавилъ, что онъ недавно женился. Онъ спросилъ другаго, третьяго, всѣ отвѣчали ему одно и то же, и непремѣнно прибавляли, что онъ недавно женился.

— А хороша его жена? спросилъ онъ однажды какого то мужика, расписавшаго ему Черняева славнымъ баринкомъ и прибавившаго въ видъ похвалы, какой на языкѣ нашего мужика уже и выше нѣтъ: „и всегда что нибудь на водку дать, или поднесетъ стаканчикъ“.

На вопросъ о женѣ, мужикъ отвѣчалъ:—а ктожъ ее знаетъ? Говорятъ, что тово, маленючко сухопара, говорятъ

только. Ну да это дѣло барское! Не мужичка же она въ самомъ дѣлѣ какая!.. И батюшка то ея Александръ Никитичъ, тожъ ничего, баринъ хорошій, смиренный баринъ; только ужъ больно бѣдно живетъ, еле еле перебивается...

— А Черняевъ то развѣ богатъ? спросилъ князь отъ нечего дѣлать.

— Какъ же батюшка, Ваше Сіятельство, не богатъ! Вѣдь и дѣвку то отдали за то, что богатъ. — Десятка четыре тысячъ говорятъ у него есть... Впрочемъ, вѣдь это дѣло темное, въ чужомъ карманѣ считать деньги трудно, можетъ быть и четыре десятка, а можетъ и вовсе ничего нѣтъ, али есть какая нибудь тыщенка другая, такъ и батвить ея.

Изъ всего этого разговора для князя осталось понятно одно: недавно женатъ; бабенка такъ себѣ, ничего, сучопаровата только, можетъ четыре десятка тысячъ, а можетъ быть и одна, ея надо этимъ заняться.

На другое утро староста получилъ приказъ приготовить подводу парой, а земскій Исаичъ, приказъ отправляться въ городъ и просить г-на Черняева пожаловать въ Ильинское, Вендряково тожъ, по очень важному дѣлу.

Исаичъ, старый дворовый, возведенный въ званіе земскаго т. е. писаря, не смотря на то, что сильно плохо зналъ грамотѣ, дралъ себѣ хохоль цѣлое утро, проникнувшись важностью своего порученія и повторяя съ разстановкою: „по очень важному дѣлу.... гмъ....“

Съ своей стороны, подводчикъ далеко не раздѣлялъ проникновенія земскаго и ахал твердилъ:

— Охъ, ужъ эти мнѣ подводы! Пропадать бы имъ пропастью! Какъ есть каждую недѣлю подвода, да подвода. А куда бы кажется? Только вздоръ одинъ дѣлаютъ; нашего брата притѣсняють....

При внимательномъ разсмотрѣніи оказалось-бы, что и

Исаичъ, и подводчикъ, а пожалуй даже и князь, каждый съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы. —

Исаичъ поѣхалъ и удивительно! привезъ съ собой Черняева. Черняевъ чувствовалъ, что ему не ловко дома, и потому радъ былъ уѣхать куда-бы то ни было. Мысль, что его потребовалъ князь З., льстила его самолюбію; значить онъ первый, съ которымъ князь хочетъ познакомиться въ уѣздѣ. —

Онъ не ошибся; онъ былъ первый, съ которымъ князь хотѣлъ познакомиться въ уѣздѣ. —

Знакомство это сдѣлалось очень скоро. Князь сказалъ ему, что онъ готовъ поручить ему завѣдываніе своего имѣнія и что онъ назначаетъ ему за труды 300 руб. въ годъ, съ тѣмъ чтобы онъ разсмотрѣлъ, что можно уничтожить, что нужно прибавить, что, однимъ, словомъ можетъ сдѣлаться источниками дохода, т. е. дать деньги которыхъ въ княжеской кассѣ оказывалось чрезвычайно мало. —

Черняевъ былъ достаточно воспитанъ для того, чтобы усвоить себѣ сразу желаніе князя. Онъ хорошо понималъ чего онъ хочетъ, и обѣщалъ сдѣлать все, чтобы увеличить его доходы, прибавивъ, что имѣніе его разстроено черезъ дурное управленіе и что стоитъ только измѣнить порядокъ управленія и способы его дѣйствія, для того чтобы имѣніе дало доходу ежели не втрое, то ужъ навѣрное вдвое противъ прежняго.

Отъ этихъ рѣчей сказанныхъ туземцемъ, слѣдственно имѣющимъ возможность знать всѣ мѣстные условія, у князя, что говорится, потекли слюнки. Двойные доходы сильно его заинтересовали. Ему любопытно было видѣть, какъ Черняевъ примется за дѣло и какъ это вдругъ доходы вырастутъ, такъ какъ онъ самъ, не только удвоить, но даже получить настоящіе то не предвидѣлъ никакой

возможности. По этому Черняевъ, вообще господитъ не лавившій за словомъ въ карманъ, понравился ему очень. Онъ пустился съ нимъ въ разговоры уже и не о хозяйствѣ, и нашелъ что онъ человекъ бывалый; жилъ и въ Варшавѣ, былъ и въ Сибири, на двухъ оконечностяхъ русскаго царства и ужъ конечно знаетъ мѣстность, въ которой живетъ. Припомнивъ, что онъ недавно жепи лся князь коснулся и этой струны, просилъ познакомиться его съ женою и вообще разстался съ нимъ очень довольный этимъ знакомствомъ. —

Князь заснулъ съ пріятными мечтами удвоенныхъ доходовъ, Черняевъ съ мыслию, что приобрѣлъ хорошаго покровителя, который при случаѣ можетъ помочь ему пробить дорогу. — Частію чтобъ похвастать новымъ и довольно лестнымъ знакомствомъ, частію для того чтобъ сказать что нибудь, потому что при разговорахъ съ женою онъ очень часто не находилъ объ чемъ говорить съ нею, а между тѣмъ боясь затронуть ту или другую струну, зная что она можетъ отозваться болѣзненно, — онъ передалъ Зинаидѣ о своемъ знакомствѣ съ княземъ и о той лестной перспективѣ, которая ему предпоставляется. Зинаида, у которой уши уже наболѣли отъ разсужденій и толковъ о князѣ, слышанныхъ въ семьѣ, поинтересовалась узнать что это за человекъ и на довольно восторженные похвалы мужа, отвѣчала не совсѣмъ довѣрчивымъ мычаніемъ, означавшимъ въ переводѣ: полно, такъ ли все это, какъ ты говоришь. —

Прошло нѣсколько дней, объ которыхъ о князѣ не было даже и помину. Все вошло въ обычную колею; Зинаида читала и грустила; Михаилъ Ивановичъ все болѣе и болѣе удалялся отъ дома и кутилъ съ пріятелями.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда мужъ и жена, хоть и были дома, но сидѣли по разнымъ комнатамъ, послы-

шался звукъ колокольчика и бубенчиковъ, и тройка лошадей, запряженныхъ въ допотопную коляску, въѣхала на дворъ. Зинаида скрылась; Михаилъ Ивановичъ перемѣнилъ поскорѣе старое пальто, замѣнявшее халатъ, на новое и ждалъ пріѣзжаго. —

Это былъ князь.

Не зная уѣздной жизни и мѣряя ее на столичную мѣрку, онъ пріѣхалъ съ вечернимъ визитомъ, въ такое время, въ которое въ провинціи только что не ложатся спать. Конечно онъ не зналъ этого, и надѣялся, что его посѣщеніе будетъ принято не только мужемъ, но и женою, и что онъ такимъ образомъ узнаетъ молодую, хотя въ сущности и узнать то ее ему не предстояло особаго интереса, такъ какъ въ это время онъ находился во власти одной танцовщицы, доказывающей ему свою пламенную любовь тѣмъ, что обирала его, какъ слѣдуетъ обирать актрисѣ. Но такъ какъ князь всякую бесѣду и всякую минуту безъ женщины, исключая товарищей по полку, среди которыхъ или бывали женщины или разговоръ шелъ о нихъ же, считалъ пропащими или даже дурно употребленными, то Михаилъ Ивановичъ, хоть и въ новомъ пальто, показался ему просто отвратительнымъ (insipide). Онъ длилъ визитъ свой по мѣрѣ возможности, ожидая вотъ, вотъ явится молодая, но такъ какъ часы пробили уже 10, а молодая не появлялась, то князь и рѣшилъ, что г. Черняевъ звѣрь; пріачетъ жену свою и что онъ далеко не такой любезный господинъ, какимъ показался ему съ перваго разу. Михаилъ Ивановичъ толкуя съ княземъ все это время о хозяйствѣ, никакъ не подозревалъ, что тѣ 300 руб., которые ему обѣщаны за наблюденіе за имѣніемъ, чуть не выскользаютъ изъ его кармана, не смотря на все его желаніе занять гостя.

Что дѣлала Зинаида въ то время, когда мужъ ея при-

нималъ визитъ князя, а князь внутренно бѣсился, не видя женской юбки, безъ которой, по его понятіямъ, никакой разговоръ невозможенъ и которая составляетъ альфу и омегу жизни.

Услышавъ звонъ колокольчика и бубенчиковъ, она немедленно скрылась въ своей комнатѣ; когда же узнала, что пріѣхалъ князь, любопытство ея сильно возбудилось. Такъ вотъ онъ, этотъ князь, который бываетъ и во дворцахъ и можетъ быть съ самимъ Государемъ удостоивался говорить. Такъ вотъ онъ, этотъ столичный житель, кавалергардъ, сливки лучшаго общества. Говорить ли онъ какъ другіе?... ходить ли также какъ всѣ, или у него есть своя, особая какая нибудь походка, другая манера говорить, кашлять, смѣяться и проч. и проч.

Любопытство Зинаиды было до такой степени возбуждено, что она, не смотря на то, что это отчасти было противно ея правиламъ, не могла удержаться, чтобъ не припасть глазомъ къ щелочкѣ, оставшейся въ непритворенной двери. Отсюда она вполне могла видѣть князя, не будучи сама видима и хорошо рассмотреть его. — То, что она увидала, далеко не отвѣчало тому понятію, какое она составила о князѣ. Аристократъ, князь по рожденію, кавалергардъ, человекъ бывающій во дворцѣ, потомокъ лучшей фамиліи въ государствѣ, — говоритъ также просто какъ и всѣ, курить, смѣется, какъ и всѣ, и въ немъ нѣтъ ничего, чтобы изобличало его высокое происхожденіе, чтобы заставляло подозрѣвать, что онъ знатнаго рода, что онъ даже alter ego начальника губерніи, столь всемогущаго въ уѣздѣ. Ей стало досадно на себя, что она такъ торопилась взглянуть на него, и отошла отъ двери съ неудовольствіемъ обманутаго ожиданія, — находя, что князь и не красивъ особенно, чрезвычайно простъ и рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ другихъ, — повторяя

это себѣ, она тѣмъ не менѣе съ этимъ тактомъ, какой прирожденъ почти всякой порядочной женщинѣ, не могла не замѣтить, что въ простотѣ князя было что-то такое, чего она даже и назвать-то не умѣла. Что простота эта далеко не была похожа на грубую простоту господъ, составлявшихъ ихъ знакомство, это она чувствовала; что то, что онъ говорилъ, кажется просто такъ, было какъ то лучше, нежели какъ говорили другіе, это она хоть и смутно, но понимала.... Но чѣмъ и почему это было лучше, она рѣшительно не могла дать себѣ отчета.... Вообще говоря, князь не произвелъ на нее особаго впечатлѣнія; что онъ былъ только не дурень, это она замѣтила, но и только; она даже сердилась на него за то, что онъ сидитъ такъ долго.... Убирался бы поскорѣе домой, думала она, пора всѣмъ спать. И охота же таскаться по вечерамъ и при томъ такъ поздно....

На другой день когда Михаилъ Ивановичъ, надувавшійся какъ индѣйской пѣтухъ отъ гордости, что къ нему ѣздитъ князь и что объ этомъ будутъ говорить въ уѣздѣ — сталъ рассказывать ей про любезность князя, про его умъ и простоту обращенія; Зинаида почувствовала, что похвалы эти какъ то грубы, тяжеловаты и что князь заслуживаетъ болѣе утонченныхъ похвалъ. Но ежелибъ ее спросили: что именно хвалить надо? что хорошо въ немъ, что дурно, — она точно также затруднилась бы отвѣтомъ и не знала на что именно указать надо. Конечно, она оправдывалась въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что она не могла же его рассмотреть, какъ слѣдуетъ, что она не видала напримѣръ: какъ онъ ходитъ, высокъ ли, какъ держится, то есть прямо или сутуловато и проч. и что слѣдственно не въ состояніи судить о его наружности, а объ умѣ и любезности тѣмъ еще менѣе, такъ какъ

разговоръ былъ для нее далеко неинтересный и она его мало слушала, а еще менѣе понимала. —

Прошло послѣ этого нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ объ князѣ не было даже и помину. И она забыла о немъ и снова погрузилась въ свое безмолвное одиночество, ибо разговоры ихъ съ мужемъ ограничивались большею частію дѣлами хозяйства, рѣдко чѣмъ нибудь постороннимъ, но разговоры эти были сухи, безжизненны и холодны. И день отъ дня отношенія ихъ дѣлались натянутѣе.... они скучали оба; оба тяготились своимъ положеніемъ. Человѣкъ чувственный, удовлетворивши своей страсти, Михаилъ Ивановичъ началъ находить что Зинаида совсѣмъ не та женщина, какую ему было надо. Какая нибудь цыганка, веселая, страстная, дикая, которая бы съ нимъ и напиваться могла, и такимъ образомъ могла бы быть участницей и покоя его, и оргій, скорѣе могла бы быть ему пригодна. Скучая дома, онъ сталъ искать на сторонѣ женщину, которая бы ему подходила и нашелъ таковую въ одной разухабистой купчихѣ, съ которой сперва тайно, а потомъ и явно, проводилъ дни и ночи.

До Зинаиды слухи о мужѣ дошли скоро: въ провинціи есть пропасть болтливыхъ языковъ, которые тоскуютъ, ежели имъ нѣтъ возможности разносить какіе нибудь сплетни. Это ее не удивило и не огорчило даже, холодность между ними существовавшая, была такова, что ее не трогало нѣсколько то, что касалось ея мужа. По духу, онъ ей былъ совершенно чужой.

Одиночество ея, вслѣдствіе того, что мужа ея цѣлые дни, а большею частію и половину ночей, не было дома, сдѣлалось еще замкнутѣе, еще однообразнѣе. Она не плакала больше, она была погружена въ какое-то мертвенное оцѣпѣненіе, изъ котораго рѣдко что нибудь ея развлекало. Даже и читала она мало, потому что все стало

ей равнодушно. Она жила, потому что нельзя было перестать жить, но въ этой ея жизни было также мало жизни, какъ въ какой нибудь Египетской муміи.

Однажды часовъ около одиннадцати дня, когда она сидѣла одна въ своей комнатѣ, и задумчиво глядѣла въ туманную даль, она услышала стукъ колесъ и топотъ лошадей. Выведенная этимъ стукомъ изъ своего грустнаго размысленія, она взглянула въ окно и увидала тройку бѣлыхъ лошадей, несущихся къ ихъ дому. Бѣлыхъ лошадей она замѣтила у князя З., при его первомъ посѣщеніи, и неизвѣстно отчего сердце у ней дрогнуло. Дѣйствительно, лошади съ тарантасомъ подъѣхали прямо къ крыльцу, и изъ него вышелъ, продолжая донашивать военную шинель, князь З. Тутъ только, притаившись за притолкой, могла она разсмотрѣть его при дневномъ свѣтѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ; голубые глаза его смотрѣли какъ-то свѣтло и бархатно; небольшіе усы небрежно падали на кончики губъ; видно было что онъ не очень заботился объ нихъ, вообще въ его особѣ ничто не изобличало желанія рисоваться, казаться лучшимъ, нежели какимъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Немного времени спустя послѣ его пріѣзда, мужъ пришелъ къ ней въ комнату и объявилъ ей, что князь желаетъ познакомиться съ ней, почему и просилъ ее выйти. Первый вопросъ, который она себя сдѣлала была: „для чего это знакомство? что общаго между имъ и нами?“ Но такъ какъ на выраженное ею желаніе остаться въ своей комнатѣ, мужъ отвѣчалъ ей, что она можетъ повредить ему въ его денежныхъ отношеніяхъ съ княземъ; что это будетъ просто невѣжливостію, лишенною всякаго разумнаго основанія, потому что болѣзнь въ этомъ случаѣ конечно ужъ никто не повѣритъ, то она и рѣшила одѣться и выйти.

Замѣтя простоту князя, и слыша объ этой простотѣ отъ другихъ, она въ одно мгновеніе, которое переживаетъ человѣкъ, задавая себѣ вопросъ часто большой важности, рѣшила, что ей надо одѣться какъ можно проще. И благо ей было—потому что вопреки мнѣнію женщинъ, думающихъ, что большой, т. е. изысканный туалетъ прибавляетъ что нибудь къ красотѣ ихъ, она въ простомъ, домашнемъ нарядѣ была несравненно милѣе и лучше..... А это-то, вопреки мнѣнію женщинъ, и замѣчаютъ мужчины.

Князь сидѣлъ съ Михаиломъ Ивановичемъ въ гостиной, когда она вошла. Онъ всталъ и поклонился ей такъ безыскусственно и просто, что она съ первой же минуты почувствовала, что при немъ ей вовсе не страшно, какой тамъ онъ аристократъ ни будь; и что вообще онъ долженъ быть хорошій человѣкъ.—На свѣтское привѣтствіе его, она отвѣчала какъ умѣла и какъ могла. Она не знала, хорошо ли дурно ли она отвѣчала—знала только, что отвѣчать ей было не неловко, а просто такъ, будто видѣла князя не первый разъ, а какъ-то, будто давно знала его. При этомъ она замѣтила, что ежели онъ былъ только не дурень собою, то за то голосъ его имѣлъ что-то вкрадчивое, задушевное, что-то такое, что какъ музыка проникло до сердца и оставляло въ немъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Князь, какъ свѣтскій человѣкъ, былъ любезенъ, но просто, говорилъ, что онъ пріѣхалъ сюда на цѣлое лѣто, что у него знакомыхъ нѣтъ, и что онъ проситъ позволенія, ради скуки, посѣщать ихъ. Узнавши, что Зинаида взята изъ сосѣдняго дому, онъ изъявилъ желаніе сдѣлать визитъ и ей родителямъ, и ей замужней сестрѣ, „чтобъ увеличить кругъ знакомства“, какъ говорилъ онъ смѣясь, и тоже смѣясь прибавилъ, что это будетъ его воспита-

ніемъ въ провинціальной жизни, о которой онъ не имѣетъ вовсе никакого понятія.

Визитъ его, продолжавшійся часа два или болѣе, прошелъ незамѣтно для всѣхъ. Зинаида слушала музыку его голоса и чувствовала въ себѣ что-то не совсѣмъ обыкновенное. Ежелибъ она захотѣла опредѣлить себѣ, что это за ощущеніе, она опредѣлить его не могла бы. Да и что опредѣлять то? Мало-ли музыкъ доходитъ до нашего слуха, не останавливаясь же передъ каждой изъ нихъ; видно въ этой музыкѣ было что-то симпатичное, что-то близкое, родственное душѣ ея, что она не могла его наслушаться.

Когда онъ уѣхалъ, Зинаида почувствовала, что ей какъ то хорошо, какъ давно не было. На сердцѣ у ней стало легко; тѣ мрачные горизонты, которые давили ее въ будущемъ своею неопредѣленностію, какъ то раздвинулись; она вздохнула свободнѣе. Даже отношенія ея къ мужу, сдѣлались человѣчнѣе; все враждебное какъ то улеглось? и она, какъ ребенокъ въ театрѣ, при волшебныхъ декорацияхъ, съ изумленіемъ озиралась на все окружающее ее, удивляясь сама, отъ чего теперь все смотритъ на нее не такъ мрачно и враждебно, какъ прежде.

Второй визитъ князя не замедлил; не далѣе какъ черезъ день, она опять увидала бѣлыхъ лошадей, несущихся къ ихъ подъѣзду.... Князь нашелъ необходимымъ переговорить о чемъ то съ Михаиломъ Ивановичемъ по своимъ деревенскимъ дѣламъ, такъ какъ находилъ нужнымъ уѣхать на нѣсколько дней въ Москву.... Теперь Зинаида вышла къ нему, уже не дожидаясь приглашенія мужа, и также какъ и прежде три часа его посѣщенія пролетѣли какъ одинъ мигъ. Князь былъ любезенъ и милъ до чрезвычайности; веселъ и шаловливъ какъ ребенокъ. Само собою разумѣется, что объ деревенскихъ его дѣлахъ не было

и помину; явно было, что они были только предлогомъ, чтобъ ѣздить сюда.

Хотя князь сказалъ, что онъ ѣдетъ на нѣсколько дней, однако, не далѣе какъ къ вечеру третьяго дня, онъ уже сидѣлъ опять подлѣ Зинаиды, какъ старый давнишній, пожалуй даже искренній знакомый; болталъ съ нею обо всемъ, бѣгалъ съ нею смотрѣть ея цвѣты; разсуждалъ съ нею о нарядахъ, къ которымъ она, хоть и скромная, но все таки послушная дочь Евы, не могла не чувствовать кой какого влеченія; разсказывалъ ей городскія новости, сплетни; описывалъ послѣднія моды, принесъ даже однажды образчики матерій, игралъ съ нею въ карты по вечерамъ, для того чтобъ имѣть предлогъ на другое утро привозить проигранный долгъ, который старался всегда отдавать золотомъ,—однимъ словомъ, онъ незамѣтно сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ дома Черныевыхъ.... Зинаида привыкла къ нему, какъ къ родному... Завидя бѣлыхъ лошадей его, она бѣжала къ нему на встрѣчу, не думая теперь о томъ, въ какомъ платьѣ была; причесаны ли у ней волосы.... Самая наружность ея замѣтно измѣнилась; впалые щеки налились румянцемъ здоровья; потухающіе глаза просвѣтлѣли и искрились жизнію, улыбка не покойнаго, только, но даже тихаго безмятежнаго счастья, бродила постоянно на губахъ.... Съ ней совершилось преображеніе, которое могъ не замѣтить только тотъ, кто не хотѣлъ замѣчать этого. Привыкнувши къ этимъ посѣщеніямъ, и начиная отчасти уже скучать ими, Михаилъ Ивановичъ понемногу началъ возвращаться къ своему прежнему образу жизни. Тихія удовольствія интимныхъ бесѣдъ мало его удовлетворяли, обращать вниманія на блѣдныя щеки и потухшіе глаза жены онъ давно уже пересталъ. Опять какъ прежде, вечера свои онъ большею частію проводилъ не дома; Зинаида сидѣла съ княземъ большею ча-

стію въ присутствіи недавно къ ней переселившейся тетки, которая, конечно, не могла быть свидѣтельницею всѣхъ ихъ искреннихъ бесѣдъ, всѣхъ невинныхъ забавъ ихъ.

Не знаю, какъ то случилось, что Зинаида замѣтила, что князь говорилъ ей ты, и что она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Когда и какъ это произошло, она не могла дать себѣ отчета. Теперь очень часто князь уже не пріѣзжалъ къ нимъ, а приходилъ пѣшкомъ; (деревня его была какихъ нибудь 1½ или 2 версты отъ ихъ дома) и когда уходилъ, то очень часто Зинаида провожала его... потомъ разставались, прямо и свѣтло глядя другъ другу въ глаза и искренно пожимая руки, какъ два добрые пріятеля, которые покойно расстаются нынче для того, чтобъ завтра непременно встрѣтиться и встрѣтиться съ новымъ удовольствіемъ. —

Проходили дни и недѣли, они сближались все болѣе и болѣе. Присутствіе князя сдѣлалось необходимо Зинаидѣ до того, что она не знала куда ей дѣвать вечеръ, когда князя не было; все было какъ то мертво и пусто; она ходила взадъ и впередъ, посматривая на дорогу, считала минуты; за что ни бралась, все какъ то валилось у ней изъ рукъ; дѣлалась, вопреки обыкновенію, раздражительна, отвѣчала неохотно и съ сердцемъ; какъ будто цѣлый міръ виноватъ въ томъ, что князь не пріѣхалъ; въ глубинѣ своего сердца грозилась намылить ему голову, когда онъ пріѣдетъ за тѣ страданія, которыя она безъ него перенесла, а когда онъ пріѣзжалъ, встрѣчала его съ худо-скрываемою радостью, которая—куда ужъ до упрековъ, она ихъ забывала при его появленіи,—свѣтилась и дышала во всѣхъ чертахъ лица ея, въ ея блестящихъ глазахъ, въ полной счастья улыбкѣ....

Однажды, по привычкѣ, въ присутствіи мужа, обращаясь къ князю, она сказала ему ты, и конечно сама не замѣ-

тила этого. Когда князь уехалъ, мужъ спросилъ ее неожиданно:

— Давно ли ты говоришь князю ты... Что значить эта короткость?

Въ звукъ его голоса было не простое любпытство. Зинаида готова была вспыхнуть какъ школьникъ, застигнутый на воровствѣ яблокъ; однако преодолѣла себя и голосомъ, который старалась сдѣлать какъ можно спокойнѣе отвѣчала: — Я и сама не знаю, какъ это случилось. Вѣроятно какъ нибудь по ошибкѣ. — Какая между нами можетъ быть короткость. Онъ князь, аристократъ, а я что?

Сказала ли она это съ умысломъ, чтобъ кольнуть мужа или просто, не найдя ничего лучшаго, это неизвѣстно и дѣло ея совѣсти. Мужъ промолчалъ, но брови его какъ то странно сдвинулись.

Зная, что князь близко, что онъ будетъ непременно нынче (непремѣнно, потому что не былъ вчера и следовательно непремѣнно долженъ быть нынче, это она рѣшила въ себѣ самой) она какъ то не боялась мужа... Она была теперь увѣрена, что охрана ей есть, и что никакая сила въ мірѣ не можетъ ее теперь коснуться.

Разговоръ этотъ не имѣлъ другихъ послѣдствій кромѣ тѣхъ, что она сдѣлалась осторожнѣе и стала больше наблюдать за собою. Это было ей впрочемъ трудно, потому что короткость ихъ дѣлалась день ото дня тѣснѣе, хотя слово любви ни съ той ни съ другой стороны произнесено еще не было, но для опытнаго наблюдателя стало бы замѣтно, что та веселая, счастливая и вмѣстѣ съ тѣмъ беззаботная улыбка, которая сдѣлалась съ нѣкоторыхъ поръ всегдашней гостьей на губахъ Зинаиды начала пропадать, она сдѣлалась серьезнѣе, сосредоточнѣе; не бѣгала больше съ княземъ, играя и шая, за бабочками въ перегонку, не

смѣялась съ нимъ какъ прежде всякому вздору, который онъ болталъ зря, только бы болтать, потому что и у него было на сердцѣ свѣтло и весело, но какъ то тише, какъ то задумчивѣе выслушивала она слова его, какъ бы желая вдуматься въ смыслъ ихъ... или понять что-то, чего она доселѣ не понимала. Не приученная воспитаніемъ обдумывать слова свои, она теперь, въ тѣ минуты когда сердце начинало заявлять права свои, доселѣ неизвѣстныя, Зинаида почувствовала женскимъ тактомъ своимъ, что есть минуты, когда слова приобретаютъ чрезвычайную важность.... И потому когда пойдя однажды гулять, въ большой семейной впрочемъ компаніи, — въ которой она шла съ княземъ подъ руку, онъ ей сказалъ: неужели ты думаешь, Зинаида, что я ѣзжу къ тебѣ для того, чтобъ говорить съ твоимъ мужемъ объ устройствѣ дѣлъ моихъ!

Она поняла не умомъ, а сердцемъ, что онъ ѣздитъ для нее и что она его любитъ. — Это открытіе поселило въ ней страшный разладъ съ собою. Хотя она и не получила достаточнаго образованія для того, чтобъ изслѣдовать и оцѣнить всѣ фазисы жизни сердца; она понимала однако, что любить человѣка посторонняго, бывши замужемъ, не совсѣмъ похвально, что даже религія, на сколько она ее понимала, осуждала это чувство, не только не признаваемое ею, но даже признавала его преступленіемъ. А потому слова князя: „неужели ты думаешь, что я ѣзжу сюда для другихъ, а не для тебя!“ заставили ее невольно обратиться на жизнь собственнаго сердца и спросить себя: что она сама по этому предмету чувствуетъ и думаетъ? Чувство ея, мысль ея, разсудокъ оказались не способными рѣшить этотъ тяжелый вопросъ, представляющійся ей впервые. Тщетно допытывалась она у своей совѣсти; что дѣлать? и не находила въ себѣ отвѣта на вопросъ этотъ, оказавшійся ей не по силамъ. И немудрено! Лучшіе умы

этого міра о сю пору его еще не разрѣшили. Взясь насколько умѣла, всѣ возможные и pro и contra этого неразрѣнимаго вопроса; призвавъ на помощь умъ и сердце, всѣ преданія, всѣ рассказы, всѣ уроки родителей, всѣ инстинкты, какія она только когда нибудь слышала; всѣ уроки религіи и нравственности, такъ мало впрочемъ ей извѣстныя, она послѣ тяжелой и мучительной борьбы съ собою, въ которой истощились только ея физическія силы, безъ всякой пользы для разрѣшенія вопроса, не нашла ничего лучшаго, какъ слѣдовать теченію, не вдаваясь въ смыслъ его и продолжать думать, чувствовать и дѣйствовать такъ, какъ она думала, чувствовала и дѣйствовала донинѣ,— другими словами: предаться потоку, не зная куда онъ ее вынесетъ.—

Любить! что такое любить? спрашивала она часто самую себя, и въ недоумѣніи не знала что отвѣчать. До сихъ поръ, она не испытывала (т. е. не сознавала) потребности опредѣлить себѣ это слово. Ежели то, что она чувствовала къ князю называется любовью,—то любовь ли это дѣйствительно? Ей такъ хорошо, такъ легко, такъ привольно быть съ нимъ; но любовь ли это, другое ли что, развѣ она знаетъ? Къ мужу, даже и послѣ необходимаго сближенія, развѣ было, что нибудь подобное? Нѣтъ. Можетъ быть это такъ фантазія, какое нибудь представленіе чувствъ, фантазмагорическій обманъ, которому давать значенія не надобно, который какъ фантазмогорія и пропадетъ, не оставя послѣ себя никакого слѣда? Такъ или не такъ, она все таки понимала, что отдаться вполнѣ этому новому чувству значитъ погибнуть, что она должна бороться съ нимъ насколько у ней достанетъ силы и въ гордости своей невинной души думала, почти была увѣрена, что силы у ней на это хватитъ.—

Пока продолжалась въ ней эта неустанная и мучитель-

ная внутренняя работа, она не видала князя, онъ былъ въ Москвѣ. Сердце ея рвалось туда, — но сказать объ этомъ кому нибудь она не рѣшилась бы ни за что на свѣтѣ. Пока она истощала силы въ этой борьбѣ съ неразрѣшимымъ вопросомъ, внезапно входитъ къ ней мужъ и говорить, что ежели она хочетъ ѣхать въ Москву съ зятемъ, который туда ѣдетъ по дѣламъ, и гдѣ она можетъ видѣться съ матерью (недавно туда переселившейся), то онъ не видитъ къ этому препятствія, тѣмъ болѣе, что ему нужно переслать къ князю нѣкоторую сумму денегъ, полученную съ крестьянъ и которую повѣрить онъ не желалъ бы никому кромѣ ея. Это было вечеромъ, а утромъ въ 10 часовъ надобно было ѣхать. Объявивши ей объ этомъ, Черняевъ исчезъ и воротился поздно ночью. Мысль ѣхать въ Москву и увидеть тамъ князя, ошеломила ее своей неожиданностію. Неизъяснимая радость переполнила ея сердце. Ей казалось, что небо открылось ей, и потому когда мужъ на другое утро объявилъ ей, что онъ передумалъ, что посылать денегъ онъ не будетъ и что ей слѣдственно ѣхать не зачѣмъ, у ней явилась небывалая доселѣ отвага, что-то такое рѣшительное, чего доселѣ она въ себѣ не замѣчала. Ей показалось, что у ней отнимаютъ какую то ея собственность; что-то такое, что принадлежитъ ей по праву, и она ни за что на свѣтѣ не хочетъ разстаться съ этою своею собственностію. Власть и воля мужа показались ей грубою силою, оскорбительною для ея человѣческаго достоинства и тутъ въ первый разъ она почувствовала не испытываемую доселѣ необходимость, бороться съ этою грубою силою во имя священныхъ правъ человѣческой свободы. Не плакать стала она о несбывшихся надеждахъ, нѣтъ! какъ мать, у которой отнимаютъ ребенка, она вспыхнула, сердце у ней замерло; на лбу появилась небывалая до

сель гостя—морщица, изобличающая сильное душевное движение и она не робкимъ, не умоляющимъ голосомъ, стала представлять мужу о его непоследовательности. Но громко, рѣшительно, объявила, что ежели онъ уже сказалъ ей, что ей надо ѣхать, то ѣхать надо, что смѣшно мѣнять рѣшенія свои въ продолженіи какихъ нибудь нѣсколькихъ часовъ; что она объявила уже о повѣздкѣ своей меньшей сестрѣ; что они собрались совсѣмъ и что оставаться теперь, она не имѣетъ никакого желанія....

Все это было высказано такъ тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою увѣренностью въ правотѣ своего желанія, съ такою твердостью, что у Черняева не оказалось достаточно силы воли, а можетъ быть и надобности, бороться съ желаніемъ жены. Онъ не сталъ противорѣчить, выдалъ ей деньги и она поѣхала.

Это былъ первый рѣшительный шагъ, который она сдѣлала въ отношеніи къ мужу. Почувствовала ли она свою силу, или чувство было сильнѣе разума и воли, я не берусь рѣшить этого.

Отдать князю деньги, пріѣхавши прямо къ нему на квартиру, было нельзя. Онъ жилъ не одинъ, а съ однимъ изъ родственниковъ, съ которымъ находился въ деликатныхъ отношеніяхъ, то есть не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ посвященъ ни въ его сердечныя, ни финансовыя дѣла, особенно послѣднія, которыя онъ скрывалъ ото всѣхъ съ большою заботливостію, тѣмъ болѣе что въ нихъ сдѣлана была такая значительная брешь, что онъ боялся получить за нее хоть и очень вѣжливую, но все-таки не пріятную, какимъ бы мягкимъ образомъ она ни была высказана, головомойку. Чтобъ деньги дошли до князя, надо было обратиться къ танцовщицѣ и передать ихъ ей, даже, можетъ быть, не выдавши его. Эта новость, въ ко-

торую во время дороги посвятилъ ей зять, поразила Зинаиду.—Въ первый разъ у ней появилось какое то новое, доселѣ небывалое, но мучительное чувство... Заглодало, защемило у ней на сердцѣ.... Оно какъ-то болѣзненно сжалось, что-то невѣдомое вспыхнуло въ ней и замерло.... Явилось небывалое въ ея младенческой душѣ чувство злобы, мгновенно охватившее все существо ея.... Бѣдная!... Она узнала ревность.... Это ядовитое чувство, отъ котораго сохрани Богъ всякаго, мучительнѣйшее изъ всѣхъ, какія только существуютъ въ сердцѣ человека.

Танцовщица, предувѣдомленная о томъ, что ей назначаетъ свиданіе въ Голицинской галлерей жена управляющаго князя, по денежнымъ дѣламъ, конечно не преминула явиться туда въ назначенное время, такъ какъ дѣло шло о деньгахъ, а деньги большею частію, а можетъ быть и всѣ, окажутся послѣ этого свиданія въ ея шкапулкѣ. Зная, что князь часто бываетъ въ деревнѣ, и что это посѣщеніе не совсѣмъ чуждо жены управляющаго, что впрочемъ, танцовщица выслушивала съ благородной гордостью, не допуская даже мысли, чтобъ какая нибудь мелкая чиновница, жена управляющаго, могла быть ей соперницей, она только полюбопытствовала узнать, что такой за звѣрь это жена управляющаго и не преминула отправиться въ галерею въ назначенный часъ. Тамъ встрѣтилась она съ Зинаидой и когда эта передала ей деньги, она не могла не подумать, а можетъ быть даже и проговорить про себя: Какъ! Только-то? Да развѣ она можетъ быть мнѣ опасна? И залилась при этой мысли такимъ звонкимъ смѣхомъ, и съ такою полною увѣренностію въ себѣ самой, что постельная собачка ея, кажется ужъ привыкшая къ шуму всякихъ оргій, не могла не залаять, чувствуя что-то необыкновенное.

Свиданіе это на Зинаиду подѣйствовало совершенно

иначе. Она вынесла изъ него сожалѣніе къ князю, что подобная личность можетъ привлекать его вниманіе, и къ глубокому чувству ревности, охватившему ее теперь, прибавилось чувство презрѣнія и ненависти къ танцовщицѣ. За что она ее ненавидѣла, она не знала сама. Она чувствовала только, что князь несравненно выше этой женщины, хоть и красавицы собою, что въ этой продажной душѣ, любви къ нему нѣтъ, да и быть не можетъ. Какъ она узнала это? Какимъ путемъ достигла этого опредѣленія доселѣ незнакомой ей личности, какъ могла постигнуть то, что пріобрѣтается только многими годами изученія и опытности? Вотъ то-то и есть, что въ истинной любви есть своего рода чутье, непостижимое для не любящаго, что любви открыты величайшія тайны человѣческаго прозрѣнія и что сердце женщины, подъ обаяніемъ и благодатью любви, способно возвыситься до пониманія такихъ высокихъ истинъ, какія понимать дается только натурамъ избраннымъ. Ожиданія сердца однако обманули ее, она принуждена была возвратиться домой, не выдавши князя. Неудача эта сдѣлала ее еще сосредоточеннѣе. Теперь только началось ея внутреннее воспитаніе, о которомъ доселѣ она не имѣла понятія, она начала понимать окружающее ее, потому что начала впервые вдумываться въ смыслъ этого окружающаго, начинала анализировать и взвѣшивать и pro и contra ощущеній и вліяній всего, что около нее было, и дѣлать выводы практическаго воспитанія, которые при обыкновенной, болѣею частію безразсвѣтной жизни женщины, не проявляются у нихъ вовсе, или проявляются только въ торжественныя минуты жизни.

Этимъ пережевываніемъ своего внутренняго содержанія она занята была нѣсколько дней, до пріѣзда князя. Когда онъ пріѣхалъ, она уже понимала, что любила его;

что вліяніе такой женщины какъ танцовщица, есть вопіющій анахронизмъ, что соперничать съ нею ей даже стыдно передъ самой собою, и что ежели князь позволить себѣ съ нею хоть одно слово любви, она прямо, безъ увертокъ, какъ слѣдуетъ честной женщинѣ, скажетъ ему, что его отношенія къ танцовщицѣ недостойны честнаго человѣка.

Она такъ и сдѣлала при первомъ свиданіи съ княземъ. Ему стало неловко при ея словахъ, но какъ свѣтскій человѣкъ, онъ скрылъ все въ первую минуту, а въ послѣдующую минуту отвѣчалъ, что связь съ танцовщицей тяготитъ его, что онъ радехонекъ бы былъ отъ нее избавиться и воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ разорвать съ нею. Эти слова, конечно, не пропали для Зинаиды даромъ. Она приняла ихъ къ свѣдѣнію, и на нихъ то основала свои надежды. Ежели не умомъ, что отчасти было и невозможно для неопытнаго и неразвитаго ума ея, такъ сердцемъ, она понимала, что у князя есть сердце, котораго у танцовщицы нѣтъ; что его сердцемъ владѣетъ она и что дальнѣйшая связь князя съ танцовщицей не имѣетъ смысла и должна непременно рушиться сама собою, передъ свѣтомъ истиннаго чувства.

Съ своей стороны и танцовщица, съ такимъ презрѣніемъ отозвавшаяся о женщинѣ, которая, по ея понятіямъ, не могла быть ей опасна, какъ-то инстинктивно почувствовала, что и самымъ ничтожнымъ непріателемъ пренебрегать не надо. И потому въ одинъ прекрасный день, рѣшилась, конечно, съ пренебреженіемъ и зѣвотою, отправиться въ лѣтнюю резиденцію князя, посмотреть что онъ тамъ дѣлаетъ. Лѣтняя резиденція князя состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, уступленныхъ ему изъ угожденія губернатору однимъ богатымъ столичнымъ фабрикантомъ, на его фабрику. Комнаты эти, расположенныя въ видѣ

гостиницы, примыкали каждая къ широкому корридору, дверь изъ котораго вела въ каждый отдѣльный померъ. Князь въ это время былъ дома, то есть на фабрикѣ, одинъ, и потому встрѣтилъ танцовщицу совершенно свободно. Она пробыла у него не долго; срокъ пробытаго времени ясно доказывалъ, что интимныя отношенія ихъ сильно пострадали. Онъ отъ нее отдѣлался тѣмъ, что высказалъ необходимость ѣхать въ имѣнїе свое для финансовыхъ цѣлей, и что для этого онъ уже приказалъ запрягать лошадей. На первую минуту танцовщица повѣрила ему, но отѣхавши нѣсколько верстъ обратно въ столицу, она чутьемъ поняла, что „слова даны“ человеку для того чтобъ скрывать свою мысль“ и что безусловно вѣрить тому, что сказалъ ей князь, врядъ ли разсудительно.

На основаніи этихъ соображеній, она вдругъ воротилась назадъ и увидала, что сомнѣнїе ея было вполне справедливо; князь поѣхалъ не по той дорогѣ, какая вела въ его имѣнїе, а совсѣмъ по другой, и какъ замѣтно очень торопился. Тутъ только она начала понимать, что роль ея можетъ кончиться, и что то, что она въ своемъ величїи презирала, можетъ замѣнить ея мѣсто. При подобномъ сравненіи мысль ея возмущалась. Видѣть себя постовленною на одну доску съ бѣдной чиновницей казалось ей чѣмъ-то чудовищнымъ, и когда, по чувству приличія, князь явился къ ней черезъ нѣсколько дней, она выпроводила его съ гордостью, увѣренная, что онъ поигравши чиновницею, какъ игрушкою, нѣсколько времени, воротится къ ней, чтобы на коленяхъ вымаливать свое прощеніе. Послѣдствія однако не оправдали этого предположенія. Недѣли проходили; а князь не являлся, терпѣнїе ея начинало истощаться. Она, можетъ быть, готова бы была теперь сама протянуть князю руку примиренія,

зажмурившись на его похожденія съ чиновницей, но его постоянно не было въ городѣ, а ѣхать опять въ деревню, казалось ей унижительнымъ.

Что же дѣлалъ князь въ это время? Онъ болѣе и болѣе подчинялся обаянію Зинаиды. Онъ забылъ городъ, забылъ родство, связи, отношенія, забылъ все, ему такъ хорошо было быть подлѣ нее, такъ искренно звучала непритворная рѣчь ея, такъ искренно и съ такою любовью, провожали его глаза ея, когда онъ увѣжалъ, съ такою же непритворною радостью встрѣчали его глаза эти, когда онъ прїѣзжалъ, что онъ нѣжилъ на этомъ благодатномъ солнцѣ любви, такъ внезапно и неожиданно охватившемъ и согрѣвшемъ его душу. — Короткость его съ Зинаидой сдѣлалась такою, что онъ, не стѣсняясь мужемъ и родными, уходилъ съ ней гулять, и иногда эти прогулки продолжались довольно долго. О чемъ они говорили, — это ихъ тайна, могу только сказать, что прогулки эти были вполне невинны; можетъ быть даже и формальныхъ объясненій между ними еще не было: князю, не смотря на его жизненную опытность, нравилось быть, можетъ быть по новизнѣ положенія, безбородымъ буршемъ; Зинаида же переживала лучшія мгновенія первой любви, столь поэтической и сладкой, что она не забывается никогда, до конца жизни.

Очень понятно, что младенческая сдержанность бурша, не могла для князя долго продолжаться. Онъ чувствовалъ потребность развязки, единственной, какая могла быть въ ихъ положеніи и потому приготовилъ все, для того чтобъ эта развязка состоялась такъ, какъ ему этого хотѣлось и при томъ, какъ можно скорѣе. Въ продолженіе этого времени случилось одно происшествіе, которое послужило князю больше, нежели какъ онъ даже предполагалъ. Происшествіе это не было что либо новое — оно со-

ставляло только эпизодъ той семейной драмы, которая съ нѣкотораго времени стала разыгрываться между Зинаидою и ея мужемъ, безъ всякой, кажется, видимой причины.

Выше было сказано, что у Зинаиды была сестра, дѣвочка лѣтъ девяти. За обѣдомъ подавали сладкій пирогъ, дѣвочка сказала, что пирогъ былъ не хорошъ, этого было достаточно для того, чтобъ Черныевъ нашелъ дѣвочку очень виновною. Онъ запретилъ ей выходить въ наказаніе изъ дома, и когда Зинаида, захотѣвшая погулять, стала брать дѣвочку съ собою, та со слезами объявила ей, что она не смѣетъ идти, потому что Михаилъ Ивановичъ запретилъ ей это. Это взорвало, сдѣлавшуюся нѣсколько раздражительною, Зинаиду. Не желая однако отмѣнить то, что было имъ приказано, она пошла спросить о причинѣ такой внезапной строгости. Она нашла его во флигелѣ, гдѣ онъ сидѣлъ съ своею разухабистою купчихой за виномъ. Это еще болѣе раздражило Зинаиду. На вопросъ ея, за что онъ мучитъ бѣдную дѣвочку, онъ отвѣчалъ грубостью, она вспыхнула и сказала ему, что жить съ нимъ становится ей нестерпимо. Въмѣсто того, чтобъ въ виду присутствія посторонней, живаго доказательства вины своей передъ женою, хоть соблюсти наружное приличіе, онъ съ грубостью отвѣчалъ ей, что она можетъ вѣхать куда ей угодно, но что она выѣдетъ только тогда, когда онъ найдетъ это нужнымъ. Тогда купчиха неожиданно возвысила голосъ. Съ этою рѣзкостью, которая въ извѣстныхъ минуты у людей безъ образованія становится возмутительною, она вдругъ совершенно неожиданно объявила Зинаидѣ, чтобъ она не думала что нибудь брать изъ дома — что все, что тамъ есть, принадлежитъ ей, что она ничего брать не позволить, такъ какъ Михаилъ Ивановичъ все подарилъ ей и что ежели Зинаида выѣдетъ, то она возьметъ съ собою только то, что она поз-

волить. Это было уже слишкомъ. Чаша терпѣнія переполнилась. Зинаида объявила, что послѣ подобнаго оскорбленія, она не останется больше въ домѣ ни минуты, и чтобъ привести это въ исполненіе, направилась къ дому. Черныевъ послѣдовалъ за нею, и лишь только она вошла въ домъ, онъ заперъ ее на ключъ и самъ отправился къ своей купчихѣ.

Придя къ себѣ, Зинаида начала собирать свое имущество. Ей стало гадко оставаться долѣе въ этомъ домѣ и потому съ судорожною торопливостью она начала пихать въ первый попавшійся ей чемоданъ или сундукъ бѣлье свое и платье; руки у ней тряслись, она понимала, что переживаетъ страшный моментъ жизни; прибѣжавшая горничная еще болѣе прибавила къ горечи ея состоянія, объявивши, что они заперты и что выйти изъ дома нѣтъ возможности.

Такъ какъ квартира ихъ была во второмъ этажѣ, то выйти изъ него дѣйствительно не предстояло возможности.

Въ это время, когда она въ добычѣ тѣхъ мучительныхъ ощущеній, которыя необходимо должны были слѣдовать за семейными сценами подобнаго рода, стояла у окна, обдумывая, что ей дѣлать, она вдругъ увидала князя, идущаго къ нимъ. Это была неожиданная помощь, ниспосланная ей свыше. Она увидала его и всѣ тревоги ея улеглись мгновенно, — она знала, она была увѣрена, что когда онъ подлѣ нее, ей бояться нечего... что онъ ея защититъ отъ всѣхъ мучительныхъ тревогъ жизни.

Увидавъ ее въ окно, князь сказалъ ей:

— Неужели вы сидите дома, въ такую хорошую погоду?

Она отвѣчала ему:

— Мы заперты, Михаилъ Ивановичъ насъ заперъ и намъ нѣтъ возможности выйти изъ дому.

— Какая глупость! сказалъ князь. — Неужели въ са-

момъ дѣлѣ онъ такъ глупъ, что можетъ дѣлать подобныя вещи (это онъ сказалъ про себя). Я сейчасъ иду къ нему, продолжалъ онъ громко, и узнаю, что значить его выходка.

Онъ пошелъ и нашелъ Черняева съ его купчихой. Когда онъ сталъ представлять ему всю несообразность его поступковъ, Черняевъ ему очень просто и очень категорически объявилъ, что Зинаида ему жена и что постороннему мѣшаться въ ихъ дѣла нѣтъ основанія.

Не солоно похлебавъ, князь воротился съ отвѣтомъ Черняева, и послѣ нѣкотораго совѣщанія рѣшили обратиться къ какому нибудь представителю власти—сотскому, а ежели становой дома, то и къ нему.

По счастью становой былъ дома и все тотчасъ уладилось, домъ былъ отпертъ. Зинаида собрала наскоро свое имущество и уѣхала къ матери, даже не простившись съ мужемъ.

Это происшествіе, показывающее отношенія мужа съ женою, не прибавили ничего новаго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Они были далеки другъ отъ друга; но Черняевъ чувствовалъ однако, что онъ не правъ и не правымъ будетъ въ глазахъ всѣхъ, ежели хотъ наружно не возстановитъ прежнихъ отношеній, т. е. не будетъ жить съ женою вмѣстѣ. Для этого онъ отправился за женою къ матери и общаніями, клятвами и проч. и про. упростилъ жену воротиться.

Черезъ нѣсколько времени все пошло по старому—онъ по прежнему проводилъ съ своей купчихой дни и ночи, она, боясь оставаться съ нимъ одна, упростила мать и всю семью пріѣхать къ ней погостить. Князь по прежнему бывалъ у нихъ каждый день.

Однажды разговоръ зашелъ о богомольяхъ и мать Зинаиды, соболдзуя, что ей не удалось въ продолженіе

жизни посѣтить святыя русскія мѣста, прибавила, что она не была даже въ ближайшемъ монастырѣ, славящимся своею чудотворною иконою. Тогда князь предложилъ отправиться туда всѣмъ—и такъ какъ монастырь былъ ближе къ фабрикѣ, гдѣ онъ жилъ, то и просилъ ихъ пріѣхать къ нему ночевать,—а на другое утро ѣхать уже на богомолье. Такъ какъ это обѣщало всѣмъ пріятное препровожденіе времени, то на это разумѣется всѣ съ удовольствіемъ согласились. — Сказано было выше, что князь жилъ во флигелѣ на фабрикѣ. Флигель этотъ былъ двухъ-этажный и внизу и вверху состоялъ изъ коридора, изъ котораго на право и на лѣво были комнаты въ видѣ гостиницы. Пригласивши все семейство Зинаиды пріѣхать къ себѣ ночевать, для того чтобъ на завтра отправиться въ какой-то монастырь на богомолье, князь такъ какъ мужъ былъ въ отпуску, очень благоразумно для своихъ цѣлей, распредѣлилъ комнаты. Для отца и матери, даже и прочихъ, назначилъ комнаты подальше; комнату же Зинаиды назначилъ рядомъ съ своей.

Когда всѣ пріѣхавшіе поужинавши разошлись по назначеннымъ имъ спальнямъ, Зинаида придя въ свою, нашла, что ключа въ замкѣ ея двери нѣтъ, и что запереться ей нѣтъ возможности. Не обративши на это особаго вниманія, она утомленная дорогою и жаромъ дня, легла и скоро заснула.

Что было потомъ, не знаетъ никто. Извѣстно только, что на другой день лице ея, при встрѣчѣ съ сестрою и матерью, пылало, что она старалась скрывать отъ другихъ это пылающее лицо, и что глаза ея, останавливаясь на князѣ, выражали еще болѣе страсти, нежели прежде. Съ этой ночи отношенія князя и Зинаиды приняли другой характеръ. Прежней идеальности не было; за то они пріобрѣли тотъ характеръ опредѣленности и прочности

какія всегда бывають въ отношеніяхъ мужчины и женщины, когда ихъ интересы дѣлаются общими. Она знаетъ, что пожертвовавши собою приобрѣла друга, онъ знаетъ, что ближе ее у него нѣтъ никого, и что довѣриться ей, составляетъ болѣе нежели наслажденіе, спокойствіе, котораго онъ давно уже не испытывалъ.

Когда они воротились съ богомолья домой и когда воротился мужъ, въ семейной жизни Зинаиды произошло что то необыкновенное. Что и какъ произошло, рѣшить трудно, только мужъ сталъ спать отдѣльно отъ жены, посященія князя стали рѣже, но настойчивѣе, отношенія къ нему мужа горячѣе, рѣшительнѣе, страннѣе, необыкновеннѣе. Что думалъ Черняевъ, что думалъ князь—рѣшить невозможно. Зинаида держала себя чрезвычайно сдержанно и осторожно, видно было, что она рѣшилась, и что рѣшеніе ея окончательное.

Случилось однажды, что князь уѣхалъ въ Москву и долженъ былъ воротиться вечеромъ. Такъ какъ часъ его возвращенія былъ извѣстенъ, то она и пошла его встрѣтить. Она была одна. На несчастіе ее увидалъ одну одинъ изъ ея прежнихъ обожателей, пожалуй даже искателей ея руки и, вѣроятно, не зная ея отношеній къ князю, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи проводить ее. Какъ не непріятна была Зинаидѣ подобная любезность,—но дѣлать было нечего—волей, неволей надо было принять его услуги. Любезничать ему было плохо: она съ дрожью и нетерпѣніемъ устремляла глаза въ туманную даль и ужъ конечно не слушала или не слыхала словъ его, какъ онъ ни старался и ни изошрялъ своего ума, чтобъ сказать ей, что могло бы заинтересовать ее. Хорошо еще, что онъ не простеръ своей любезности до того, чтобъ подать ей руку: въ чемъ можетъ быть въ невинности своей, она можетъ быть ему и не отказала.

Князь дѣйствительно встрѣтился имъ,—но когда онъ только что выходилъ изъ тарантаса, она замѣтила въ немъ, что то необыкновенное. Липо его было серьезно и блѣдно; на лбу явилась какая то странная морщина, которую она доселѣ не замѣчала. Онъ поздоровался съ ней какъ то не такъ, какъ всегда, какъ то серьезно очень, что то рѣжущее, холодное было въ его взглядѣ; въ прежней улыбкѣ не было прежняго, открытаго, свѣтлаго добродушія, но скорѣе, что то горькое, печальное, пожалуй даже зловѣщее. Хотя онъ говорилъ какъ всегда и кажется смѣялся,—но въ этомъ говорѣ, въ звукѣ голоса, въ смѣхѣ замѣтно было принужденіе, досада, даже можетъ быть затаенная злоба. Видъ себя, не зная чему приписать это неожиданное состояніе души и полагая, что съ нимъ случилось въ Москвѣ что нибудь необыкновенное, она, улучивъ минуту, спросила у него быстро: „что съ нимъ случилось“? вмѣсто отвѣта, онъ только горько и какъ то мучительно для ея сердца улыбнулся и крѣпко, даже очень крѣпко пожалъ ея руку.... такъ, что и эта улыбка и это пожатіе еще болѣе прибавили къ ея безпокойству вмѣсто того, чтобъ ее успокоить. Она спрашивала его взглядами насколько это позволяло присутствіе третьяго, но онъ вмѣсто отвѣта глазами отворачивался и таже злобная, зловѣщая улыбка была на устахъ его. Когда они подошли къ дому,—она тотчасъ сообщила обо всемъ, что она замѣтила его брату, бывшему тогда тоже у нихъ. Братъ пошелъ тотчасъ разузнать, что съ нимъ такое, такъ какъ князь подошедши къ дому, прямо пошелъ въ комнату, гдѣ онъ обыкновенно останавливался и, пробывъ въ ней нѣсколько минутъ, куда-то ушелъ. Такъ какъ Зинаида сильно безпокоилась, то братъ князя, вѣроятно знавшій ихъ отношенія, поднялъ всѣхъ на ноги. Пошли его отыскивать и нашли его на берегу пруду.

да: револьверъ въ его карманъ панталонъ былъ заряженъ; въ карманъ его сюртука была бритва. Онъ грозно спросилъ: зачѣмъ его преслѣдуютъ и когда плачущая Зинаида бросилась къ нему съ воплемъ отчаянія, — онъ заплакалъ и сознался, что онъ хотѣлъ убить себя, такъ какъ Зинаида его больше не любитъ.

Какъ видите, онъ приревновалъ къ несчастному уѣздному чиновнику.

Смѣшно это — не правдали? Но ради этого смѣха, человекъ хотѣлъ убить себя. Смѣшно ли это теперь, когда вопросъ поставленъ такимъ образомъ и когда жизнь человека была вопросомъ времени. — А было ли смѣшно ему, когда онъ заряжалъ револьверъ, когда бралъ съ собой на всякій случай бритву.

Ежели поведеніе князя въ этомъ случаѣ было не совсемъ понятно, поведеніе Черныева, въ отношеніи къ нему было еще непонятнѣе. Это была какая-то непостижимая загадка, которая такъ и осталась загадкою. Онъ не могъ не видать, что Зинаида любитъ князя, она даже перестала это и скрывать, князь не бывалъ только, онъ жилъ у нихъ, или они жили у него, ѣздили съ нимъ по всюду: въ Петербургъ прожили вмѣстѣ три мѣсяца; и согласіе между ними нарушено не было ни разу, хотя даже для всякаго посторонняго замѣтно было, что Черныевъ играетъ роль снисходительнаго мужа — роль совершенно несообразную съ его характеромъ.

Можетъ быть подумаютъ, что онъ смотрѣлъ равнодушно на невѣрность жены своей, снисходительно, потому что завѣдуя дѣлами князя, онъ въ это время обиралъ его...

Вотъ то-то и есть, что нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ честенъ: онъ не польстился-бы на деньги и не продалъ бы жену за какую нибудь матеріальную выгоду. Выбиралъ ли онъ минуту, чтобъ отмстить удачѣ и же-

сточе; хотѣлъ ли онъ видѣть, до чего можетъ дойти эта взаимная любовь и гдѣ конецъ ей? — это его тайна... Она осталась неразгаданною.

Воротившись въ Москву, князь въ одинъ прекрасный день уѣхалъ въ деревню, какъ онъ сказалъ Зинаидѣ на одинъ день. Это было на страстной недѣли въ среду, а въ пятницу, онъ долженъ былъ воротиться. — На Святую составлены были ужъ планы какъ провести ее — и Зинаида со всею полнотою любящаго впервые сердца, вся подъ обаяніемъ страсти, готовилась встрѣтить его тою безыскусною фразою любящаго упрека, какими умѣютъ говорить только женщины, когда они любятъ. Пятница проходила, а его все не было. По мѣрѣ того какъ подходилъ вечеръ, нетерпѣніе ея росло не часами, а минутами. Она вставала, ходила, садилась опять, опять брала книгу бросала ее, хотѣла заняться какою нибудь работою, но работа валилась у ней изъ рукъ; она проглядѣла всѣ глаза, глядя на улицу, по которой онъ долженъ былъ прѣхать... его все не было. Нетерпѣніе ея превратилось въ лихорадку, всякой звукъ, раздававшійся на улицѣ, наводилъ на лихорадочную дрожь, она не ждала только, она страдала. Во рту у ней пересохло, глаза смотрѣли горяче, ей было жарко и душно, а между тѣмъ зубы стучали какъ въ ознобъ лихорадки, — что она чувствовала — могла сказать только она одна.

Чѣмъ дальше подвигался вечеръ, тѣмъ мучительнѣе становилось ея состояніе. Наступила ночь... мучительная ночь, подъ мракомъ которой, фантазіи такъ много простору, такая полная возможность казаться дѣйствительностію, что отъ нея уйти, спрятаться куда нибудь, нѣтъ возможности. Всякая минута этой ночи была каплею огня, падающею на ея сердце, она состарѣлась въ эту ночь на нѣсколько лѣтъ... И когда наступило наконецъ, послѣ

этой мучительнѣйшей ночи, вожделѣнное утро, она приветствовала его утромъ освобожденія отъ тѣхъ мучительныхъ полныхъ, неизъяснимой тоски, грезъ, которыми замѣнены были всѣ мгновенія этой безотрадной ночи. Утро принесло ей какую то отдаленную надежду. Она какъ будто ожила, она снова принялась ждать желаннаго, всѣмъ существомъ своимъ, всякою жилкою своею тѣла; всякой фиброй больной и тревожной души своей! Что было у ней на сердцѣ, сказать трудно, почти невозможно. Игрокъ, поставившій на карту все состояніе свое, все состояніе жены и дѣтей, и знающій, что ежели эта карта убита, онъ, его жена, его дѣти--нищіе навсегда, одинъ только такой игрокъ можетъ понять, что чувствовала Зинаида.

Часы приходили и уходили, а положеніе Зинаиды становилось все хуже и хуже. Это была уже не мучительная дрожь ожиданія, но горячее состояніе отчаяннаго, то, однимъ словомъ, чего человѣческимъ языкомъ выразить невозможно.

Но такъ какъ это состояніе продолжалось слишкомъ долго, а человѣческій организмъ можетъ переносить страданія только до извѣстнаго предѣла, то Зинаида впала въ состояніе, называемое медиками протраціей,—а всѣмъ извѣстное подъ именемъ одеревенѣнія, когда на глазахъ нѣтъ уже больше слезъ; когда сердце какъ то замерло, и человѣкъ живетъ только растительною, животною жизнью, такъ какъ его всѣ нравственныя побужденія замерли какъ у каталептического.

Колокольчикъ у подъезда звенѣлъ много разъ; приходили и уходили люди, Зинаида уже не слыхала ихъ. Она лежала въ забытіи на кушеткѣ и, къ счастью ея, ничего не чувствовала. Всѣ жизненныя отправленія, какъ будто приостановились въ ней, жила ли она общей человѣческой жизнью, или не жила, рѣшить трудно.

Когда она лежала въ такомъ положеніи, близкомъ къ состоянію трупа, къ ней въ комнату вошла одна дѣвушка, когда-то жившая у ней въ домѣ прежде ея знакомства съ княземъ и пришедшая случайно навѣстить ея. Этотъ приходъ вызвалъ Зинаиду къ дѣйствительности и какъ будто оживилъ ея. Не давая себѣ хорошо отчета, что вокругъ нее происходитъ, она разсѣяннo, почти не слыша, слушала болтовню дѣвушки, и только тогда остановилась на ней вниманіемъ, когда дѣвушка вдругъ сказала:

— Умеръ!

— Кто умеръ? закричала Зинаида....

— Князь! развѣ вы этого не знаете?...

— Какой князь! продолжала она, уже гораздо тише,—успокоившись при мысли, что князей много, и что князьямъ надо же когда нибудь умирать, какъ и простымъ смертнымъ.

— Князь З.! развѣ вы этого не слыхали? продолжала настойчиво дѣвушка, довольная тѣмъ, что первая принесла неизвѣстную еще новость. Зинаида даже улыбнулась. Она знала, что у князя былъ братъ, болѣзненный и хилый, который умиралъ уже нѣсколько лѣтъ и смерть котораго была бы событіемъ очень обыкновеннымъ и даже давно ожидаемымъ. Для очищенія совѣсти она спросила однако:

— Какой князь?

— Я не знаю ихъ именъ, отвѣчала дѣвушка, знаю только, что это тотъ самый, который строилъ церковь въ селѣ Ильинскомъ.

У Зинаиды глаза какъ будто вышли изъ своихъ мѣстъ. Она сдѣлалась страшною. Другъ ея сердца былъ тотъ самый князь З., который строилъ церковь, она даже вела записку расходамъ на эту церковь.

Что она чувствовала? О чемъ думала? Испугалась ли?

Не знаю. Около нея зароились какіе то огненные круги, забѣгали какіе то призраки, которымъ нѣтъ названія, потому что уловить ихъ форму, врядъ ли кто смогъ бы; около нее образовалось какое то безпредѣльное пространство, не то степь, не то море... и среди этого безпредѣльнаго пространства, среди этого хаоса мыслей, понятій, ощущеній, гложущей тоски, невообразимой боли, среди этихъ зловѣщихъ призраковъ, она была одна... одна совершенно.... Ей сдѣлалось невыносимо страшно... а потомъ все какъ то смѣшалось, завертѣлось, заняло и она безъ чувствъ грохнулась объ земь.

Такъ прошло нѣсколько дней. Когда она очнулась, ей сказали, что ее желаетъ видѣть ея мужъ... Она велѣла впустить его, но разговоръ ихъ окончился нѣсколькими словами, онъ видѣлъ, что она говоритъ не въ состояніи. Это было 23 апрѣля.

Черезъ нѣсколько дней, онъ опять пожелалъ ее видѣть, не потому, чтобъ уважалъ ея положеніе, но потому, что занятъ былъ въ эти дни своимъ дѣломъ, и ему было некогда. Какимъ дѣломъ? Это вопросъ его совѣсти... Хотя Зинаида и могла говорить, но она была такъ слаба, что едва подымала съ подушки голову, а мысли путались, разговоръ ихъ ограничился взаимнымъ освѣдомленіемъ о здоровьѣ, о чемъ то еще, и замеръ: говорить имъ было не о чемъ; у нихъ не было ничего общаго, нечего сказать другъ другу.

9 мая (черезъ 16 дней) Черняевъ снова понавѣдался у жены своей. Она встала съ постели, хоть и была очень слаба, на его желаніе ласки, слѣдующихъ мужу, она отвѣчала, что между ними все кончено, что смерть князя унесла все, и что ей въ жизни ничего болѣе не предстоитъ.

— Проклятый! вскрикнулъ при этомъ Черняевъ и скрипя зубами, выбѣжалъ изъ комнаты.

И съ этой поры онъ въ домъ болѣе не показывался, проходили дни, а его все не было. Недѣли черезъ три, Зинаида получила отъ него изъ Петербурга письмо. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

5 іюля 1864 года С.-Петербург. Милая Зина! мое путешествіе, которое вѣроятно, тебя удивитъ, не столько интересно, сколько занимательно. Моя цѣль и желаніе были устроить судьбу и быть моего состоянія, не столько для себя, сколько для спокойствія твоего. Не взирая на всѣ препятствія и превозможенія, я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ по приглашенію генерала, управляющаго западнымъ краемъ и назначенъ становымъ приставомъ Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи. Завтрашній день, отправляю къ тебѣ свидѣтельство для прожитія. По пріѣздѣ на мѣсто назначенія, всѣ необходимыя средства къ жизни я доставлю и вышлю къ тебѣ. Извини, что мало и дурно пишу. Право некогда, тороплюсь повѣдомъ, а тѣмъ болѣе хочу выиграть время на отправку.

Прощай, цѣлую тебя и всѣхъ
мужъ М. Черняевъ.

Для чего писалъ онъ это письмо, чего онъ отъ нее надеялся,—неизвѣстно. Свидѣтельства на прожитіе онъ ей не доставилъ; о томъ, чѣмъ она послѣ него будетъ существовать, онъ не подумалъ;—послѣ его исчезновенія, осталось нѣсколько рублей, съ которыми больная и измученная жепщина, должна была начать страдальческую жизнь свою.—

Человѣкъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ равнодушно смотрѣвшій на то, что жена его любитъ другого, и потомъ, вдругъ исчезнувшій, когда этотъ любимый ею

человѣкъ умеръ, представляется хотя самобытнымъ, но не постижимымъ явленіемъ.

Были какіе то темные слухи, что онъ въ Сибири, въ числѣ преступниковъ, но это такъ и осталось слухомъ. Присылали даже оттуда Зинаидѣ фотографическій портретъ. Портретъ былъ похожъ на Черняева, но онъ ли это былъ, она утвердительно сказать не рѣшалась. Порокъ положилъ на немъ такіа неизгладимыя черты, что онъ былъ неузнаваемъ. Такъ прошло много лѣтъ.

Что было съ Зинаидой въ это время? Первое время она впала въ состояніе совершенной апатіи, ко всему окружающему... Она жила однимъ тѣломъ, духъ былъ подавленъ совершенно и потерялъ способность своихъ обыкновенныхъ отправленій. Она говорила, ходила, но это были движенія автомата; отъ разговора ея вѣяло чѣмъ то холоднымъ, безчувственнымъ, безстрастнымъ, мертвымъ. Слушать ее было больно, чувствовалось, что въ ея существѣ оборвалась какая то струна, которая давала жизнь этому механизму, называемому тѣломъ, и что безъ этой струны, тѣло осталось бездушнымъ, скорѣе трупомъ, нежели живымъ существомъ. Ничто ее не радовало, ничто не печалило, глаза смотрѣли какъ то тускло, и когда она улыбалась, то отъ этой улыбки, у смотрѣвшаго на нее, сжималось сердце, какъ будто бы онъ видѣлъ не улыбку, а горькія слезы неутѣшнаго страданія.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, въ продолженіе которыхъ, окружающіе ее къ удивленію своему не замѣтили ни одной слезы. Можно было подумать, что она забыла о потерѣ, и что это спокойное состояніе есть слѣдствіе мысли, что передѣлать назначеннаго судьбою нельзя, и что она *volens nolens* покорилась своей участи. Такъ могли думать тѣ, которые ее не знали, но тѣ, которые ее знали, видя это мертвенное выраженіе совершенно

спокойнаго лица, видя эти потускнѣвшіе глаза, окруженные синимъ кружкомъ, съ какимъ то воспаленнымъ блескомъ, грустно качали головою. Они очень хорошо понимали, что въ этомъ маленькомъ и худенькомъ тѣлѣ переживаются цѣлые годы страданія, цѣлая поэма безутѣшнаго горя, которое исцѣлить можетъ только время, или новое увлеченіе.

По прошествіи, какъ сказано, нѣсколькихъ недѣль случилось то, что бываетъ со всякимъ, кто переживаетъ тяжелую потерю. Сердце раскрывается для того, чтобы чувствовать эту потерю, чтобы оплакивать ее, ожесточеніе, одервенѣлость проходитъ для того, чтобы уступить мѣсто способности понимать свое положеніе. Въ сильныхъ натурахъ это кончается смертію, въ менѣе сильныхъ разрѣшается слезами. Это послѣднее было и съ Зинаидою. Горячечный блескъ глазъ исчезъ, но его смѣнили неистощимыя слезы. Она плакала, плакала... щеки ввалились, глаза опухли, а слезы при одной мысли, что прежней жизни нѣтъ для нея больше, такъ и лились изъ глазъ, неудержимыя, невольныя, горячія, — и кажется имъ и конца то быть не можетъ.

Наконецъ и они изсякли, эти слезы, какъ изсякаетъ все въ природѣ. Жизнь стала входить въ свои права, Зинаида начала чувствовать, что она еще человѣкъ, и что все человѣческое не чуждо ей.

Сперва она замѣтила, что волосы у ней не въ порядкѣ, и что надо причесать ихъ; потомъ, что платье ея слишкомъ коротко и что по времени года, оно должно быть длиннѣе. Она стала посматриваться въ зеркало, воспоминаніе о князѣ приходило хоть часто, по урывкамъ, случайно и потомъ хоть она и поплачетъ, но нѣтъ-нѣтъ да и посмотрится въ зеркало и найдетъ, что глаза ея красны и смотрятъ какъ-то не хорошо, что она блѣдна

очень, и что такая-то шляпка ей больше къ лицу, нежели другая. Такое состояніе не могло конечно долго продолжиться. Сердце пустое и разбитое, требовало удовлетворенія, оно напоминало тревожно о пустотѣ своей, и такъ какъ найти ему удовлетворенія вслѣдствіе невыгодныхъ сравненій, скоро было нельзя, то она бросилась на первую попавшуюся встрѣчу безъ разбора, безъ строгой критики и ужъ конечно безъ любви, потому что матеріалъ любви былъ истраченъ и пополнить его еще не было достаточно времени.

Нашла ли она удовлетвореніе въ этой любви? Ужъ конечно нѣтъ. Да и врядъ ли она искала удовлетворенія. Надо было только найти занятіе тоскующей душѣ безъ всякихъ другихъ особыхъ требованій, даже почти не ожидая и не надѣясь, чтобъ эта новая склонность могла удовлетворить ее; это былъ какъ роздыхъ послѣ тяжкаго испытанія; временное, преходящее, но не такое, на которое можно было надѣяться, что оно вытѣснитъ прошедшее, заставитъ его забыть, чтобъ стать на его мѣсто.

Увлеченіе это продолжалось не долго. Зина скоро почувствовала, что эта новая склонность не удовлетворяетъ ее нисколько; она стала ощущать такую пустоту сердца, отъ которой надо было отдѣлаться во что бы то ни стало,—ежели только хотѣла жить, что душа ея и сердце требуютъ чего нибудь посильнѣе, этихъ временныхъ скоропреходящихъ привязанностей, которыя не удовлетворяя ни одной изъ потребностей духа оставляютъ послѣ себя еще большую пустоту, еще болѣе тяжкое разочарованіе. Кончилось тѣмъ, что она сдѣлалась сестрой милосердія.

Три встрѣчи и моя женитьба.

У всякаго въ жизни бываютъ роковыя встрѣчи, — объ этомъ, думаю, никто спорить не станетъ. Одни изъ нихъ рѣшаютъ часто судьбу цѣлой жизни; другіе, хоть и не имѣютъ такого сильнаго вліянія, однако оставляютъ на ней такія широкія полосы; кладутъ такіе яркіе слѣды, что изгладить ихъ иногда не достанетъ всей этой жизни. Печать ихъ иногда бываетъ такъ сильна, что измѣняетъ самый взглядъ на вещи, самыя понятія, даже вѣрованія, и человекъ почти мгновенно становится нынче не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ вчера. Отчего и какъ—этого часто человекъ и самъ объяснить не можетъ: онъ чувствуетъ только, что съ нимъ совершилось что-то необыкновенное, что онъ находится подъ какимъ-то могучимъ, но вѣшнимъ и неотразимымъ вліяніемъ.

Въ молодости чаще всего дѣйствуетъ на человека красота женщины.

Какъ ни условно понятіе о красотѣ, оно однако прирождено каждому. Что такое красота, точнымъ образомъ никто не опредѣлилъ еще, хотя каждый можетъ по пальцамъ счесть атрибуты безобразія. Изъ этого слѣдуетъ, что безобразіе не есть только отрицаніе красоты, но на-

противъ того понятіе самостоятельное определенное, такое, наконецъ, о которомъ, при извѣстныхъ данныхъ, никто спорить не станетъ.

Не таково понятіе о красотѣ. Понятіе это условно, потому что зависитъ отъ идеала, живущаго въ сознаниіи каждаго. — Определение этого идеала до такой степени различно, что врядъ-ли найдутся въ мірѣ два человека, которые вполне согласились-бы въ его условіяхъ. Представленія этого идеала большею частію совершаются чрезвычайно не ясно: врядъ ли изъ тысячи найдутся пять человекъ, которые въ состояніи съ точностію объяснить въ какой формѣ возможно олицетвореніе этого идеала? Въ большей части случаевъ определеніе его и оцѣнка противорѣчатъ тому, что не далѣе какъ вчера составляло необходимое его условіе; постоянно можно встрѣчать людей, которые влюблены въ такихъ женщинъ, которыя не только не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ идеаломъ, о которомъ они такъ жарко проповѣдывали въ продолженіи цѣлой жизни, но которыя діаметрально ему противоположны. — Не совсѣмъ такъ было со мною. Восторгенный отъ природы, я съ ранней молодости почувствовалъ, что во мнѣ живетъ идея красоты, которую вполне не осуществляла ни одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ я зналъ. Встрѣчая хорошенькихъ, я чувствовалъ, хоть и смутно, не сознавая этого однако вполне, что одна имѣла одно какое либо наружное качество этого идеала, другая другое, и это сходство я могъ высказать словами, уяснить даже не себѣ одному, но и другимъ. Тѣмъ не менѣе дать себѣ строгій отчетъ, передать полное, совершенно ясное понятіе объ определенной формѣ и красотѣ этого идеала было выше силъ моихъ. Прелесть его была присуща душѣ, я это чувствовалъ, но въ чемъ именно состояла эта прелесть, какія были его отличительныя черты, я ска-

зать былъ не въ состояніи; еслибъ даже былъ живописцемъ: даже и тогда, кажется, я бы не могъ изобразить его вполне, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ, которыя могъ опредѣлить самымъ точнымъ образомъ. Одна изъ этихъ частныхъ была та, что мой идеалъ долженъ имѣть непременно грустное выраженіе. Такъ было въ молодости, такъ осталось и донинѣ.

Лица веселыя, смѣющіяся, счастливыя, отталкивали меня отъ себя; они возбуждали во мнѣ недоверіе, а вслѣдствіе этого и равнодушіе; моею любимую идею съ издѣтства было быть утѣшителемъ, подпорою; счастливыя лица, конечно, въ этомъ надобности не имѣли, поэтому и я былъ имъ не нуженъ. Независимо отъ этого, грустныя лица, какъ мнѣ казалось, не столько смотреть на вѣншній міръ, сколько на внутренній, внутрь себя самихъ, это-то погруженіе въ себя самихъ и составляло въ моихъ глазахъ ихъ прелесть. Долженъ предупредить Васъ, что по матери я не совсѣмъ русскій. Отецъ моей матери былъ изъ Саксоніи, значить чистый нѣмецъ ¹⁾, мать русская по мужскому колѣну ²⁾, отецъ мой русскій до корня волосъ и лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что даже и фамилія наша, существующая болѣе 300 лѣтъ, не совсѣмъ русская—родоначальникъ ея татаринъ: ³⁾ значить и мы, его смиренныя потомки, не смотря на *бодрое* значеніе его прежней службы, все-таки немножко татары, хоть и бояре земли русской.

Матери моей, полуиѣмцаго происхожденія, я не зналъ: она умерла тогда, когда я былъ еще младенцемъ. Что

¹⁾ Фонтъ-Рехенбергъ.

²⁾ Демидова.

³⁾ Биги-бей, во крещеніи Селиванъ, былъ етодѣйникомъ у Олега Рязанскаго во времена Донскаго.

она была такое, я не знаю. Говорять, что это был ангелъ кротости, смиренія и красоты. Дтей у ней было много; — одного изъ нихъ я помню и помню очень, — по рассказамъ тетки, онъ былъ очень похожъ на мать. Хочу вѣрить этому — и вотъ почему. Однажды на домашнемъ театрѣ, которые бывали у насъ очень часто, братъ этотъ, наряженный женщиной, произвелъ на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это таково, что я его помню донынѣ. Лицо брата подходило близко къ моему идеалу; это продолговатое лицо, этотъ прямой носъ, эта задумчивость рѣчи, это грустное выраженіе: все было точно таково, какимъ должно было быть лицо красивой, по моимъ понятіямъ, женщины. Будь я постарше, (мнѣ было тогда лѣтъ 8 или 9) я бы влюбился въ нее. Онъ скоро умеръ, но память о немъ, вслѣдствіе этого сходства, живетъ глубоко въ душѣ моей. По прошествіи 50 лѣтъ, выраженіе лица его, въ чепчикѣ и шали, присуще сердцу, какъ будто-бы это было вчера; оно открыло мнѣ какіе-то далекіе горизонты, которыхъ я какъ будто не зналъ дотолѣ; оно говорило мнѣ о чемъ-то, бывшемъ давно, очень давно, какъ будто даже за пределами этой жизни, но что такое это давно, что именно открывало оно мнѣ, я, какъ тогда, такъ и теперь, ничего сказать не могу, хоть и чувствую, что это такъ.

Послѣ этого прошло 10 лѣтъ, — и я, живши въ Москвѣ, хоть и таскался повсюду, не встрѣчалъ ничего, что-бы напоминало мнѣ объ этой завѣтной мечтѣ моихъ ожиданій. Жизнь я велъ разсыпанную, свѣтскую; женщинъ видѣлъ много, многими увлекался, но ни одна изъ нихъ не пробуждала во мнѣ тѣхъ воспоминаній чего-то давно забытаго или утраченнаго, внезапно пробудившагося во мнѣ, при видѣ моего брата въ женскомъ платьѣ. Однажды я былъ на публичномъ балу. Это было кажется въ 1829

или 1830 году, хорошо не помню. Балъ давалъ танцевальный учитель, Логель, въ домѣ занимаемомъ теперь Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ на Тверскомъ бульварѣ. Мнѣ было тогда около 22 или 23 лѣтъ. Молодъ лѣтами; но старъ бѣдственной опытностію, какъ говорилъ гдѣ-то Шиллеръ, я прошелъ всю азбуку чувства; любившій много разъ, много разъ любимый, я пострадался чувствомъ и смотрѣлъ на него подозрительно; я боялся довѣриться ему, наученный опытомъ. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ потребность любви, такой любви, которая-бы обновила существо мое, дала пищу жизни, сдѣлала возможнымъ уразумѣть все ея наслажденія, все ея радости.... Часто вывѣжая въ общество, я, конечно, посвященъ былъ во все его тайнства; то что могло дѣйствовать на другихъ, на меня больше не дѣйствовало. Къ красотѣ женщинъ я привыкъ; обнаженные плечи, страстность взглядовъ, шопотомъ произносимыя признанія, все это я видѣлъ и слышалъ много разъ, зналъ чуть не наизусть и потому они на меня больше не дѣйствовали. Въ продолженіи столькихъ лѣтъ видя и слыша одно и тоже, на тысячу различныхъ манеръ, я въ концѣ концовъ дошелъ до того, что не вѣрилъ ни одному изъ нихъ, въ какомъ-бы очаровательномъ видѣ они не представлялись, — и это потому, что зналъ наизусть тотъ варіантъ, къ которому они все сводятся и который, будучи переведенъ на общепонятный языкъ, означаетъ всегда: женись на мнѣ. — Такъ какъ жениться безъ любви казалось мнѣ непростительной гадостью, то я все эти очаровательныя улыбки, все эти страстные взгляды записалъ въ книгу безсерочныхъ долговъ, пользуясь ими для забавы, когда нечего было дѣлать.

Какъ я сказалъ выше, я вошелъ на балъ съ полнымъ вѣріемъ ко всему, что меня окружало. Залы были пол-

ны; танцовали большею частию ученицы танцмейстера, для которыхъ, собственно говоря, и давался этотъ вечеръ. Чего тутъ не было? Взрослые, adolescents; дѣти;—все это прыгало, вертѣлось, смѣялось, тѣшилось, пріучаясь къ жизни; я смотрѣлъ на все и на вся подозрительно, больше чѣмъ равнодушно; мнѣ было скучно, одиночество давило меня; хоть я и видѣлъ много знакомыхъ, но меня не тянуло къ нимъ; между нами не было ничего общаго; никто не пробуждалъ во мнѣ пріятныхъ воспоминаній; ни отъ какой не ожидалъ я отраднаго пастоящаго, а тѣмъ менѣе пріятнаго будущаго: угрюмый сердитый, таскался я изъ комнаты въ комнату, ничего не ожидая, ни на что не надѣясь. Бродя по залѣ, я случайно остановился въ одной изъ нихъ. Танцовали французскую кадрили, тогда еще новость въ обществѣ. Съ какимъ-то мальчуганомъ въ курткѣ, танцевала дѣвочка въ коротенькомъ легкомъ платьицѣ, въ панталончикахъ съ горожками. Взглянувши на нее, я остановился невольно. Въ ней было что-то такое, что неотразимо привлекло мои взоры. Я смотрѣлъ на нее,—смотрѣлъ долго; не могъ оторваться и мнѣ казалось, что слушаю какую-то повѣсть сердца; что-то такое, что случилось уже давно, но что испытать и пережить мнѣ приходится только сегодня. Какого рода было это ощущеніе, я не могу вамъ сказать. Я смотрѣлъ на нее съ тою радостію, съ какою смотритъ морякъ на гостепріимный берегъ послѣ томительнаго путешествія по бурному морю, съ наслажденіемъ юноши, увидавашаго красоту по мыслямъ; съ тихимъ спокойствіемъ чего-то совершившагося. Она вдругъ открыла мнѣ тѣ далекіе горизонты, о которыхъ я говорилъ прежде. Давно забытое, уснувшее—вдругъ воскресло, возродилось, ожило—я смотрѣлъ, смотрѣлъ и не могъ оторваться отъ нея. Хороша ли она была, выполняла ли она требованія ака-

демической красоты, я не знаю; да и увѣриться въ этомъ для меня не было надобности; смотря на нее, я думалъ не объ ней; я слушалъ голосъ сердца; оно мнѣ рассказывало повѣсти, полныя неизъяснимой прелести; такого полного, невозмутимаго счастья, что я, слушая ихъ, боялся вѣрить, такъ они были новы, такъ они были сладостны моему усталому, разочарованному слуху. Все что я могъ чувствовать въ эту минуту, такъ это то, что мнѣ было невыразимо пріятно смотрѣть на нее: она—эта дѣвочка въ панталончикахъ, до такой степени удовлетворяла требованіямъ моего идеала, столько въ ней было сочувственнаго мнѣ, родного, близкаго,—что я могъ только смотрѣть, смотрѣть, не давая себѣ въ томъ никакого отчета, любоваться, даже вѣрить, пожалуй, въ благодатную тайну ея появленія. Долго-ли продолжался этотъ экстазъ,—я не знаю; помню только, что, слѣдя за нею весь вечеръ, я проводилъ ее до крыльца, видѣлъ, какъ она окутывалась въ свою кунью шубу; какъ она сѣла въ карету и уѣхала, — но узнать кто она такая, какъ найти ее, гдѣ ее встрѣтить, мнѣ этого здѣсь не пришло даже и въ голову. Тѣмъ не менѣе потребность ее видѣть обозначилась во мнѣ не далѣе завтрашняго дня. Потребность эта оказалась столько сильною, что я не въ состояніи былъ съ нею бороться. Я сталъ искать ее всюду; нашелъ, узналъ кто она такая и началъ слѣдить ее повсюду; она сдѣлалась моимъ благодатнымъ ангеломъ, цѣлью жизни; ухаживанье мое не пропало даромъ, когда я подходилъ къ кадрили, гдѣ она танцевала, я видѣлъ, что она была довольна; мнѣ казалось (можетъ быть я и ошибался), что ей пріятно, что я былъ тутъ подлѣ нея; что безъ меня ея удовольствія вечера будутъ не полны; что въ дальнѣйшія походы жизни, она внесетъ то воспоминаніе, какое я по прошествіи 40 лѣтъ

вношу о ней теперь. Сказать вамъ, что я любилъ въ этой дѣвочкѣ, я не могу; я понималъ и чувствовалъ только одно, что она была самымъ близкимъ воплощеніемъ моего идеала, что она удовлетворяла потребности сердца, того склада души и пожалуй даже ума, которое любить, которое стремится, которое жаждетъ лучшаго изъ всего того, что онъ знаетъ въ мірѣ. Въ это время она была это лучшее; кромѣ ее мнѣ ничего не было нужно; ее я искалъ, въ нее я вѣрилъ; ее одну я желалъ. Я вамъ говорилъ, что когда я увидалъ ее въ первый разъ, она была молоденькая дѣвочка лѣтъ 15, и въ панталончикахъ; годъ спустя эта дѣвочка превратилась въ дѣвушку въ длинномъ платьѣ, въ невѣсту, и я вскорѣ узналъ, что ее выдаютъ замужъ за отставного маіора, лѣтъ 45 или болѣе, хоть и родственника мнѣ, но мнѣ совершенно неизвѣстнаго.

Зима прошла; я встрѣчалъ ее часто, и всегда въ сопровожденіи этого маіора; въ длинномъ платьѣ, съ титуломъ невѣсты; съ перемѣной костюма въ ней пропало все, что составляло для меня неизъяснимую прелесть. Сходство съ идеаломъ; ребяческая воспримчивость; младенческая откровенная и прямодушная небрежность, ничего этого вдругъ не осталось: это была свѣтская дѣвица, строго приличная, серьезная, у которой обдуманъ былъ каждый шагъ, каждое слово: прежней дѣвочки, прелестной въ проявленіи своей внутренней, беззаботной жизни—не было даже и слѣда: метаморфоза была полная. Чрезъ годъ я увидалъ ее уже замужней,—она выросла, похудѣла; черты лица приняли больше нежели серьезное, почти строгое выраженіе; хороша была она и теперь, но сходства съ прошедшимъ, съ тѣмъ что мнѣ такъ нравилось прежде, даже и въ поминѣ не было; это была свѣтская дама, изящная въ красотѣ своей, но холодная, рав-

нодушная, отталкивающая отъ себя этою холодностью, такая, однимъ словомъ—какія встрѣчаются въ гостинныхъ тысячи и съ которыми дай Богъ никогда не встрѣчаться. И къ этому худая, блѣдная, болѣзненная, такъ что для того, кто зналъ ее прежде, смотрѣть на нее было больно. Она жила въ Сокольникахъ; я часто ходилъ туда. Услыхавши однажды игру ея на фортепьяно и увидя на окнѣ ея дамскій журналъ, издававшійся жившимъ тоже въ Сокольникахъ П. И. Шалиновымъ, я написалъ стихотвореніе, посвятивши его ей, которое и было напечатано въ дамскомъ журналѣ. Первый куплетъ этого стихотворенія, сколько помню, былъ таковъ: „Волшебные звуки! волшебные звуки! коснетесь ли вновь вы страстной души, навѣстятъ ли радость, томленье ли муки, или лишь на мновенье, какъ лучъ, хороши, блеснувшій въ пустыняхъ небесныхъ трижды. О вѣте счастьемъ, чарами богаты... и прочее въ этомъ родѣ, въ духѣ тогдашняго времени. Подѣйствовалъ или нѣтъ, волшебные звуки, я не знаю. Знаю только, что скоро какъ то я услышалъ, что она умерла отъ чахотки, оставивши сына и дочь. Такимъ образомъ романъ мой кончился, оставя душу моей благодарное воспоминаніе, изгладить которое, не смотря на 50 почти прошедшихъ лѣтъ и не смотря на все разнообразіе встрѣчъ, на всѣ тревоги и радости жизни, — ничто не могло.

Съ благоговѣніемъ и благодарностію вспоминаю я кроткое и задумчивое лицо, полное неизъяснимой прелести, изящество и красоту позы; безыскусственный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный жизни блескъ глазъ, смотрящихъ куда то далеко, въроятно внутрь себя самой, которыхъ послѣ уже не было. 45-ти лѣтній мужъ былъ послѣднимъ словомъ этой непонятной метаморфозы. Вотъ вамъ моя ренвая встрѣча. Она, какъ вамъ извѣстно, завершалась

смертью. Справедливы ли, разумна ли эта смерть, я судить не смѣю; могу только догадываться, что ежели эта смерть была, значить она разумна, хотя противъ этого ученія, принимаемаго мною по разуму, сердце мое возмущается. Неужели въ самомъ дѣлѣ было нужно, чтобъ эта благодатная, такъ много общавшая натура, погибла, не изведавъ радостей жизни; неужели для нее невозможны были другія условія, при которыхъ она не умерла бы такъ рано, не сдѣлалась-бы барыней, условій лишившихъ ее этихъ радостей и превратившихъ ее, вѣроятно только наружно,—въ куклу.

Другая встреча произошла совершенно иначе. Это была уже не простодушная дѣвочка денежныхъ баловъ, ученица, почти ребенокъ:—это была свѣтская дѣвушка, аристократическаго круга, привыкшая съ издѣтства и къ похваламъ, и къ обожанію; къ этому искусственному восторгу, стоящему рядомъ съ дипломатическимъ восторгомъ предъ всѣмъ, что дипломатъ только видитъ и это только потому, что у него на языкъ лѣтъ ничего кромѣ хваленія, кромѣ лести, лжи и неправды: безъ чего, какъ говорить, дипломатомъ быть нельзя.

Ей было лѣтъ 18. Княжна *), племянница генералъ-губернатора, древней русской фамиліи, она поразила меня своею прелестью. Замѣтьте, не красотою. Въ чемъ заключалась въ ней эта прелесть, я затруднился бы объяснить вамъ. Худенькая, маленькая, съ строгимъ, а по временамъ и злымъ взглядомъ, который, по произволѣнію ея, дѣлался то бархатнымъ, то искательнымъ, то любящимъ,—а черезъ минуту, опять строгимъ и злымъ,—она привлекала къ себѣ неизъяснимой прелестью, разлитой

*) Княжна Настасья Щербатова, вышедшая впоследствии замужъ за Ермолова.

во всей ея особѣ, опредѣлить которую не было никакой возможности.

Когда она смотрѣла на кого,—можно было понять, что она видитъ этого человѣка насквозь, что ей не нужно возвращаться къ нему въ другой разъ; что оцѣнка ея строга и несправедлива, только тогда, когда, по убѣжденіямъ касты, называющей себя высшимъ обществомъ,—лицо, ею наблюдаемое, по рожденію своему не стоило наблюденія.

Когда же человѣкъ, на котораго она смотрѣла, не принадлежалъ къ тому кругу, къ которому принадлежала она сама,—очаровательная улыбка ея измѣнялась мгновенно; глаза уходили глубже въ свои впадины, что-то дерзкое, даже пожалуй презрительное, выражалось во всѣхъ чертахъ лица. Хороша была она и тогда,—но это была красота падшаго ангела, на которую смотрѣть не непріятно, но больно; потому больно, что съ понятіемъ о красотѣ надо было соединить понятіе о злѣ, сочетаніе которыхъ, такъ оскорбительно для человѣческой природы, для его нравственного чувства. Никогда не забуду одного вечера, въ которомъ она, изъ ангела красоты и благости, въ одно мгновеніе, превратилась въ Абадонну, послѣ его паденія. Въ этотъ вечеръ, рельефнѣе нежели когда-нибудь, выразились и необузданность внутренняго чувства, и предразсудки касты, и презрѣніе, во имя этихъ предразсудковъ, впитанное съ молокомъ матери къ условіямъ общественнаго строя, раздѣляющаго людей на сословія.

Какъ теперь гляжу на нее, не смотря на то, что этому прошло около 50 лѣтъ; она была въ лиловомъ легкомъ платьѣ;—маленькая синеватость подъ глазами придавала ей что-то оживленное, пылливое, въ которыхъ увѣренность въ себѣ стояла на первомъ планѣ. Она стояла въ кадрили съ графомъ Санти; когда я увидалъ ее въ первый разъ въ этотъ вечеръ, мнѣ показалось, что она была

въ возбужденномъ состояніи, нетерпѣливо оглядывалась; разсвѣнно топала ножкой, — замѣтно не слушая того, что говорилъ ей молоденькій графъ; впрочемъ взглядъ ея былъ покоенъ, хотя и глубокъ; глаза были бархатные, хотя и проникающіе и далеко не тусклые. Ждала ли она кого, или чего нибудь, — досадовала ли, — рѣшить было трудно, только она была дивно хороша въ это время... Когда она оглянулась и остановила на мнѣ свой пытливый, полный неотразимой силы взглядъ, я задрожалъ невольно... хоть въ этомъ взглядѣ и не было ничего насмѣшливаго или злаго, но тѣмъ не менѣе подъ нимъ мнѣ было неловко: казалось она видѣла и меня, и всякаго насквозь, со всѣми его недостатками, и противъ его инквизиторскаго могущества защититься не было возможности... по тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что взглядъ этотъ говорилъ: подойди, я позволяю тебѣ это! Робкій по природѣ, хотя и поставленный рожденіемъ, а главное случаемъ, въ довольно выгодныя общественныя условія, я тѣмъ не менѣе, боялся подойти къ ней, я больше кинжала боялся ея взгляда, потому что не былъ, не могъ быть увѣренъ, каковъ будетъ этотъ взглядъ, а перенести насмѣшки или презрѣнія этого взгляда мнѣ казалось выше силъ. Чтобъ дать понять, какова была сила этого взгляда, я расскажу вамъ одинъ случай, совершившійся на моихъ глазахъ. Этотъ случай рельефнѣе всего покажетъ, что не я одинъ, восторженный и воспримчивый до нелзя, а люди и болѣе меня опытные, испытывали на себѣ магическое его вліяніе и даже болѣе нежели вліяніе: его неотразимую силу.

Былъ тогда въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеромъ генералъ-маіоръ г. Цинскій. Вѣроятно многіе еще его помнятъ и слѣдственно могутъ засвидѣтельствовать, что онъ былъ не изъ пѣжныхъ. Арестанты это очень болѣзненно чувствовали, что, какъ извѣстно, и было причиною из-

вѣстной катастрофы, за которую несчастный пожарный поплатился жизнью. Этотъ-то Цинскій и вздумалъ ухаживать за моею княжною.

Что онъ не былъ съ нею знакомъ, я это очень хорошо зналъ и видѣлъ: онъ никогда въ обществѣ не подходилъ къ ней, хотя и замѣтно было, что, глядя на нее, облизывался, какъ котъ на мышенка; зналъ и то, что она глядѣла на него такъ равнодушно, какъ смотрятъ на пожарный столбъ; что его генеральскіе эполеты не производили на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Видя все это, я могъ безошибочно и совершенно вѣрно опредѣлить, что особа его превосходительства и его искательство, не производили на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія: что же касается до себя, то мнѣ иногда казалось, что, танцуя французскую кадрили, она оборачивалась, чтобъ узнать тутъ ли я? и когда видѣла, что я тутъ, она какъ будто говорила своимъ взглядомъ, а! ты тутъ! хорошо! ты можешь стоять и любоваться мною: я тебѣ это позволяю.

Ежели я говорю теперь это такъ самоувѣренно, то это во первыхъ потому, что почти семидесятилѣтнему старику позволительно говорить о себѣ, какъ о постороннемъ и вспоминать, что съ нимъ было, когда ему было двадцать лѣтъ, безъ *fausse delicatessen* и, безъ малѣйшей претензіи; а во вторыхъ потому, что я до такой степени увѣренъ, что понималъ значеніе ея взглядовъ, что теперь по прошествіи столькихъ лѣтъ, могу съ увѣренностію сказать, что я не ошибался и не ошибаюсь, ежели говорю, что зналъ и знаю, каковъ будетъ ея взглядъ при извѣстныхъ условіяхъ. Не лишнимъ считаю прибавить, что можетъ быть болѣе, нежели кто-нибудь, она могла быть заражена древностію и аристократизмомъ своего рода; что все новое дворянство, не смотря на свои генеральскіе эполеты, въ ея глазахъ *parvenue*, выскочки, которые не

заслуживаютъ особаго вниманія, и что сдѣлательно серьезное нескательство какого-нибудь Цинскаго, могло показаться ей обиднымъ. Что касается до нея, то гордость и пожалуй, даже благородство породы высказывалось въ ней во всемъ: и въ гордо поднятой, не смотря на маленький ростъ, головкѣ, и въ той покровительственной, почти царственной улыбкѣ, съ какою она, проходя разступавшеюся передъ ней толпу, глядѣла на всѣхъ, считая ихъ недостойными къ себѣ приближаться, и въ очертаніи и изгибѣ шеи и наконецъ, во всемъ этомъ *comme il faut*, которое не высказывается словами, но проглядываетъ, свѣтится въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждомъ взглядѣ и которое изучить нельзя, но только отъ рожденія пріобрѣсти въ семействахъ, происхожденіе которыхъ, по словамъ дворянской грамоты: «теряется во мракъ благородной неизвѣстности».

Однажды, это было въ Николинъ день, былъ балъ въ залѣ благороднаго собранія. Зала была залита свѣтомъ; официальные лица въ полной формѣ, съ лентою по кафтану, какъ говорилось тогда, и только мы, мелкія сошки, въ нашихъ черныхъ фракахъ, представляли какой то анахронизмъ, между этими раззолоченными представителями знатности и силы.

Само собою разумѣется, что и дамы были точно также нарядны; на плечѣ многихъ изъ нихъ и, кажется, даже на моей княжнѣ, блестялъ брилліантовый шифръ, признакъ фрейлины. Взглядъ глазъ ея очерченныхъ быстрою, имѣлъ въ себѣ что то ласкающее, когда она смотрѣла на блестящую обстановку залы, потомъ вдругъ случайно упалъ на г-на Цинскаго, стоявшаго отъ нея не болѣе какъ въ 10 шагахъ. Лишь только она увидала его, взглядъ ея, какъ фizioномія моря передъ бурей, мгновенно измѣнился. Изъ спокойнаго, равнодушнаго, пожалуй, даже бархатнаго,

онъ въ одну минуту превратился во что-то злобщее. Въ немъ вдругъ вспыхнулъ какой то небывалый огонь; и въ этомъ огнѣ было столько злаго, ядовитаго, насмѣшливаго, даже презрительнаго; что мой генералъ, только въ это утро получившій Станиславскую ленту, его преподсывающую, и потому, смотрѣвшій самоуувренно и гордо, отпрыгнулъ невольнио шаговъ на 10, какъ будто бы вдругъ ему пахнуло огнемъ въ лицо, и онъ, ошеломленный имъ, по неволѣ долженъ былъ отшатнуться. Тутъ только увѣровала я въ силу женскаго взгляда, въ обаяніе и могущество красоты; тутъ только узнала я истину, что *красота есть сила*.

Въ то время истина эта не переняла еще въ сознаніе: ей бы не повѣрили, ежелибъ кто нибудь возвѣстилъ ее тогда; красота была красота и ничего больше; ее боготворили, ею плѣнялись, но не сознавали еще рычагомъ, которымъ можно было управлять людьми; да и не мудро—тогда жили сердцемъ, и сердцемъ объясняли всѣ явленія жизни... Теперь подобный взглядъ кажется ребячествомъ, надъ нимъ теперь смѣются,—и мы, остатки представителей этихъ вѣрованій, съ горестью замѣчаемъ, что умъ вытѣснилъ сердце вовсе; что сердцу нѣтъ больше мѣста на свѣтѣ, и что сознаться въ какомъ нибудь чувствѣ, сдѣлалось теперь предметомъ насмѣшки. Настоящивѣ ли стали отъ этого нынѣшніе люди—не знаю; смотри на нихъ, вникая въ ихъ жизнь, думаю, что нѣтъ.

Какъ доказательство справедливости требованія сердца, надъ которымъ приходится теперь слышать столько глумленій, я расскажу мою третью встрѣчу. Ежели читатель скажетъ, что рказказъ мой ничего не доказываетъ, я замолчу, и буду ждать могилы, которая меня закроетъ съ моими убѣжденіями... ежели я заблуждался... Отказаться

же отъ нихъ, перестать любить ихъ, и вѣровать въ нихъ, какъ въ истинное и святое, я не имѣю силы.

Да и могу ли сдѣлать иначе, когда передо мной витаешь ея образъ, со всѣмъ обаяніемъ знакомаго мнѣ взгляда: этого обаянія, котораго я 30 лѣтъ былъ свидѣтелемъ и котораго теперь я бы желалъ, какъ манны небесной, для того, чтобы *прикрыть мою душу крыломъ серафима* (Ложечниковъ).

Разсказывать, что въ этой третьей встрѣчѣ истиннаго, благодатнаго, благороднаго—не знаю, съумѣю ли? Плохой я судья ему, потому что теперь еще при одномъ воспоминаніи у меня льются слезы—я не свой, и отъ тоски воспоминанія, и отъ страданій утраты, и отъ своего, никогда и ничѣмъ незамѣнимаго одиночества.

Что она такое была, эта третья встрѣча, мнѣ сказать трудно. Она рѣшила судьбу всей моей жизни, а сердце мое жадное любить и вѣрить, вслѣдствіе жизненнаго опыта, отказывалось принимать жильцовъ; тамъ много перебывало ихъ въ немъ, что оно готово было закрыться для всякаго вѣрованія, для всякой надежды: вѣрить значило любить, а у меня для этого не доставало матеріалу,—я истратилъ его необдуманно: надѣяться значило ожидать, что *завтра* наступитъ когда нибудь въ образъ любимой женщины, тогда какъ я не только *любимой*, но даже *интересующей* меня только женщинъ готовъ былъ не вѣрить; такъ изсякла способность чувства;—такъ мало доверялъ я ему. Необходимымъ послѣдствіемъ этого состоянія была жизнь, въ высшей степени разсѣянная, пожалуй даже хуже.

Чего не дѣлалъ я, чтобы дать пищу огненному воображенію моему; моей жадѣ дѣятельности, моей тревожной волѣ, стремящейся неумолимо занять себя чѣмъ нибудь, найти въ чемъ нибудь утѣшеніе и отраду; дать пищу

сердцу, громко, мучительно и неумолкаемо взывающему къ раздѣленію, жаждущему чувства и постоянно перебѣгающему отъ предмета къ предмету, отъ одной женщины къ другой, отъ одного наслажденія къ другому, въ тревожной тоскѣ, отыскивая сочувствія и раздѣленія.

Любящій по природѣ, страстный поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ, мало способный къ продолжительному, усидчивому труду, я искалъ разсѣянія въ одномъ: въ обществѣ женщинъ, такъ какъ всѣ другія такъ называемыя удовольствія, мало меня занимали. Какихъ тутъ не встрѣчалъ я? переходя постоянно по всѣмъ ступенямъ этой лѣстницы,—я съ возмутительною легкостію переходилъ отъ бархатнаго платья и блондовой косынки къ ситцевому платьицу; изъ подъ штофнаго балдахина свѣтской дамы, въ обладаніи которой мнѣ завидовали тысячи,—подъ ситцевый пологъ мѣщанки, мѣняя изъ лебяжьего пуха одѣяло на стеганое на ватѣ ситцевое одѣяло, сшитое изъ лоскуточковъ, которымъ прикрывались часто дѣвственныя красоты тогдашней горничной. Цѣлыя ночи на пролетъ, или въ мраморной гостиной подъ навѣсомъ зелени, въ обворожительномъ tête à tête, сжимая воздушную талию красавицы, которой преподавалъ и въ теоріи и въ практикѣ науку любви,—или гдѣ нибудь въ глухомъ переулочкѣ предмѣстья въ тѣнистомъ саду, я потерялъ наконецъ сознаніе различій, какія существуютъ на іерархической лѣстницѣ, и часто, оставлялъ гордую красоту для того, чтобы спѣшить на свиданіе гдѣ нибудь подъ тѣнію забора скромной дѣвушки низшаго класса, съ трепетомъ любви прижимающей къ груди моей свою русую головку, схожую съ головкою архангела, и съ гордостію думающей не о томъ счастьи, которое даетъ она; но о томъ счастьи, которое испытываетъ сама, будучи любима *хорошимъ баринкомъ*.

Нельзя сказать, чтобы я велъ жизнь совершенно праздную. Я былъ на службѣ и добросовѣстно ходилъ въ нее каждый день, часовъ до трехъ отъ девяти. Начальникъ мой генералъ М—й, давнишній знакомый моего отца, въ праздничные дни иногда приглашалъ меня къ себѣ. Семейство его состояло изъ двухъ дочерей и двухъ сыновей, которые воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ; такъ что онъ, будучи вдовцемъ, жилъ только съ двумя дочерьми. Это былъ человекъ первыхъ годовъ царствованія Александра Благословеннаго, воспитанный въ такомъ обществѣ, въ которомъ молодые люди не смѣли „своего сужденія имѣть“.

Какъ образчикъ хорошаго воспитанія, онъ приводилъ себя и своего пріятеля Москов. почтъ—директора А. Я. Булгакова, говоря, что они не смѣли съестъ въ присутствіи родителя его пріятеля, тѣмъ менѣе перейти въ его присутствіе черезъ комнату. Чрезвычайно добрый по природѣ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимый деспотъ съ дѣтьми, такъ, что они боялись его какъ огня и дрожали, когда онъ только возвышалъ голосъ. Напыщенный генеральствомъ, онъ считалъ унижительнымъ ходить даже въ театръ,—и полный презрѣнія ко всему, что было не самое высшее общество,—онъ чтобы показать это презрѣніе явно, нанималъ бельэтажъ въ Большомъ театрѣ, посылалъ туда своихъ горничныхъ, а самъ на пять, много на десять минутъ являлся туда, ужъ конечно не для того, чтобы видѣть пьесу.

Не имѣя большого состоянія, но слишкомъ самолюбивый для того, чтобы не стараться жить наравнѣ съ блестящимъ столичнымъ обществомъ, но не имѣя на то достаточно средствъ, онъ жилъ скорѣе уединенно, нежели открыто.—Это правда, что у него каждый день былъ кто нибудь; но это были большею частію жены и дочери его

подчиненныхъ, съ которыми, разумѣется, онъ не церемонился и величалъ дурами, когда приходила къ тому охота. Очень умный отъ природы, но мало образованный, онъ однако никакъ не хотѣлъ показать этого, и съ видомъ знатока останавливался передъ картинами, помощію большихъ суммъ собранныхъ его отцемъ въ путешествіяхъ по Италіи и Франціи, — хотъ не разумѣлъ въ нихъ ни бельмеса; подъ часъ былъ дерзокъ на языкъ и любилъ съ дамами пошутить маленькими намеками въ духъ Парии и разными эquivoками, которыми такъ богата была французская литература временъ его молодости, т. е. энциклопедистовъ. Дочери его, не очень красивыя собою, мало обращали на себя мое вниманіе: я видѣлъ въ нихъ дочерей начальника и ничего больше. Къ тому же меня въ это время интересовала одна княжна Н—я, двушка лѣтъ 17-ти, у которой глаза съ поволокой сдѣлали то, что я хлопоталъ около одной полустарой дѣвицы, *) очень богатой и любившей меня какъ сына, племянника, или ужъ не знаю какъ (только не матеріально, сохрани Богъ) она была лѣтъ сорока и толста какъ китъ,—я же былъ тонокъ и худъ какъ спичка, такъ, что къ намъ могло быть примѣнено совершенно *dicton*, слышанный мною не давно: (*le balaine et saballine*) чтобъ она за моей княжной дала дунгъ двѣсти или триста приданого, такъ какъ она сама была небогата, и я тогда женюсь на ней. Объ этой старой дѣвѣ когда нибудь послѣ—она въ моихъ воспоминаніяхъ занимаетъ нѣкоторое мѣсто, и я былъ бы неблагодарнымъ, ежелибъ не посвятилъ ей когда нибудь нѣсколькихъ страницъ. Она этого заслуживала по своему уму и любезности.

Въ это время жила въ Москвѣ одна княгиня—О. И.

*) В. Н. Захарьевская.

Д—я, любившая тѣшить Москву. У ней были вечера или балы, на которые съѣзжалось человѣкъ до 300 лучшаго московскаго общества и я, пріятный, какъ мнѣ всегда говорили, балагуръ,—не только, посѣщалъ ее, но даже у княгини былъ какъ свой; распоряжался у ней танцами и всѣмъ въ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ. Болѣе близкаго человѣка, у ней не было, а съ княземъ, ея мужемъ, она была не въ разводѣ,—а врозь,—и почему посудите сами.

Князь былъ очень богатъ,—она, хоть и красивая, но не богатая дѣвушка. Жили они и тотъ и другая въ деревнѣ, по сосѣдству, кажется, въ Смоленской губерніи. Влюбился-ли онъ въ нее; влюбилась-ли она въ его состояніе—этого я не знаю; княгиня, не смотря на всѣ конфиденціи, которыхъ я удостоивался, этого мнѣ не открыла. Что я знаю, такъ это то, что онъ предложилъ увезти ее, на что она, и согласилась. Рѣшено было, что онъ будетъ ее ждать у задней калитки сада, обращенной къ полю,—и тамъ же будетъ ждать и дорожная коляска. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Собравши въ маленькій узелокъ свое маленькое приданое, она торопливо перебѣжала огромный садъ, осыненный вѣковыми деревьями,—выпорхнула въ калитку и увидала, что суженый ея, ея страстный любовникъ, сидя у калитки—спитъ такъ крѣпко, что она его едва растолкала. Ежели таковъ онъ былъ въ роковую минуту, рѣшающую судьбу цѣлой жизни, можете представить себѣ, каковъ онъ былъ въ обыкновенныя минуты. Высокъ, толстъ, здоровъ какъ быкъ;—простъ и богатъ, онъ былъ-бы идеаломъ мужа, ежелибъ на него не находили иногда странныя фантазіи. Напримѣръ однажды, во время бала у себя въ домѣ, когда залы были полны гостями, а княгиня въ брилліантахъ и разряженная по послѣдней модѣ, съ без-

упречной прической, гдѣ волосокъ былъ подобранъ къ волоску,—онъ вдругъ вызываетъ ее изъ гостиной къ себѣ въ кабинетъ и требуетъ отъ нея исполненія супружескихъ обязанностей, въ которыхъ она, въ виду геркулевской силы мужа, конечно, отказать была не въ состояніи. Въ другой разъ онъ жаловался, что онъ усталъ, доказывая Николаю Чудотворцу съ палкою въ рукахъ, что отказывать ему въ исполненіи его желаній нечестно, такъ какъ онъ ему молился много и долго. Не думайте однако, что онъ былъ сумасшедшій; сумасшедшимъ его нельзя было назвать, но скорѣе сильно простоватъ, хоть не идиотъ вовсе.... Да и княгиня съ своей милой, добродушной улыбкой, поражала иногда своею наивностію. Однажды она пригласила меня пріѣхать къ ней посмотреть, какъ она будетъ одѣта на балу у Небольсина, бывшаго тогда губернаторомъ: домъ его слылъ аристократическимъ. „Не ѣхать туда нельзя,“ говорила она мнѣ, „я разъ ѣздила туда съ мужемъ; ежели я туда не поѣду теперь, живя съ нимъ врозь, пожалуй подумаютъ, что мнѣ нельзя выѣзжать“. Я согласился, что ей надо ѣхать и потому явился въ назначенный часъ. Она жила на Тверской въ домѣ бывшаго оберъ-полицеймейстера Шульгина 1-го, гдѣ теперь гостиница Шевалдышева. Лакей, когда я спросилъ о княгинѣ, отвѣчалъ мнѣ, что ее нѣтъ дома. Я послалъ его сказать ей, что я пріѣхалъ и желаю ее видѣть и рѣшилъ, что она велѣла всѣмъ отказывать, такъ какъ сама собиралась выѣхать. Въ гостиной она меня встрѣтила не въ бальномъ платьѣ, какъ я ожидалъ ее видѣть, но въ своемъ домашнемъ балахонѣ съ завязаннымъ лицомъ. Что съ вами княгиня? вскричалъ я невольно, развѣ вы не ѣдите къ Н—у.

— Рада-бы ѣхать, да нельзя! отвѣчала она мнѣ чуть не со слезами. Посмотрите на мой носъ, что съ нимъ

сдѣлалось! и она раскрыла платокъ, покрывавшій нижнюю часть лица,—и я увидѣлъ, что носъ у ней распухъ страшно, въ родѣ груши дюшесъ большого сорта.

— Отъ чего это? продолжалъ я, удивленный до нелзя, видя это искаженіе на хорошенькомъ, хотя и неправильномъ лицѣ княгини. Но прежде нежели и я, и вы, читатель, узнаете разрѣшеніе моего вопроса, я долженъ вамъ сказать, что княгиня, при всей миловидности своей, имѣла маленькій недостатокъ, который впрочемъ ее нисколько не портилъ и съ которымъ она продолжала быть хорошенькой. Самый кончикъ ея вздернутаго, курносенькаго, но не непріятнаго для глазъ носика, былъ красенъ. Чего она не дѣлала, чтобъ избавиться отъ этой красноты. Были призваны всѣ возможные косметики, всѣ возможные притиранія; на зло имъ всѣмъ, и въ особенности самой княгинѣ, кончикъ вздернутаго носика продолжалъ быть красенъ. Моя княгиня приходила въ отчаяніе. Собираясь на балъ къ Неб—у, она по своей вѣщности, въ этихъ *важныхъ для женщины* случаяхъ, рѣшительности, позвала своего домашняго, т. е. годоваго врача, очень любезнаго господина, который лечилъ скорѣе прибаутками и галантерейностью, нежели лекарствами и объявила ему рѣшительно, что она не хочетъ имѣть кончика носа краснымъ и что онъ, во что бы то ни стало, за тѣ 1200 руб. асс. въ годъ, которые она ему платила, долженъ избавить ее отъ назойливаго краснаго пятнышка, въ 5 коп. сер. величиною, на кончикѣ курносоваго носика. Мой, дѣйствительно любезный и милый, врачъ сначала было задумался, но потомъ встряхнулъ своею красивой головкой и объявилъ, что ей надо поставить къ кончику носа двѣ пиявки.

Эти то пиявки и были причиною, что носъ моей княгини сдѣлался схожимъ съ грушей дюшесъ большого сорта.

Къ этой-то княгинѣ у которой, какъ сказано, я былъ какъ дома и гдѣ меня тѣшили и ласкали какъ родственника, я долженъ былъ ѣхать, въ этотъ вечеръ. Тамъ, какъ былъ увѣренъ, я долженъ былъ встрѣтить мою безприданницу княжну, объясниться съ нею, а потомъ, получивши ея согласіе, дѣйствовать на старую дѣву, балующую меня такъ, какъ балуетъ бабушка любимаго внучка. Вечеръ княгини, судя по тѣмъ приготовленіямъ, которыя я самъ заказывалъ по ея полномочию, долженъ былъ быть блестящимъ. Приглашеній, которыя я писалъ своею рукою, было болѣе 200; и всѣ они относились къ лучшимъ фамиліямъ въ городѣ; графовъ, князей, генеральства всѣхъ возможныхъ видовъ и фрачнаго и военнаго, должно быть тутъ безъ конца.

Звѣздами можно было запрудить рѣчку. Мнѣ дано было право распоряжаться вечеромъ, какъ я хочу.

Ярѣ былъ приглашенъ дать ужины по 10 руб. асс. съ персоны ¹⁾. Княгиня оставила себѣ распорядиться своимъ туалетомъ,—на что я, какъ известный барынямъ цѣнитель изящнаго, былъ приглашенъ на совѣщаніе. Княгиня, не смотря на красенъй кончикъ носика, должна была быть очаровательна, по крайней мѣрѣ я такъ говорилъ, и увѣряю васъ, думалъ. И вдругъ пришло приказаніе начальства, явиться къ нему въ 8-мъ часовъ для того, чтобъ распоряжаться танцами. Его превосходительству вдругъ пришла мысль именно въ этотъ самый вечеръ, къ которому я такъ долго и съ такою любовью, долженъ соизнаться, готовился,—устроить свой вечеръ, на который его гости были уже наканунѣ приглашены. На службѣ, по моимъ понятіямъ, отговорокъ нѣтъ.

¹⁾ Тогдашнія цѣны были не тѣ. 10 р. асс. тогда стоили не 3 р. какъ теперь, а тѣ же 10 руб. сер.

Проглотивши его приглашеніе, похожее на приговоръ, какъ самую горькую пилюлю, я какъ пѣтухъ, ошпаренный внезапно горячею водою, явился къ его превосходительству въ назначенный имъ часъ, изъ минуты въ минуту.

На службѣ я былъ, есть и буду, всегда чрезвычайно точенъ. Не смотря на то, что послѣ этого вечера прошло болѣе 40 лѣтъ, я помню и его, и всѣ подробности его, какъ будто-бы это было вчера. И немудрено: онъ имѣлъ такое сильное вліяніе на судьбу всей остальной моей жизни, что забыть его было бы рѣшительно невозможно. Я помню, что я явился ровно въ 8 часовъ, время мнѣ назначенное. Оказалось, что его превосходительство не воспрянулъ еще отъ послѣ-обѣденнаго отдыха, — а дочери пребывали въ своихъ комнатахъ; я долженъ былъ позаботиться объ освѣщеніи, объ чаѣ, — однимъ словомъ обо всемъ, что нужно для того, чтобы принять гостей, — такъ какъ его превосходительство былъ слишкомъ *grand seigneur* или старался быть имъ для того, чтобы думать обо всемъ этомъ. — Когда я вникнулъ, не смѣя впрочемъ утруждать этимъ начальство, во всѣ подробности вечера, я узналъ, что танцы не могутъ начаться, прежде нежели кончится Императорскій театръ, такъ какъ крѣпостные музыканты его превосходительства играютъ тамъ въ оркестрѣ.

Эта новость сконфузила или лучше уничтожила меня вовсе. Я понялъ, что къ княгинѣ даже и поздно явиться будетъ нельзя, развѣ придется провожать всѣхъ въ карету. Я былъ въ отчаяніи.

Къ 9 часамъ начали собираться гости, большею частью, „знакомые все лица“, жены, дочери чиновниковъ; другіе его знакомые изъ неважнаго міра — всего можетъ быть человѣкъ до 50-ти; можетъ быть и очень хорошіе люди... но все такіе, съ которыми церемониться не для чего, да и не стоитъ.... Боже мой! какая

разница съ тѣмъ, что начинало теперь, по расчету времени, собираться къ княгинѣ съ красенькимъ посикомъ. Когда входило то или другое семейство, людей любимыхъ мною прежде за ихъ простоту и безцеремонность, — я готовъ былъ ихъ ненавидѣть; они лишали меня моего блестящаго бала, моего созданія; они отнимали у меня мою княжну, ея глаза съ поволокой; мое удовлетворенное самолюбіе быть хозяиномъ вечера въ аристократической гостиной, невѣжей передъ княгиней, поручившей мнѣ судьбу своего вечера, которому я долженъ былъ такъ недостойно измѣнить. При всякомъ новомъ появленіи гостей, я скрипѣлъ зубами отъ злости, — всѣ они: и хозяинъ и хозяйки дома сдѣлались мнѣ ненавистны. При мысли, что въ эту минуту у княгини весь *beau monde* столицы; что я тамъ могъ играть завидную роль; что меня можетъ быть тамъ ждетъ моя княжна, бѣшенство мое не имѣло границъ. Помѣщеніе его превосходительства въ казенномъ домѣ было превосходное. Зала, аршинъ 30 въ длину, была залита свѣтомъ. Я совался всюду какъ угорѣлый, думая устроить то или другое, но при этой разнокалиберности общества, какая тутъ была, это было выше силъ человѣческихъ. Проклиная неявляющихся музыкантовъ, я предлагалъ то и другое изъ бывшихъ тогда въ обычаѣ общественныхъ увеселеній; веревочку съ кольцомъ; кошку-мышку; — все какъ то не шло, не удавалось; все было какъ то мертво и безжизненно, такъ что я начиналъ терять голову, — до тѣхъ поръ пока настраиванія скрипки въ передней, не напомнили мнѣ, что испытанія мои кончились и, что теперь можно танцевать безъ прямого содѣйствія и заботы съ моей стороны.

Ежелибъ предвидилась хотя малѣйшая возможность улизнуть съ этого приказаннаго начальническаго вечера на другой, куда влекли меня отчасти и сердце, отчасти и

заботы о моемъ общественномъ положеніи, которое молодому человеку безъ состоянія, безъ особаго имени, въ столицѣ, гдѣ передъ нимъ всѣ богатѣйшія и всѣ знатнѣйшія фамиліи въ государствѣ, — завоевать чрезвычайно трудно, — я конечно улизнулъ бы, но по несчастію этого сдѣлать не могъ; этотъ вечеръ слѣдственно лишалъ меня плодовъ долготѣяннаго, и, долженъ сознаться, иногда мучительнаго труда, — труда пробраться въ такую гостиную, куда доступъ легокъ только счастливымъ или по рожденію, или по богатству. Начались танцы; танцовали французскія кадрили, вальсы, — а около часу его превосходительство, которому, вѣроятно, уже хотѣлось успокоиться, объявилъ мнѣ, что пора ужинать и что пора танцевать мазурку.

Мазурка въ то время замѣнила котильонъ, который мы называли *маленькой вѣчностью*, потому что онъ продолжался два, а иногда и три часа сряду. На мазурку тогда брали *даму сердца*; но такъ какъ у меня здѣсь такой не было, то я и сталъ серьезно въ раздумьѣ.

Просидѣть полтора или два часа Богъ знаетъ съ кѣмъ, въ виду того, что меня ждало у княгини, показалось мнѣ ужаснымъ, возмутительнымъ. Когда ритурнель былъ проигранъ и слѣдственно танецъ объявленъ, я сѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ въ уголъ и сталъ наблюдать, и внутри себя цѣнить проходящихъ предо мною дѣвицъ.

Я зналъ ихъ всѣхъ и слѣдственно ошибиться въ стоимости каждой, не могъ. Вотъ идетъ группа изъ четырехъ или пяти, — но они не годятся — это что-то въ родѣ нѣмокъ, въ которыхъ женщину отъ кухарки отличить нельзя: она споетъ вамъ и арію Бетговена, а за тѣмъ бросится въ кухню, чтобъ засучивъ рукава, приготовить для васъ же какіе нибудь затѣйливые „кухенъ“. Конечно послѣ общества княгини и всѣхъ тѣхъ, между которыми протекла

праздная молодость, эти нѣмецкія, хоть можетъ быть, и очень милыя кухарки, не могли казаться мнѣ привлекательными.

Вереницы лили одна за другою, много и долго; много и долго слѣдилъ я ихъ глазами — сердечнаго отвѣта не послѣдовало. Я былъ готовъ проклинать себя. Вотъ отъ бѣлыхъ фигуръ дѣвицъ отдѣлилась одна; — она какъ то торопливо проходить черезъ длинную залу; самое простое бѣлое платье одѣваетъ ее; на шеѣ нитка жемчугу и ничего кромѣ; это меньшая дочь его превосходительства, дѣвушка, которую я считалъ всегда глупенькой и слѣдственно не стоящей того, чтобъ потерять съ ней $1\frac{1}{2}$ часа времени, которые принадлежали княжнѣ и княгинѣ. Теперь въ первый разъ, выдавши ее много разъ прежде, я посмотрѣлъ на эту дѣвушку внимательно: что ежели я стану танцевать съ ней мазурку? спросилъ я самъ себя. — Мазурку? да вѣдь это полтора часа? неужели ты на это рѣшишься? — А что же дѣлать! отвѣчаю я самъ себѣ, рѣшишься по неволѣ, когда нѣтъ никого, а рѣшиться надо, потому что это по службѣ.

Не могу не сознаться, что молоденькая дѣвочка какъ-то стукнула меня по сердцу. Я не довѣрялъ ей, считая ее глупенькой, но мнѣ казалось, что можетъ быть я и ошибаюсь; что эту дѣвочку надо изслѣдовать, пожалуй чего добраго въ ней и есть какой нибудь элементъ, — а ежели и нѣтъ, то чортъ ее возьми, не смотря на то, что это дочь начальника. Вѣдь надобно же танцевать съ кѣмъ нибудь! И сѣлъ я съ ней въ мазурку, не потому что желалъ этого, но потому, что все меня окружающее было, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, таково, что надѣяться на что нибудь особенно пріятное, было нельзя, надо было покориться необходимости.

Опишу вамъ теперь ея паружность, для того, чтобъ

вы могли составить объ ней хоть какое нибудь понятіе. Ей было 17 или 18 лѣтъ. Она была небольшого роста, худенькая, носъ нѣсколько курносаватый, лице круглое, выраженіе его тихое, застѣнчивое, робкое.... Когда она говорила, она старалась отдѣлаться отвѣтами самыми короткими, пожалуй даже односложными, — и это не отъ гордости или чванства... напротивъ—это была какая-то боязнь сказать что нибудь такое, что неприлично, что можетъ показаться не умнымъ; —однимъ словомъ неуувѣренность въ самой себѣ проглядывала на каждомъ шагу. Когда она говорила, она не смотрѣла прямо въ глаза, но краснѣла безпрестанно,—а между тѣмъ столько ребяческой прелести было въ этомъ безхитростномъ лицѣ;—такъ была мила она своею неподдѣльною, искреннею простотою, что я послѣ свѣтскихъ дѣвушекъ, съ которыми проводилъ жизнь мою, я смотрѣлъ на нее, какъ на что-то необыкновенное, давно невиданное, новое, встрѣчать которое мнѣ или не случалось вовсе, или очень рѣдко въ гостинныхъ.—Это меня очень заинтересовало; я гордчо принялся изучать глупенькую дѣвочку и сколько неподдѣльной прелести, сколько робкаго, но свѣтлаго ума, сколько чистоты душевной, открылось мнѣ. Она ввела меня въ какой-то невѣдомый мнѣ доселѣ міръ, гдѣ искусства не было вовсе, гдѣ бури не коснулись еще сердца, и она чистая, какъ свѣтлое майское утро, невинная какъ младенецъ, бѣлая какъ утренній снѣгъ... высказалась во всей полнотѣ въ безыскусственныхъ словахъ, вырывавшихся наружу, какъ чистая влага горнаго ручейка вырывается изъ зелени лѣса, нанося съ собою и его прохладу и его очарованіе. Я забылъ и княжну и весь міръ; мнѣ казалось, что я обновился въ какой-то новой, неизвѣданной доселѣ жизни, что все прошедшее было мракомъ заблужденія; какимъ-то хаосомъ, среди котораго вдругъ неопре-

данно начиналась новая эра, съ блестящими, благодатными, вѣчно южными горизонтами; въ которыхъ и самъ я свѣжѣю, обновляюсь, дѣлаюсь лучше и чище. Куда тутъ было ухватить куда нибудь!... цѣлые годы слушалъ бы я этотъ милый простой безыскусственный лепетъ, въ которомъ было столько невинности, не лишенной ума; столько младенческой прелести, въ которой прелесть неопытности была проникнута однако глубокимъ чувствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надобно было высказать любовь къ искусству,—поэзій и особенно музыкѣ.

Видно было, что этому милому и прелестному ребенку мало удавалось говорить о чемъ нибудь серьезномъ, что она мало жила внутреннею жизнью, хотя въ ней были всѣ задатки къ этому; что та среда, въ которой она жила доселѣ, не давала ей ни случая, ни возможности высказаться, приложить къ дѣлу чувство ей прирожденное; что опыта жизненнаго у ней не было нисколько, хотя достало бы силы и энергіи бороться съ этимъ жизненнымъ опытомъ, если-бы когда нибудь пришлось ей вступить въ эту борьбу.

Среди всего Московскаго женскаго персонала, въ которомъ дѣти были уже нравственно развращены кокетствомъ—это чистое, невинное, взрослое дитя, прелестное въ своей невинности, казалось какимъ-то неожиданнымъ анахронизмомъ, какимъ-то небывалымъ цвѣткомъ въ пустынь, чѣмъ-то такимъ, что встрѣтить тогда (а теперь вѣроятно и еще менѣе) можно было только очень, очень рѣдко.

Какъ будто обрадованная, что ее слушаютъ, что она можетъ погружаться, вѣроятно впервые, въ разрѣшеніе и изслѣдованіе такихъ вопросовъ, объ которыхъ ей доселѣ не удавалось говорить, она съ простотою невинности высказывалась, какъ будто забывши свою приро-

денную застѣнчивость, непокидавшую ее до конца жизни.

Я слушалъ ее съ нѣмымъ восторгомъ, не довѣряя себѣ—ее ли я слышу. Мысль, что я считалъ ее до сихъ поръ дурочкой, оскорбляла меня; мнѣ было совѣстно на нее смотреть.

Мазурка кончилась какъ одинъ мигъ. Я съ грустью всталъ съ своего мѣста, очарованный этой святою чистотою души; этою дѣтскою миловидностію невинности, подъ вѣяніемъ которыхъ душа моя растаяла, обновилась, ожила, и въ сердцѣ и въ умѣ возникла одна мысль, одно неизмѣнное желаніе—назвать ее своею; посвятить ей всю жизнь мою, сдѣлаться ее достойнымъ.—

И хоть я поѣхалъ къ княгинѣ, когда вечеръ здѣсь окончился, но уже вовсе не съ желаніемъ встрѣтить тамъ мою княжну, она потеряла для меня теперь всякое значеніе,—но для того только, чтобъ меня тамъ видѣли, сдѣлать *acte de présence*, какъ говорятъ французы, и не могло-бы возникнуть какихъ нибудь заключеній; почему меня нѣтъ у княгини на балу, когда всѣ знали какъ я коротко знакомъ у ней въ домѣ.

Появленіе мое могло удовлетворить хоть какое нибудь самолюбіе. Я вошелъ въ залу, когда можетъ быть сотня паръ сидѣла въ огромной залѣ и танцевала мазурку. Какъ только я вышелъ изъ комнаты, ведущей въ залъ и превращенной въ буфетъ,—княгиня танцовавшая съ адъютантомъ М—мъ, сильно за нею ухаживавшимъ и даже предлагавшимъ ей, какъ она рассказывала послѣ, развестись съ мужемъ, чтобъ выйти за него замужъ, — вскочила съ своего мѣста и черезъ всю залу бросилась ко мнѣ на встрѣчу съ упреками, почему я пріѣхалъ такъ поздно. Тѣ, которые меня не знали, стали невольно спрашивать: кто это такой? ожидая что я какое нибудь знатное лицо, которое княгиня встрѣчаетъ особенно привѣтливо.

знакомые же только съ улыбкой протянули руки и тоже поинтересовались узнать: почему я такъ поздно? Княгиня моя надулась, на что я, подъ вліяніемъ прожитого мной въ другой гостинной ощущенія, не обратилъ теперь никакого вниманія.

Этимъ можетъ быть не совсѣмъ обдуманномъ поступкомъ, княгиня, паходившаяся въ разлукѣ съ мужемъ и слѣдственно дававшая поводъ подумать, кое что, — удовлетворила моему самолюбію такъ, какъ никогда оно удовлетворено не было.

Вся зала, весь цвѣтъ, сливки Московскаго Общества—вдругъ обратили на меня такое вниманіе, какого я конечно не заслуживалъ, не обладая ни громкимъ именемъ, ни богатствомъ, ни особыми связями.

Съ этого бала, помню я поѣхалъ въ купеческое собраніе, помѣщавшееся тогда на Ильинкѣ. Это было часа въ 4 утра. Тамъ все еще продолжались танцы въ большой залѣ, въ боковыхъ же по обыкновенію происходило пьянство въ широкихъ размѣрахъ. Одинъ столяръ, нѣмецъ (фамиліи не помню), имѣвшій магазинъ у Арбатскихъ воротъ, велѣлъ поставить на полъ болѣе 50 бокаловъ, налилъ ихъ шампанскимъ и проходящихъ по этой залѣ, кто бы они ни были, знакомыхъ и незнакомыхъ, угощалъ имъ. По мѣрѣ того, какъ бокалы опрастывались, ихъ наполняли вновь. Столяръ этотъ ставилъ мебель въ отстраивающійся тогда Кремлевскій дворецъ. Говорили что онъ за эту мебель бралъ необъятныя суммы.

Ежели не ошибаюсь, онъ же дѣлалъ и паркетъ туда же; не смѣю утверждать, но рассказывали, что паркетъ доходилъ до 800 руб. за сажень (ассигнаціями), а стулья до 150 руб. Въ виду такихъ расходовъ, какіе онъ дѣлалъ всякій разъ въ купеческомъ собраніи, которое онъ

избралъ полевъ своихъ подвиговъ, можно было повѣрить этимъ страшнымъ цѣнамъ.

Про него рассказывали много анекдотовъ. Однажды онъ будто бы поѣхалъ въ Петербургъ, ѣхалъ три мѣсяца и не доѣхалъ, потому что не достало денегъ. Пріѣдетъ на станцію, кормить и поить проѣзжающихъ и живетъ на станціи недѣлю и болѣе; затѣмъ поѣдетъ дальше—и тамъ та же исторія. Проездилъ 10000 руб.

Я въ купеческое собраніе поѣхалъ не для себя. Нужно было выручить пріятеля, гусарскаго офицера, любившаго выпить съ друзьями,—и въ хмѣлю могущаго надѣлать что нибудь неладное. Я ѣздилъ съ нимъ всегда на подобныя пріятельскіе кутежи, въ видѣ предохранительнаго клапана, потому что самъ я, сколько бы ни пилъ въ этотъ вечеръ, никогда пьянъ не былъ, за то на другой день, я лежалъ въ постелѣ отъ лому въ ногахъ, отъ страшной головной боли....

Пріятеля моего я засталъ на второмъ взводѣ, какъ говорили тогда, — и такъ какъ уже было 5 часовъ утра, сталъ звать его домой. По обыкновенію пьяныхъ, онъ долго упирался. Гостей осталось ужъ очень мало; служители вытянулись въ длинную улицу у выходныхъ дверей, ожидая отъ пьяненькихъ запоздавшихъ подачи, которыя при пьяномъ состояніи бывають иногда очень щедры безъ всякаго основанія.

Я вель пріятеля подъ руку,—онъ вдругъ, не говоря ни слова, отшатнулся отъ меня въ сторону и подошедши къ одному изъ служителей, безъ всякаго повода, со всего размаха ударилъ его по щекѣ.—За что ты его ударилъ! закричалъ я. Тогда онъ вытащилъ бумажникъ, выхватилъ оттуда пукъ ассигнацій и хотѣлъ отдать служителю. Въ пачкѣ могло быть сто или болѣе рублей. Я вырвалъ у

него бумажникъ и деньги, и сталъ укорять его. Тогда онъ бросился цѣловать этого служителя.

Я далъ ему 5 руб. и служитель остался вполне доволенъ, и на мои извиненія простодушно отвѣчалъ:

— Что взыскивать съ пьянаго. Ничего, батюшка. Со всякимъ случиться можетъ.

Этимъ окончился этотъ вечеръ, рѣшившій судьбу моей послѣдующей жизни.

Для характеристики времени не лишнимъ считаю рассказать какъ въ наше время (1830—33 годъ) мы проводили вечера, когда не бывали въ обществѣ.

Вотъ этотъ пріятель мой (съ которымъ я былъ близокъ какъ съ роднымъ братомъ) гусарскій офицеръ, добрый и кротчайшій изъ смертныхъ, уѣзжая изъ Москвы въ полкъ, вздумалъ задать прощальный вечеръ. Онъ стоялъ въ гостинницѣ Обиденнаго на Тверской. Я не могъ быть у него съ начала вечера, потому что въ большой компаніи былъ приглашенъ Баб—ной на пикникъ въ Останкино. Тамъ были приготовлены всевозможныя сласти, чай и проч.; гуляли и играли въ веревочку, бѣгали въ горѣлки, до тѣхъ поръ пока дождикъ не разогналъ всѣхъ. Послѣ дождя, игра началась снова по мокрой травѣ, которая тогда была еще не выкошена; перемочились все, я по крайней мѣрѣ, оставался мокрымъ всю ночь и впоследствии сильно поплатился за это.

Не могу не припомнить, что когда я, стоя въ кругу, долженъ былъ бить по рукамъ лицъ, составлявшихъ веревочный кругъ,—княжна Менщикова, вмѣсто того чтобъ держать руки на веревочкѣ, какъ бы слѣдовало, по правиламъ игры, нашла какой-то обрывочекъ, оставшійся въ томъ мѣстѣ, гдѣ веревка была связана и взявшись за него, отошла отъ веревки въ нѣкоторомъ раз-

стоянии, и дразнила меня, что я не могу ее достать. Я сказал ей:

Pour vous atteindre, princesse, il faut être un Dolgorouky.

Это единственное *à propos*, которое мнѣ удалось сказать въ жизни. Оно было замѣчено и принесло мнѣ много привѣтствій, лестныхъ для моего самолюбія.

Возвращаясь съ пикника въ омнибусъ, (тогда еще рѣдкость въ Москвѣ) гдѣ сидѣло 18 человекъ мужчинъ и женщинъ, мы около Тверской заставы имѣли несчастіе переѣхать черезъ ногу пьянаго казака, упавшаго съ лошади подъ колеса, такъ что мы все слышали какъ кость несчастнаго хрустнула. Бывшая съ нами грузинка, воспитанница царевны грузинской, вскрикнула и начала бить себя рукой въ грудь по восточному обычаю; европейки, т. е. не азіатскаго происхожденія, поблѣднѣли, разговоръ тотчасъ смолкъ, и все, какъ убитые, возвратились къ княгинѣ на квартиру, откуда поѣхали на пикникъ. Печальное происшествіе это сдѣлало то, что никакой игры или забавъ уже затѣяться не могло. Все тотчасъ разъѣхались по домамъ,—я какъ сказано выше, отправился къ пріятелю на прощальный вечеръ. Это—было часу въ десятомъ вечера.

Вступленіе мое въ комнату, гдѣ собралась уже пьяная компанія, было привѣтствовано двумя выстрѣлами изъ пистолета. Одна пуля пролетѣла едвали на полвершка отъ головы и впиалась въ наличникъ двери, другая попала въ стѣну выше. Это забавлялся С—й, привѣтствуя такимъ образомъ всѣхъ приходящихъ. Какъ онъ, будучи уже пьянъ, не застрѣлилъ когонибудь—трудно понять. Когда я взомель, пиршество было во всемъ разгарѣ. Джонка была уже сварена и на половину выпита, слѣдственно головы у всѣхъ, конечно, были уже не въ порядкѣ. Чего тутъ только не было. Въ одномъ углу би-

лись въ банкъ; въ другомъ декламировали какіе то стихи; въ комнатѣ стоялъ стонъ отъ смѣху, крику, восклицаній; въ третьемъ плясали, кто во что гораздъ,—однимъ словомъ оргія распахнулась настежь, во всю ширину свою. Чтобъ не быть одному трезвому между пьяными, меня принудили пить, чтобъ поравняться съ ними, и такъ какъ это требовалось всѣми, полнымъ хоромъ, при чемъ никакихъ просьбъ, оправданій принимаемо не было, то я и долженъ былъ пить и пить.

Затѣмъ С—ой предложилъ представить борьбу гладиаторовъ. Двое должны были раздѣться до нага, вымазаться масломъ или саломъ и вступить въ единоборство, то есть по просту бороться, до тѣхъ поръ, пока одинъ не будетъ на землѣ. Бросили между всѣми присутствующими жребій и онъ достался С—му и мнѣ. Не хотѣлось мнѣ по остатку стыдливости, снимать съ себя въ присутствіи всѣхъ рубашку, но на мнѣ ее разорвали и сдѣлали что то въ родѣ сюртука, и я принужденъ былъ снять и бороться. Конечно побѣдителемъ остался не я, такъ какъ всегда физически былъ не силенъ.

Разошлись должно быть около 7 часовъ утра. Черезъ три дня я занемогъ и пролежалъ около 2-хъ мѣсяцевъ и можетъ быть отправился-бы къ праотцамъ, ежелибъ меня не посѣтилъ не какъ медикъ, но какъ знакомый докторъ Т. В. Кудрявцевъ. Онъ не говоря долго, распорядился, чтобъ мнѣ запрягли лошадь, закричалъ: Степанъ! давай баришу одѣваться! съ помощью его одѣлъ меня, посадилъ на дрожки и велѣлъ возить полчаса по улицамъ. Я воротился домой гораздо свѣжѣе, нежели поѣхалъ и съ тѣхъ поръ мнѣ начало становится все лучше и лучше.

Какъ только я выздоровѣлъ, я принялся приводить въ исполненіе задуманный планъ, который я поставилъ себѣ

цѣлью жизни, жениться на этомъ миломъ и невинномъ созданіи, которое съ первой минуты овладѣло всѣмъ существомъ моимъ.

Въ этой единственной мысли сосредоточились всѣ мои помысленія, всѣ мои желанія, вся энергія молодости. весь пылъ стремленій; ни о чемъ болѣе не думая, ничего болѣе не желая, я предался весь побужденію изыскивать средства ее видѣть, говорить съ ней; передать ей мою любовь, мои надежды и желанія.

Видѣть ее всегда, когда мнѣ хотѣлось (а этого хотѣлось мнѣ каждую минуту) я не могъ; начальническія отношенія меня связывали. Я былъ у нихъ тогда, когда меня звалъ мой принципаль—это случалось не часто,—а между тѣмъ мое огненное воображеніе, представлявшее мнѣ, что весь міръ долженъ на нее смотрѣть также, какъ я смотрю теперь, — не давало мнѣ покоя. Мнѣ каждую минуту казалось, что вотъ сей часъ къ ней присвадывается неизмѣримо выгодный женихъ, что ее отдадутъ замужъ и что я съ моею любовію долженъ погибнуть прежде нежели она узнаетъ объ этой страстной любви, объ этомъ обоготвореніи, съ которымъ ничто доселѣ, не смотря на множество увлеченій прошедшаго, сравниться не могло. Передъ ангельской чистотой этого взгляда, передъ очарованіемъ этой невинно-свѣтлой, но нѣсколько грустной улыбки, мнѣ было тяжело и больно, мнѣ стало стыдно передъ ней за мою прошедшую жизнь; я хотѣлъ-бы загладить всю мерзость ея передъ нею моимъ обожаніемъ.

Сдѣлать ей извѣстною любовь мою сдѣлалось для меня цѣлью каждой минуты. Такъ какъ они вели чрезвычайно скромную жизнь, то встрѣчать ее часто было невозможно. Надо было дѣйствовать черезъ другихъ.

И эти оружія олицетворились для меня въ лицѣ одной молодой дамы, коротко съ ними знакомой, сестры статъ-

секретаря Позень, которая поняла и оцѣнила мои страданія. Зная скромность дѣвушки, она согласилась только передавать мнѣ, что дѣлалось у нихъ въ домѣ. Ужъ одно то, что я могъ говорить объ ней, хоть съ кѣмъ нибудь, было уже безконечнымъ утѣшеніемъ.—Я старался встрѣчать мою покровительницу чуть не каждый день. Все, что я могъ узнать отъ нея, такъ это то, что когда она старалась наводить разговоръ обо мнѣ, моя барышня говорила, что я очень милый и образованный и пожалуй даже пріятный молодой человекъ и больше ничего. Само собою разумѣется, что это меня не удовлетворяло. Я выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія и тоски. Жизнь сдѣлалась мнѣ тяжела до невозможности. Я старался попадаться моему начальнику на глаза безпрестанно, надѣясь, что авось онъ позоветъ меня къ себѣ.

Такого усердія къ службѣ, я думаю не было ни у кого въ Русской Имперіи, и это по очень простой причинѣ: его превосходительство жилъ въ одномъ домѣ съ нашимъ управленіемъ и я, идя въ присутствіе, могъ иногда видѣть въ окнѣ ея дорогую мнѣ головку.

Что мудренаго, что и его превосходительство сдѣлалось для меня предметомъ самаго страстного вниманія. Приказанія его, которыхъ впрочемъ было немного, исполнялись съ аптекарскою точностію.

Я служилъ не только службѣ,—но и ему и всѣмъ тѣмъ, къ кому онъ благоволилъ. Выше такой службы—врядъ ли можно отыскать гдѣ бы то ни было, по ея точности и ея порядку.

Дѣло шло къ іюню мѣсяцу—въ канцеляріи стали говорить, что его превосходительство беретъ отпускъ. Мой благодѣтельный чичероне въ юбкѣ сообщилъ мнѣ, что превосходительство думаетъ съѣздить посмотреть свои имѣнія въ П—й губерніи, для этого беретъ отпускъ на

2 мѣсяца. Это меня взволновало. На два мѣсяца? да это чуть не вѣчность для влюбленнаго! а тамъ, что будетъ? можетъ быть тамъ провинціалы, прельщенные столичною прелестью бросятся толпами; можетъ быть состояніе ея (хоть и небольшое впрочемъ) прельститъ ихъ; можетъ быть она сама влюбится въ кого нибудь, можетъ быть..... можетъ быть.... этимъ можетъ быть не было конца. Я выходилъ изъ себя отъ ревности, отъ бездѣйствія въ смыслѣ служенія своей страсти, отъ неопредѣленности отношеній, отъ неравенства ихъ..... отъ идеализаціи, отъ тоски наконецъ... я чувствовалъ, что настало время дѣйствовать, что не слова нужны, а дѣло—и что надо ловить минуту, пока по поводу этой минуты не скажутъ: какъ насмѣшиль..... теперь уже поздно!.. Недолго думая, руководимый единственно страстностью моей натуры, я выпросилъ себѣ паспортъ въ Петербургъ, а вмѣсто того бросился къ отцу въ Рязань въ деревню.

Отецъ мой былъ давнишній знакомый его прев—ва. Онъ зналъ покойную мать дѣвушки за ангела кротости и говорилъ, что наружностью дочь на нее похожа и вѣроятно похожа душою и сердцемъ. Онъ обрадовался моему желанію и съ удовольствіемъ написалъ письмо къ Прев—ву, напоминая прежнія отношенія.

Когда я воротился въ Москву, Пр—о въ Москвѣ уже не было—онъ уѣхалъ. Я зналъ, что онъ долженъ остановиться на время въ Нижнемъ-Новгородѣ, и не долго думая рѣшился ѣхать за нимъ. Былъ у меня пріятель, пожалуй даже болѣе чѣмъ пріятель—другъ, если нынче можно смѣлится произнести это слово, дѣйствительный alter ego,—казначей полка, безпрестанно переѣзжавшій изъ комиссаріатской комиссіи въ полкъ и обратно,—и слѣдственно имѣющій всегда въ запасъ нѣсколько бланковъ подорожныхъ по казенной надобности. Со свойственному

юности и страсти легкомыслію, я превратился въ командированнаго горнымъ правленіемъ горнаго чиновника съ порученіемъ обозрѣвать заводы въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Пензенской и помчался какъ сумасшедшій по Нижегородскому тракту. Помнится, и шоссее еще тогда не было; но мнѣ было не до этого.... я летѣлъ, сломя голову, не обращая вниманія ни на что и ни на кого; увѣряя станціонныхъ смотрителей, что порученіе мое самое экстренное; отпрыгалъ въ свою пользу лошадей, уже запряженныхъ въ экипажъ по простымъ подорожнымъ, и избитый, но любящій и страстный, домчался въ Нижний, менѣе, чѣмъ въ полторы сутки (400 верстъ). Объ Нижнемъ я не имѣлъ никакого понятія; я зналъ, что тамъ есть ярмарка, что тамъ есть Кунавинская слобода подлѣ ярмарки—и рѣшилъ, что ежели Пр—о намѣрено пробыть нѣсколько дней на ярмаркѣ, то и остановится гдѣ нибудь подлѣ ярмарки, — слѣдственно и мнѣ для передачи письма и для дальнѣйшихъ дѣйствій, надо остановиться гдѣ нибудь подлѣ ярмарки, гдѣ я могу скорѣе всего встрѣтить ту, которую такъ пламенно и такъ искренно любилъ. На послѣдней станціи я объявилъ, что мнѣ надо не въ городъ, а на ярмарку, поэтому меня повезли по луговой сторонѣ и привезли прямо въ Кунавинскую слободу. Теперь ея нѣтъ;—но тогда она существовала въ своемъ грязномъ, скажу даже болѣе, отвратительномъ величіи. Когда я спросилъ ямщика,—единственнаго челоуѣка, который могъ дать мнѣ хоть какое нибудь указаніе, онъ мнѣ объявилъ, что знаетъ мѣсто, гдѣ мнѣ можно остановиться и гдѣ мнѣ будетъ хорошо. Мнѣ все было равно, дурно-ли, хорошо-ли будетъ,—только—бы поскорѣе я увидѣлъ ее,—ту, которая составляла жизнь моей жизни. Я конечно согласился на все. Онъ привезъ меня въ домикъ, одно-этажный съ колоннами и мезониномъ,—

мнѣ сказали, что комнаты есть и отвели въ комнату съ однимъ окномъ на дворъ.

Съ моей невзыскательностію, я расположился въ ней тотчасъ, поѣлъ что мнѣ дали и готовился задать выхранку, чтобъ вознаградить себя за бессонницу ночи, проведенной на курьерской телѣгѣ. Это оказалось рѣшительно невозможнымъ. Такъ какъ это было уже около 4 или 5 часовъ вечера, и моя обитель оказалась трактиромъ, въ которомъ собираются кутить купеческіе и мѣщанскіе сынки, съ дамами извѣстнаго происхожденія, то вскорѣ тутъ поднялся такой шумъ и гвалтъ, что о снѣ нечего было и думать. Гвалтъ продолжался всю ночь, такъ что я въ 7 часовъ утра, счастливый тѣмъ, что могъ найти извозника въ такое раннее для ярмарки время, переѣхалъ тотчасъ въ городъ и остановился въ первой попавшейся мнѣ гостинницѣ, въ которой какъ ни было скверно, все таки не было такого отвратительнаго безобразія, какое я видѣлъ въ Кунавинской слободѣ.

Домъ, изъ котораго я выѣхалъ, конечно теперь не существуетъ, думаю, что на этомъ мѣстѣ стоитъ теперь дебаркадеръ или станція желѣзной дороги; тогда это была улица обстроенная деревянными одноэтажными домами, въ которыхъ ютились по преимуществу *дѣвы радости*. Извозникъ по его понятіямъ привезъ меня въ самое пріятное мѣсто. Другая причина, заставившая меня съ первой минуты примириться съ неизвѣстной мнѣ обстановкой, была та, что человекъ, снимавшій съ телѣги моей чемоданъ, прямо назвалъ меня по имени и сказалъ, что мнѣ будетъ покойно. Оказалось, что этотъ человекъ былъ крѣпостной гг. Левашовыхъ, былъ у нихъ служителемъ въ Москвѣ и слѣдственно зналъ меня тамъ. Что означало на его языкѣ „покойно“, предоставляю судить болѣе меня опытнымъ.

Переселившись съ своимъ чемоданомъ въ городъ, т. е. на другую сторону Волги, я отдохнулъ тамъ дѣйствительно послѣ бессонныхъ ночей въ телѣгѣ и ночи въ трактирѣ Кунавинской слободы. Вставши довольно поздно, часовъ въ 10,—я бросился на ярмарку, но тамъ никого еще не было; бросился въ гору въ незнакомый мнѣ городъ и тамъ, въ какихъ нибудь 200 саженьяхъ около моей гостинницы (это было часовъ около 2-хъ) увидалъ, что подъ растворенными окнами двухъ-этажнаго каменнаго дома, стоитъ четверомѣстная карета, запряженная шестеркою почтовыхъ лошадей. Карету эту я узналъ съ перваго разу: я зналъ ее въ Москвѣ.

Но прежде, нежели я узналъ карету, меня узналъ П—о, сидѣвшій подъ окномъ и знакомъ пригласилъ меня войти. Я вошелъ; обѣдъ только что кончился, П—о обѣдалъ у своего подчиненнаго,—бергъ-пробирера Д—а, обязанность котораго состояла въ томъ, что онъ, какъ высшая, пробирная власть, клалъ свое клеймо на серебряныя и золотыя издѣлія и это клеймо составляло мѣрило ихъ цѣнности. Наложить онъ клеймо: „84, Н. Д.“ и цѣлая Россія вѣрить, что это серебро 84 пробы; наложить онъ на золото 72—вся Россія вѣрить, что золото 72-й пробы и что сомнѣваться въ этомъ никто не имѣетъ права.

Николай Дубровинъ (Н. Д.), которые вы можете встрѣтить на серебряныхъ и золотыхъ издѣліяхъ того времени, командированъ былъ обыкновенно на ярмарку для наблюденія за правильностію торговли благородными металлами.

Это бывало каждый годъ и получило значеніе необходимости. Думаю, что г. Н. Д. устраивалъ тутъ свои дѣлишки съ выгодною, въ которой Е. П—о, человекъ рыцарски благородный, сомнѣвался только, но не вѣрилъ вполне (иначе отнялъ бы). Г. Дубровинъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми, кто торговалъ благородными

металлами, былъ конечно лицо значительное на ярмаркѣ, — онъ занималъ хорошую квартиру, имѣлъ хорошую кухню — и радъ былъ угостить, что говорится на славу, его пре—во, своего непосредственнаго начальника, отъ котораго вполне зависѣлъ.

Его пре—во, человекъ вполне благородный, въ денежномъ отношеніи чистый рыцарь, такъ напримѣръ. ежели онъ говорилъ: я вамъ дамъ завтра 10/т., а вы навѣрное знали, что у нѣтъ 10 копѣекъ — могли быть увѣрены, что вы получите завтра десять тысячъ. Ежели онъ былъ таковъ въ отношеніи денежныхъ дѣлъ, то далеко не таковъ былъ въ отношеніи чиновничества. Онъ былъ готовъ поставить это свое превосходительство себѣ въ заслугу, и оно свело его нѣсколько съ ума. Добрый безпредѣльно по природѣ, онъ иногда и даже пожалуй часто, любилъ дать значеніе титулу и тѣмъ, которые умѣли кстати польстить этой слабости, много выигрывали въ его глазахъ. Когда я вошелъ въ комнату, извиняясь самымъ нескладнымъ образомъ въ томъ, что вмѣсто Петербурга попалъ въ Нижній, вдругъ услышалъ слова его пр—а, сказанныя со смѣхомъ:

— Эдакъ пожалуй вы вмѣсто Петербурга въ Саранскъ на ярмарку прѣдете.

— Можетъ быть! отвѣчалъ я, торопливо стараясь по мѣрѣ силъ уловить то впечатлѣніе, какое произвело мое появленіе на особу, для которой все это дѣлалось.

Когда послѣ словъ Его П—а я взглянулъ на нее, и очень хорошо видѣлъ, что она избѣгаетъ моихъ взглядовъ; что она дѣлаетъ видъ, что пристально смотритъ на улицу и не слышитъ нашего разговора. — Не получивши отъ нее ни одного взгляда, съ твердою рѣшимостію идти до конца, невольный въ себѣ самомъ, я проводилъ ее и п—о до кареты, а самъ, чтобъ убить время, повхалъ на ярмарку.

Что я видѣлъ на ярмаркѣ не могу вамъ сказать. Ничего не помню. Слышалъ много безобразнаго ярмарочнаго шуму, и ничего больше у меня не осталось въ памяти. Но мнѣ надо было остаться нѣкоторое время въ Нижнемъ для того, чтобъ дать время его П—у доѣхать; конечно въ четверомѣстной каретѣ онъ не могъ ѣхать такъ скоро какъ ѣхалъ я на перекладной; поэтому то я и остался а одни сутки въ Нижнемъ. На другое утро, я отправился въ путь — куда, какъ, зачѣмъ, имѣю-ли на это право — я объ этомъ не думалъ. Я понималъ и чувствовалъ только одно: она тамъ, что я долженъ ѣхать. Другой мысли, другихъ соображеній, у меня не было.

Привилегія молодости, неразсуждающей передъ событіемъ и поэтому часто завоевывающей эти событія, тогда какъ со стороны, событія эти кажутся невозможными.

Почти также было и со мною. Ежелибъ я обдумалъ сколько препятствій стоитъ мнѣ на пути, я остановился-бы, я усумнился-бы въ своей силѣ и конечно потерялъ-бы все: подъ вліяніемъ страсти и этой необычайной силы, которую даетъ она, я разсуждать о препятствіяхъ и послѣдствіяхъ, былъ не въ состояніи. Мнѣ надо было идти впередъ — вотъ, что я зналъ, вотъ что я чувствовалъ, вотъ что было мнѣ необходимо, — другого я не хотѣлъ знать, да и не могъ-бы, потому что засмѣялся бы тому въ лицо, кто-бы мнѣ сказалъ, что надо обдумать, взвѣсить, обсудить.

Нельзя не сознаться, что любовь есть великая сила. Она сдвигаетъ горы, она прокладываетъ себѣ путь тамъ, гдѣ дорога для хладнокровнаго зрителя кажется невозможною.

Эти горы, эта невозможность, ежелибъ я могъ обсудить это тогда, заключались для меня въ характеръ его превосходительства. Это онъ даже высказалъ мнѣ въ пер-

вый день свадьбы, когда, заставивши меня, поздно вечеромъ, помолиться вмѣстѣ съ собою, сказалъ:

— Недумалъ я отдать за тебя дочь свою. Въ ту минуту, когда я зналъ, что никакая сила отнять у меня того, что я такъ пламенно любилъ,—не можетъ, слова эти были мнѣ оскорбительны. Я могъ бы уничтожить его на поминаніемъ, что онъ самъ такое, и что семейство мое, ведущее родъ свой со временъ Донскаго, несравненно выше его превосходительской гордости, но мысль что она, его дочь, жена моя, можетъ пострадать отъ этого—меня остановила. Я простилъ старику его неумѣстную гордость: не то было время, чтобъ доказывать, что даже съ его точки зрѣнія, гордиться надо было мнѣ, а не ему.

Однако я забѣгаю впередъ. Обращаясь къ послѣдовательному разсказу. Сидя то въ телѣгѣ, то въ какихъ то дровняхъ, такъ что ноги мои висѣли, по неимѣнію мѣста куда уложить ихъ, я вспомнилъ, что въ Саранскомъ уѣздѣ, считаемымъ мною совершенно Азією, есть у меня дядя, И. И. Карабъ—нѣ, двоюродный братъ моего отца. Этого было довольно, чтобъ остановиться на мысли отыскать дядюшку и постараться эксплуатировать его въ своемъ смыслѣ. Я зналъ, что у отца есть деревня недалеко отъ С—а, самое естественное конечно было отправиться туда, и выждать событій.

Пріѣхавъ въ городъ невзрачной наружности, я узналъ что имѣніе моего отца, находится въ 12 верстахъ отъ города и что тутъ же недалеко живетъ мой дядя. Этого мнѣ было достаточно; я отправился въ деревню, съ мыслию отыскать дядю, хоть для того только чтобъ пробыть у него нѣсколько дней, дней ожиданія.

Оказалось, что дядя жилъ именно въ той самой деревнѣ, гдѣ отецъ мой имѣлъ свое имѣніе. Домикъ его былъ не изъ затѣйливыхъ. Это былъ трехъ-оконной флигель,

покрытый тесомъ, на выѣздѣ изъ деревни, съ огородомъ, конюшнею, сараемъ и хозяиномъ, холостякомъ лѣтъ 50, добродушнѣйшимъ, но тѣмъ не менѣе, не смотря на свою бѣдную обстановку, проникнутымъ сознаніемъ своего дворянскаго достоинства, выраженного однажды мнѣ тѣмъ, что на замѣчаніе мѣстнаго предводителя, что онъ не хочетъ принять никакой общественной т. е. дворянской должности, онъ отвѣчалъ:

— Мои братья никогда и никакой должности, кромѣ должности предводителя, не принимали.

Когда я подъѣхалъ къ его подъѣзду (извините—подъѣзда не было; скромное тесовое крылечко и не на улицу, такъ что до него надо было идти нѣсколько сажень пѣшкомъ) дядюшка выскочилъ на крыльцо, не зная чему приписать появленіе молодаго человека въ горномъ мундирѣ, на ямской тройкѣ, такъ неожиданно подлѣтѣвшимъ къ его скромному жилищу. Молодой, я говорилъ хорошо; и закидалъ незнакомаго дядюшку громкими фразами: по высочайшему повелѣнію; ревизію горныхъ заводовъ и проч., такъ что мой добрый провинціалъ—дядюшка видимо смирился, съежился, а можетъ быть внутри себя торжествовалъ при мысли, что такое важное лицо его племянникъ, и что объ этомъ будутъ говорить въ уѣздѣ и слѣдственно значеніе его сильно прибавится. (Онъ былъ не изъ тутошнихъ дворянъ, а переселенецъ изъ другой губерніи).

Съ дядюшкой мы сошлись тотчасъ. Такъ какъ я имѣлъ на него свои виды, то и былъ любезенъ и внимателенъ, а пожалуй даже и почтителенъ до нельзя, дядюшка мой разнѣжился, возлюбилъ племянника, спавшаго ему чуть не съ неба, всею внезапною любовію водевильныхъ дядюшекъ и чуть ли не тутъ же посвятилъ меня во всѣ тайны своего семейнаго быта. Быть этотъ былъ незавидный;

солдатка вмѣсто подруги жизни; потомство отъ нее и огородъ, сѣмена свекловицы котораго, продавались мѣрочками по нѣскольку копѣекъ и давали дядѣ до 10 руб. сер. въ годъ, о чемъ онъ говорилъ съ гордостію. Не прошло какихъ нибудь сутокъ, импровизованный дядюшка былъ „готовъ“, т. е. таковъ, какимъ мнѣ его было нужно, и съ радостію готовъ исполнить всѣ мои повелѣнія. Я открылся ему, что никакого Высочайшаго повелѣнія у меня нѣтъ, ревизіи заводовъ тѣмъ менѣе, и что я пріѣхалъ сюда по такому то дѣлу, — и прошу его въ этомъ содѣйствія. Быть повѣреннымъ въ любовныхъ тайнахъ, а можетъ быть и дѣйствователемъ, привело дядюшку чуть не въ восторгъ. Онъ обѣщался дѣлать все, что я только не найду нужнымъ.

Порученіе мое дядюшкѣ было не изъ хитрыхъ. Все оно состояло въ томъ чтобъ отдать письмо моего отца, его превосходительству; письмо, въ которомъ онъ просилъ для меня руки ег. дочери, вспоминая прежнія отношенія. Для дядюшки это тѣмъ болѣе было удобно, что часть имѣнія, въ которое пріѣхалъ его превосходительство принадлежало гг. Наумовымъ и находилось, по случаю ихъ бездѣтной смерти, въ опеку, и дядюшка былъ опекуномъ. Слѣдственно предлогъ былъ какъ нельзя болѣе законный. Дядюшка пріѣхалъ въ опекаемое имѣніе, узналъ, что сосѣдъ по этому имѣнію пріѣхалъ изъ столицы и явился засвидѣтельствовать его превосходительству свое нижайшее почтеніе и познакомиться съ нимъ во имя общей пользы, такъ какъ общая дача еще неразмежевана, а указъ о специальномъ размежеваніи уже состоялся.

Дядюшка, какъ лягушка, раздулся отъ такого порученія. Мысль быть такимъ важнымъ лицомъ и въ отношеніи сердечныхъ отношеній племянника и въ отношеніи

переговора съ П—мъ изъ столицы, льстило его, какъ нельзя болѣе. Выдвинули изъ сарая четверомѣстную коляску страшной высоты, увидѣвшую свѣтъ вѣроятно за полстолѣтія тому назадъ и дремавшую въ пыли и паутинѣ со времени переѣзда дядюшки изъ другой губерніи въ эту; кучеръ, онъ же и садовникъ, получилъ приказаніе осмотрѣть, вычистить, приладить хомуты на шестерню (коляску иначе какъ въ шесть лошадей везти было невозможно, такъ какъ она была высока, длинна и огромна) озаботились его костюмомъ, тоже бывшимъ въ забвеніи много лѣтъ; наконецъ самъ дядюшка вытащилъ изъ подъ спуда синій фракъ съ свѣтлыми пуговицами, вѣроятно фигурировавшій когда-то, когда владѣлецъ его въ былое время видѣлъ своихъ братьевъ только предводителями; засѣлъ въ свой чуть недопотопный экипажъ и отправился, напутствуемый моими благословеніями прежде всего, а потомъ и благословеніями его домашнихъ, незнающихъ чему приписать его неожиданную важность и столь внезапное рѣшеніе.

Три замѣтныхъ личности.

Въ двадцатыхъ, а отчасти и въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, жили въ Москвѣ три личности, не говорю знаменитыхъ, но до того не похожія на другихъ, по своей дѣятельности, образу жизни или привычкамъ, что ихъ невозможно было не замѣтить, тѣмъ болѣе, что они представляли такую особенность русской жизни, какую въ Европѣ встрѣтить или вовсе невозможно,—или по крайней мѣрѣ встрѣтить можно очень рѣдко.

Личности эти: шутъ Иванъ Савельевичъ Сальниковъ; духовный полицеймейстеръ Даможировъ и помѣщикъ и домовладѣлецъ въ Москвѣ, Иванъ Александровичъ Левашовъ.

Иванъ Савельевичъ былъ послѣднимъ могоканомъ или представителемъ того поколѣнія шутовъ, которые составляли почти необходимую принадлежность всякаго богатого барскаго дома или даже двора, въ старину. Когда я его видалъ, это былъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, державшійся, впрочемъ, прямо и ходившій въ чемъ-нибудь особенномъ, но далеко не шутовскомъ нарядѣ. Чаше всего я его встрѣчалъ въ бѣломъ суконномъ сюртукѣ съ висячимъ воротничкомъ, по тогдашней модѣ,—и чрезвы-

чайно длинныхъ панталонахъ, лилового или сѣраго цвѣта, которые большими сборками доходили до полу, представляя его чѣмъ-то въ родѣ мохнатого пѣтуха. Лѣтомъ я его встрѣчалъ въ черной пуховой шляпѣ съ большими полями и очень узкой тульей вверху, въ родѣ тѣхъ, какіе носили во Франціи во время большой революціи 1793 года, а съ этой шляпы висѣлъ большой пукъ, развивающихся по вѣтру, разноцвѣтныхъ атласныхъ лентъ. Онъ былъ принятъ во всѣхъ самыхъ аристократическихъ домахъ Москвы и ему позволялось многое, о чемъ, конечно, теперь даже никто и думать бы не осмѣлился, и что, конечно, привело бы въ изумленіе всякаго непосвященнаго. Иногда у него были такія сальныя, даже и для тогдашняго времени, выходки, что теперь, когда мода на эти шутки прошла, теперь даже и повѣрить трудно, что ихъ допускали въ порядочномъ домѣ. Даже такая высоко нравственная, хорошо образованная, безусловно строгая къ себѣ и другимъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, всѣми исполнѣ и достойно уважаемая дама, какъ княгиня Татьяна Васильевна Голицына, супруга генераль-губернатора Дмитрія Владиміровича Голицына, не могла отрѣшиться отъ вліянія времени и обычаевъ, допускала съ собою такое обращеніе и не только тогда, когда кромѣ домашнихъ никого не было, но и даже при постороннихъ, позволяя себя называть просто Таничкой. Рассказывали мнѣ, что однажды, когда у князя были гости и княгиня играла въ карты, а Иванъ Савельевичъ расхаживалъ по гостиннымъ, онъ вдругъ подошелъ къ ней, заглянулъ ей въ карты и сказалъ: „Ахъ Таничка, ma chère, какая къ тебѣ игра-то припендерила!“ Слово: ma chère была его обыкновенная поговорка, съ которой онъ обращался ко всѣмъ дамамъ и дѣвицамъ, называя этихъ послѣднихъ не по фамиліямъ, а по уменьшеннымъ име-

намъ. Такъ одной дѣвицѣ, очень знатной фамиліи, которая была извѣстна, какъ хорошая піанистка, онъ тоже въ большомъ обществѣ сказалъ:

— Машинька, ма снѣге, поди сыграй на фортепихальцахъ-то!

Постояннымъ же предметомъ, и иногда даже очень неумѣстныхъ его насмѣшекъ, были сенаторы. Онъ говорилъ: какъ только въ Петербургъ заведется дуракъ, его шлютъ тотчасъ въ Москву сенаторомъ. Надо сознаться, что иногда дѣйствительно бѣдные сенаторы доставляли достаточный матеріалъ для шутокъ.

Какъ извѣстно, въ старый сенатъ назначались, почти всегда, люди старые, долго послужившіе, ветхіе до того, что ихъ даже можно было назвать развалинами.

Пишущій эти строки, самъ въ 1829 году служилъ въ сенатѣ и можетъ многое разсказать объ этихъ, впрочемъ, достойныхъ всякаго уваженія старикахъ, которыхъ призвали судить иногда очень сложные дѣла, тогда какъ имъ нуженъ былъ покой и отдыхъ: ибо большая часть изъ нихъ потеряли и слухъ, и память. Такъ одинъ изъ нихъ, еще первоприсутствующій, общавшій утромъ того дня, когда должно было докладываться дѣло, одному моему знакомому Н. П. Ш., обратить на его дѣло особое вниманіе, по давнишнему знакомству, и даже взявшій, для памяти, докладную записку, не только все забылъ или не слышалъ во время доклада, — но вновь подтвердилъ свое обещаніе — когда дѣло было уже доложено и проиграно.

Вотъ какъ это произошло:

Ш. сталъ ему говорить объ этомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ поступленія дѣла въ сенатъ, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ и подалъ ему докладную записку. Такъ какъ онъ былъ съ нимъ знакомъ домами и встрѣчалъ его часто, то онъ

и напоминалъ ему время отъ времени объ этомъ дѣлѣ и чтобы старикъ не забывалъ, подалъ ему въ продолженіи этого времени 6 или 7 докладныхъ записокъ. Старикъ всякій разъ увѣрялъ его, что дѣло его правое, такъ какъ онъ увѣренъ, что Ш—ъ и не затѣетъ неправаго дѣла и что онъ всѣ силы употребитъ, чтобы рѣшить дѣло въ его пользу.

Въ день, назначенный для доклада, Ш—ъ, все-таки не очень довѣряя памяти своего старика, самъ побѣхалъ въ сенатъ, какъ для того, чтобы напомнить еще разъ, да кстати и узнать чѣмъ дѣло рѣшено, и когда онъ вошелъ въ оберъ-секретарскую комнату, предшествующую присутствію, то увидѣлъ выходящаго изъ стеклянной двери сенаторской оберъ-секретаря, который, на вопросъ его, грустно отвѣчалъ, что дѣло его проиграно, что сенаторы, не исключая и первоприсутствующаго, всѣ были на сторонѣ его противника, и что онъ, какъ докладчикъ, сколько ни старался убѣдить ихъ, что они ошибаются, не могъ ничего сдѣлать.

Въ самый разгаръ этого разговора вышелъ изъ сенаторской нашъ первоприсутствующій, и когда Ш—ъ сталъ укорять его, что онъ забылъ о данномъ обещаніи помочь ему, старикъ, нисколько не смущаясь, самымъ одобряющимъ и успокоивающимъ образомъ сталъ увѣрять Ш—а, что онъ можетъ быть совершенно покоенъ; что онъ хорошо помнитъ о его дѣлѣ, и когда дѣло будетъ докладываться, всѣ силы употребитъ, чтобы помочь ему.

— Да оно уже доложено, ваше высокопревосходительство! вскричалъ ошеломленный незадачею Ш—ъ.

— Какъ доложено? это быть не можетъ! Я не слыхалъ его! отвѣчалъ озадаченный первоприсутствующій. И только свидѣтельство оберъ-секретаря могло убѣдить его, что дѣло доложено и проиграно.

Другой, въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, пять, шесть дней въ недѣлю постоянно ошибался дверью и вмѣсто того, чтобъ повернуть изъ передней на лѣво въ секретарскую и затѣмъ въ сенаторскую, повертывалъ на право въ канцелярію. Дойдетъ бывало до середины комнаты, оглядится, плюнетъ, а затѣмъ поплетется назадъ. А какіе казусы происходили по пятницамъ въ общемъ собраніи — и рассказывать грустно. Бывало чиновники канцеляріи общаго собранія зовутъ къ себѣ знакомыхъ изъ департаментовъ смотрѣть на потѣху, тѣмъ болѣе, что въ старомъ сенатѣ изъ канцеляріи въ секретарскую и изъ секретарской въ сенаторскую или присутствіе были стеклянные двери и, слѣдовательно, было можно изъ канцеляріи не только видѣть, но даже слышать все, что происходило въ присутствіи. Но я бы не кончилъ, еслибъ захотѣлъ рассказывать всѣ анекдоты, которые ходили въ городѣ объ этихъ несчастныхъ старикахъ, виноватыхъ только тѣмъ, что, потерявъ на службѣ отечеству и здоровье, и способности, они снова были призваны на такое дѣло, къ которому они не готовились и которое они приняли, чтобъ не умереть на старости съ голоду.

Что продѣлывали оберъ-секретари съ этими стариками, даже обидно было видѣть. Да и между собой они ссорились иногда такъ забавно, что невозможно было бы иногда воздержаться отъ смѣха, еслибы не было такъ грустно при мысли, что отъ этихъ когда-то дѣятельныхъ, способныхъ и вполне, полезныхъ людей, впавшихъ теперь въ младенчество, зависить судьба не только достоянія, но и чести и добраго имени людей, имѣвшихъ несчастіе судиться въ сенатѣ. Большимъ счастьемъ для тяжущихся или подсудимыхъ было если оберъ-прокуроръ занимался дѣломъ какъ надо. А то были такіе оберъ-прокуроры,

что пропускали опредѣленія къ исполненію два раза въ годъ, разомъ по нѣскольку сотъ и болѣе, къ первому іюню и къ первому январю, что и было причиною, что дѣла тянулись по нѣскольку лѣтъ и бѣдные подсудимые сидѣли годы въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія.

Я, напримѣръ, знаю одно дѣло, ожидавшее рѣшенія въ сенатѣ девять лѣтъ. Хорошо, что подсудимые по этому дѣлу, увѣренные, что ихъ ожидаетъ Сибирь, не очень желали скорѣйшаго окончанія.

А какія были рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ, право, ихъ, по пословицѣ: не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ. Знаю одно такое, потому что бывши уѣзднымъ судьей и мнѣ пришлось приводить его въ исполненіе. Дѣло это было о землѣ между Гавриловымъ и Жулебинимъ, принадлежность которой обѣ стороны доказывали крѣпостными актами. Дѣло производилось много лѣтъ, три раза доходило до сената и три раза было обращено въ нижнюю инстанцію для дополненія. Это было уже въ четвертый разъ, что оно дошло до сената.

Вотъ это знаменитое рѣшеніе.

„По вопросу о томъ: кому должна принадлежать спорная земля: Гаврилову или Жулебину и обращаясь къ узаконеніямъ, сенатъ находитъ, что недавно послѣдовалъ за конъ о специальномъ размежеваніи, а потому опредѣляетъ: предписать, кому слѣдуетъ, велѣть кому нужно, разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній. Гражданская палата, въ которую послѣдовалъ такой указъ сената, навела на справку, что дѣло производилось въ такомъ-то уѣздномъ судѣ и приказала этому суду въ точности исполнить указъ сената.

Послѣ того, что сказано выше, всякій пойметъ, что лица, рѣшавшія дѣла, были не сенаторы, а оберъ-секретари, особливо если они умѣли сколько-нибудь гово

рить и были любимы стариками. Да и гдѣ же была у стариковъ какая возможность просматривать дѣла стараго производства? Чтобы не потеряться въ этомъ морѣ бумагъ, надо было имѣть крѣпкую, да и крѣпкую голову; для образчика приведу примѣръ.

Когда я опредѣлился въ сенатъ въ 1827 году, я засталъ тамъ цѣлое отдѣленіе, состоящее изъ оберъ-секретаря, столоначальниковъ и писцовъ, всего человекъ пятнадцать, образованное для одного дѣла. Отдѣленіе это существовало года два или три и занималось составленіемъ записки изъ дѣла. Дѣло это, такъ называемое Лисичкинское, состояло изъ трехсотъ шестидесяти пяти тысячъ листовъ, а краткая записка, изъ него составленная, заключала 10,000 листовъ.

Кончилось ли дѣло это, начавшееся по допосу Лисичкина о злоупотребленіяхъ по питейнымъ, откупамъ, и чѣмъ оно кончилось—не знаю. Слышалъ только, что оно отправлено было въ Петербургъ и на пути пропало безслѣдно, кажется, сторбло вмѣстѣ съ постояннымъ дворомъ, въ которомъ остановились подводы, его везшія.

Такое исчезновеніе дѣлъ во время пути было въ тогдѣшнее время не рѣдкость: я знаю еще одинъ случай, въ которомъ обозъ съ чаемъ, шедшій изъ Москвы въ Рязань, на пути въ Зарайскомъ уѣздѣ пропалъ безъ вѣсти, вмѣстѣ съ везшими его людьми и лошадьми. Сколько не было слѣдствій, всѣ онѣ кончились ни чѣмъ.

Не всѣ, впрочемъ, сенаторы были старые и ветхіе; были, даже и такіе, которые при всѣхъ многочисленныхъ занятіяхъ своихъ не отказывались отъ служенія музамъ, какъ говорилось въ старину. Мнѣ случайно досталось одно стихотвореніе, написанное, если не ошибаюсь, первоприсутствующимъ въ одномъ изъ гражданскихъ департаментовъ сената, П. И. О—мъ, и обращенное къ его

товарищу—другому сенатору Б—у, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и председателемъ комиссіи строеній въ Москвѣ, что нынѣ называется строительное отдѣленіе при губернскомъ правленіи или думѣ.

Вотъ это стихотвореніе:

Сенаторъ и совѣтникъ тайный,
Строеній главный президентъ,
Тебѣ готовъ поставить монументъ,
Когда поможешь мнѣ въ бѣдѣ моей ты крайней.
По Божіей милости, по царской власти,
Имѣю домъ въ Москвѣ, Арбатской части;
Хочу построить я конюшню и чуланъ,
Не прикажи меня томить,
И выдай поскорѣ планъ.

Вспоминая все это, вполне должно смотрѣть на судебную реформу, уничтожившую старые суды, какъ на истинное благодѣяніе. Оберъ-секретари, истинные рѣшители дѣлъ, наживали огромные деньги. Одинъ изъ такихъ, бывший оберъ-секретаремъ въ одномъ изъ гражданскихъ департаментовъ московскаго сената, У—въ, сватался за мою родственницу и въ числѣ выгодъ, доставляемыхъ его сватовствомъ, не таясь говорилъ, что оберъ-секретарь получаетъ не менѣе 25 тысячъ (асс.) дохода въ годъ.

А въ уголовномъ процессѣ—были другіе фортелы. Уже не говорю о томъ, что при неимѣніи не только свода, но даже простаго собранія законовъ, уголовныя палаты приводили въ своихъ рѣшеніяхъ такіе законы, которые никогда издаваемы не были; особенно отличалась въ этомъ случаѣ рязанская палата. Она наставитъ столько указовъ, что надо только дивиться ея изобрѣтательности; — мало этого: приводить самый текстъ указа, котораго никогда не существовало—и приходится вѣрить ей на-слово, потому что повѣрить справедливость ея узаконеній или изоб-

личить ее во дни, — нечѣмъ. Существовалъ, кажется, только одинъ указатель, помнится Горюшкина, но и тотъ былъ такъ несовершененъ, такъ не полонъ—что имъ руководствоваться было нельзя. Высочайшіе указы, по полученіи, подшивались одинъ подъ другой и изъ этого къ концу года составлялась книжища страшной толщины, въ которой, чтобъ отыскать что нибудь, надо было перелистывать всю книжищу отъ перваго листа до послѣдняго. А какъ такихъ книжищъ, чтобъ найти что нибудь, надо было пересмотрѣть цѣлые десятки,—то право откажешься отъ всякой повѣрки, махнешь рукой и скажешь: вѣроятно вѣрно, ежели написано.

Не могу воздержаться, чтобъ не рассказать одного случая, который произошелъ въ томъ столѣ, въ которомъ я сидѣлъ для засѣданій.

Поступило изъ рязанской уголовной палаты дѣло о за-сѣченномъ помѣщикомъ С—мъ своемъ дворовомъ человѣкѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что этого несчастнаго съкли по приказанію Стерлигова, баринъ вскочилъ ему съ сапогами на спину во время сѣченія, и топталъ его каблуками, отъ чего тотъ и умеръ. Когда дѣло поступило,—я его видѣлъ, — оно состояло по крайней мѣрѣ изъ 120 или 150 листовъ. Вмѣстѣ съ дѣломъ пріѣхалъ въ Москву сынъ С—а, конно-піонеръ, въ черной шапочкѣ, потому что вслѣдствіе удара саблей, голова у него была трепанирована. Пріѣхавши, онъ разумѣется поведенъ и съ столоначальникомъ, и секретаремъ. Вслѣдствіе этого свиданія столоначальникъ на другой день объявилъ намъ, его помощникамъ, что онъ чувствуетъ себя что-то нездоровымъ и чтобъ не лежать дома даромъ, возьметъ С—говское дѣло съ собою на домъ, размѣтитъ его для написанія записки изъ дѣла и пришлетъ завтра, а меня какъ старшаго помощника, просилъ распорядиться раздѣлнть

дѣло по рукамъ и писать скорѣе. Когда на другой день онъ выслалъ дѣло—я увидалъ, что оно страшно похудѣло: изъ 120 или 150 листовъ въ немъ осталось не болѣе 75 или 80. Да и не мудрено: всѣ показанія свидѣтелей, обвиняющихъ С—а, были изъ дѣла вырѣзаны и вслѣдствіе этого С—ъ, конечно, былъ оправданъ и рѣшеніе уголовной палаты, которое, помнится, обвиняло его—было Сенатомъ отмѣнено,—и къ концу года для того, чтобъ въ годовомъ отчетѣ значилось менѣе нерѣшенныхъ дѣлъ, такъ какъ написать опредѣленія по всѣмъ рѣшеннымъ дѣламъ было некогда, писались одинъ только верхній листъ, да послѣдній, который должны были подписать сенаторы, по карандашу,—въ средину же вкладывали бѣлую бумагу,—иногда полстопы, и старички подписывали, не подозревая какъ грубо ихъ обманываютъ.

Возвращаюсь къ шуту Савельичу.

Иванъ Савельевичъ, какъ говорили тогда, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ, кажется, князя Г—а; былъ отпущенъ на волю, и пріобрѣлъ состояніе или отъ своего помѣщика или отъ другаго, одной съ нимъ фамиліи, слѣдующимъ очень оригинальнымъ образомъ.

Побился онъ объ закладъ на двухъ-этажный каменный домъ, что заднимъ проходомъ, произведетъ извѣстный звукъ сто разъ сряду. Какъ ни казалось это странно, но тѣмъ неменѣе справедливо, что онъ честно выигралъ пари и получилъ домъ, который и оставилъ въ наслѣдство своему сыну. Сына этого я зналъ пробирнымъ ученикомъ, когда служилъ въ горномъ правленіи.

Даможировъ назывался духовнымъ полиціймейстеромъ, потому что постоянно присутствовалъ при всѣхъ архіерейскихъ служеніяхъ и въ соборѣ распоряжался всѣмъ, какъ у себя дома; даже разводилъ по мѣстамъ тѣхъ изъ духовенства, которые не знали гдѣ стоять въ

известны минуты богослужения. Ужъ о молящихся и говорить нечего! Онъ нисколько не затруднялся толкать ихъ и иногда очень нецеремонно, особливо когда надо было очистить дорогу для митрополита или служащаго архіерея, во время крестныхъ ходовъ. Надо думать, что онъ когда-то служилъ въ военной службѣ, потому что держался прямо и носилъ что-то въ родѣ казакина, голубаго цвѣта, свѣрые рейтузы и саблю на боку, а назади болталась у него напудренная коса съ бантикомъ изъ черной ленты. Былъ ли это мундиръ его прежняго служенія или самимъ сочиненный фантастическій костюмъ, этого не могу сказать.

Шагалъ онъ и распоряжался такъ увѣренно, что никому, какъ видно даже, и въ голову не приходило сомнѣваться въ его правѣ. Въ соборѣ или въ приходахъ, гдѣ служилъ митрополитъ, онъ хозяйничалъ какъ у себя дома, и всѣ: и духовенство и молящіеся подчинялись его распоряженіямъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока или пятидесяти, не болѣе. Даже городская полиція какъ будто признавала его авторитетъ: ибо не было слышно, чтобы она когда нибудь вошла съ нимъ въ пререканіе относительно требуемаго имъ порядка. Что касается до духовенства, тѣмъ болѣе новички, такъ тѣ просто обращались къ нему за указаніями, что и какъ дѣлать, особливо когда собирались въ процессію, во время которой онъ шелъ всегда впереди, раздвигая народъ, чтобы онъ не могъ загородить процессіи дорогу или затруднить ея шествіа.

Левашевъ Иванъ Александровичъ, былъ, какъ сказано, помѣщикъ, владѣлецъ двухъ тысячъ душъ и дома въ Москвѣ, въ переулкѣ, на Воздвиженкѣ. Его считали богатымъ человѣкомъ, потому что у него раза два или три въ зиму бывали балы, на которые собиралось большое количество московскаго общества и попасть туда

считалось даже почетнымъ. Это былъ худошавый старичокъ, очень образованный, чрезвычайно приличный, весьма пріятливый и любезный, котораго знали всѣ, болѣе всего по его странной привычкѣ спать вездѣ, только не дома: на балахъ, маскарадахъ, простыхъ вечерахъ, даже въ театрѣ; встрѣтить его можно было всюду и непремѣнно спящимъ. Говорили, что въ молодости онъ былъ въ Парижѣ, и тамъ знаменитая Ленорманъ предсказала ему, что онъ умретъ въ постелѣ. Поэтому-то онъ и не ложился никогда въ постель, а вмѣсто этого старался быть всегда на народѣ и спать не въ постелѣ, а гдѣ нибудь сидѣ въ креслахъ. Понятно, онъ могъ бы спать, сидѣ въ креслахъ, и дома, но вѣроятно онъ боялся смерти и старался быть всегда на людяхъ и вѣроятно по ночамъ онъ не спалъ вовсе.

Я зналъ еще одного такого господина Г. В. Т—а, который не спалъ всю ночь, а ложился только тогда, когда всѣ встаютъ. Чтобы не дремать ночью, онъ держалъ у себя въ спальнѣ кого нибудь изъ прислугъ своихъ крѣпостныхъ, и они должны были стоять передъ нимъ всю ночь на ногахъ: такъ какъ передъ баринѣмъ сидѣть неприлично. Это правда, что онъ ихъ мѣнялъ, призывая по очереди, то одного, то другаго только, бы не оставаться одному. Разсказывали, что онъ дѣлалъ это отъ страха, а причиною этого страха была кровавая исторія, въ которой онъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, принималъ участіе: Разсказывали что отецъ его былъ убитъ своею женою въ сообществѣ съ французомъ, учителемъ, съ которымъ она была въ нѣжныхъ отношеніяхъ, такъ что впоследствии вышла за него замужъ. Это случилось тогда, когда дѣти были еще молоды; когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошенному вотчину тѣмъ же, т. е. отправили его въ Елисейскіе. Правда ли это—

не знаю, знаю только, что всѣ четыре брата, участвовавшіе въ событіи, были какіе-то странные, лбызались другъ съ другомъ самымъ пѣжнымъ образомъ, цѣловали даже другъ у друга руки или въ плечико, а между тѣмъ постоянно судились, такъ что даже не могли раздѣлиться. Когда я былъ уѣзднымъ судьей, они предлагали мнѣ двѣсти пятьдесятъ десятинъ отличной черноземной земли, или двадцать пять тысячъ рублей денегъ, только бы я раздѣлилъ ихъ. Они не могли между собою сговориться даже въ самыхъ мелочахъ. Не утверждаю справедливости этого, хотя и говорили мнѣ за вѣрное, что деревянный двухъ-этажный отцовскій домъ они распилили на трое, такъ какъ не могли устроиться такъ, чтобы онъ достался въ однѣ руки. Даже дѣти старшаго, о которомъ я началъ говорить, были какіе-то странные. Одинъ, уже женатый, живя въ деревнѣ, вмѣсто занятія приказывалъ зашивать себя въ медвѣжью шкуру и на четверенькахъ ходилъ по двору. Дворныя собаки, разумѣется, бросались на него и рвали сколько могли, и это доставляло ему удовольствіе. Съ женой, на которой онъ женился по любви, влюбившись въ нее въ театрѣ, гдѣ онъ, видѣвши ее только одинъ разъ, отправился со сватовствомъ, онъ ссорился двадцать разъ на дню и двадцать разъ мирился. И это не дома только, но и въ гостяхъ, дѣлавшихся такимъ образомъ невольными свидѣтелями его семейной жизни, потому что ссоры, происходившія большею частію отъ его ревности къ кому только можно, сопровождались или приличными упреками, или приличными лбызаніями съ испрашиваніемъ на колѣняхъ прощенія и всякою подобною обстановкою, иногда до такой степени притворною, что дѣлалось гадко. Батюшка его имѣлъ множество тяжбъ—кромѣ братьевъ, еще и съ сосѣдями, а потому постоянно леталъ въ Петербургскій Сенатъ,

гдѣ дѣла эти производились. Все это было далеко прежде устройства желѣзныхъ дорогъ, что и давало ему поводъ говорить, что онъ живетъ не въ домѣ, а въ кибиткѣ, такъ какъ въ этихъ повзкахъ онъ проводилъ большую половину года.

Имѣлъ онъ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ въ двухъ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ Россіи.

— Приѣду бывало въ деревню,—говорилъ онъ,—и выську старосту.

— За что вы его высьчете,—спрашиваю его,—неужели всякій изъ нихъ непременно виноватъ въ чемъ нибудь?

— Ну, на этотъ разъ можетъ быть и не виноватъ, но ужъ навѣрно мошенничалъ въ мое отсутствіе. Пусть зачтетъ это на будущее время.

Кромѣ странности не спать по ночамъ дома, а спать днемъ всюду, гдѣ попало, у Левашева была еще другая странность: ѣздить по всѣмъ похоронамъ, какіе случалось только ему узнавать: богатые ли, бѣдные—это все равно. Онъ входилъ въ церковь, стоялъ при отпѣваніи, шелъ затѣмъ въ домъ покойнаго, отвѣдывалъ кутьи и потомъ провожалъ покойника до послѣдняго жилища. Я сказалъ выше, что Иванъ Александровичъ не разбиралъ кто былъ покойникъ: былъ ли это какой нибудь мастеровой или аристократъ; ему все равно, онъ провожалъ людей, которыхъ не только никогда не зналъ, но о которыхъ никогда даже не слыхивалъ. Для чего онъ это дѣлалъ, это была его тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Было ли это постоянное *memento mori*, чтобы поддерживать въ себѣ христіанское смиреніе, или другое что—не знаю; не могло же ему въ самомъ дѣлѣ нравиться плачь и вопли надъ покойникомъ, и это каждодневно. Значитъ, была другая какая нибудь побудитель-

ная внутренняя причина, которая осталась неизвѣстной.

Многіе думали, и это всего вѣроятнѣе, что присутствіе на похоронахъ было новымъ средствомъ помогать бѣднымъ и именно въ такія минуты, когда помощь всего необходимѣе—такъ какъ при тѣсномъ помѣщеніи у мастеровыхъ держать мертваго негдѣ, а похоронить не на что.

Совѣтъ весьма полезный для тѣхъ, кто хочетъ быть покоенъ въ своей собственной комнатѣ.

Къ бичамъ человечества, каковы были Чинъ-гизъ-ханы и Аттилы, а также мухи, комары, москитосы, клопы и блохи, надо причислить и уборщицъ комнатъ. Этотъ новый родъ бичей, (большею частію женскаго рода) подъ видомъ уборки, врываясь въ вашу комнату, приводить ее въ такой первобытный хаосъ, въ какомъ находился нашъ міръ, когда, по словамъ книги „Бытія“ Духъ Божій носился сверху бездны.

Оставивши вчера вашу комнату въ томъ порядкѣ, при которомъ вы всегда могли найти въ ней все, что вамъ было надобно, въ ту же минуту, вы, воротившись въ нее на другой день, послѣ посѣщенія этой мучительницы, не находите ничего на своемъ мѣстѣ, коробка спичекъ, лежавшая на вашемъ письменномъ столѣ, улетучилась неизвѣстно куда; свѣча, стоявшая тутъ тоже на столѣ подлѣ коробки, перелетѣла неизвѣстно зачѣмъ на окно, гдѣ за занавѣсками ее и видѣть нельзя; туфли, всегда смирихонько стоявшія или лежавшія у кровати, очутились въ передней, въ компаніи колошъ и сапогъ, а халатъ, постоянно висѣвшій около кровати такъ, что вамъ,

даже не вставая съ нея, можно было достать его рукою, вдругъ увидалъ себя въ сообществѣ сюртуковъ и панталонъ гдѣ-нибудь въ плательномъ шкапу или на стѣнкѣ, гдѣ только одинъ красный его воротникъ изобличаетъ его присутствіе и даетъ возможность его найти. О бумагахъ на вашемъ письменномъ столѣ ужъ говорить нечего: адресъ вашего пріятеля, записанный вами не далѣе, какъ вчера на отдѣльной бумажкѣ для того, чтобъ не рыться въ кипѣ писемъ, изъ которыхъ онъ выписанъ и оставленъ на столѣ въ виду предстоящаго вамъ отвѣта пріятелю, подъ видомъ уборки стола, сметенъ съ него, а затѣмъ вмѣстѣ съ другимъ соромъ выметенъ изъ комнаты и выброшенъ въ помойную яму; другія же бумаги, тоже подъ видомъ уборки, перепутаны такъ, что вамъ, чтобъ привести ихъ въ порядокъ и отыскать то, что нужно, надо употребить по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Надобно еще считать особымъ счастьемъ, если онъ всѣ останутся цѣлы, а то еще бываетъ и такъ, что бумагу, которой вы очень дорожите и которую замѣнить невозможно, находите въ ретирадномъ мѣстѣ въ числѣ такъ называемыхъ салфеточекъ, изорванную конечно на нѣсколько частей.

Особеннымъ наказаніемъ Божиимъ надобно считать, если ваша жена или женщина, занимающаяся въ домѣ вашимъ хозяйствомъ не одержима демономъ чистоты и опрятности,—тутъ ужъ вамъ нѣтъ рѣшительно покоя. Вы пришли, напримѣръ, съ улицы мокрые отъ пота и думая, войдя въ свою комнату, замѣнить мокрую крахмаленную сорочку ночною сорочкой, лежавшею у васъ постоянно подъ подушкой, бросаетесь къ этой подушкѣ, сбрасываете ее торопливо съ постели и, о ужасъ, лежавшую тамъ признали грязной и отдали въ мытье, и вы по необходимости должны или гулять въ мокрой сорочкѣ, пока, послѣ продолжительнаго крика и брани, вамъ подадутъ

наконецъ чистую сорочку, или ходить просто голому безъ сорочки, пока тѣло не обсохнетъ само собою. Ну чего бы кажется проще, взявши грязную сорочку, замѣнить ее чистой;—нѣтъ этого нельзя, потому что еще не пришелъ тотъ день, въ который выдается вамъ ночная сорочка, кальсоны и носки,—день, въ который это торжественно извлекается изъ тайниковъ и нѣдръ комода, ключъ отъ котораго прячется отъ васъ съ величайшей тайной для того, чтобъ вы, чего Боже сохрани, не вздумали пойти въ комодъ сами и не нарушили порядка, взявши сорочку № 12, когда какъ вамъ слѣдовало получить № 9-й.

Въ тѣ дни вседомашняго бѣдствія, которое на обыкновенно человеческомъ языкѣ называется мытьемъ половъ, вамъ не остается ничего болѣе какъ бѣжать изъ дому, бѣжать безъ оглядки и скрываться гдѣ-нибудь въ трактирахъ или другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, въ продолженіи трехъ дней, непременно трехъ,—первые два дня потому, что полы еще сыры, и на нихъ стоятъ лужи, а въ третій потому, что при входѣ въ комнату васъ обдаетъ такой вонью сырости и гнили, что голова разболится неминуемо.

Сколько бы вы не старались устранить отъ себя это бѣдствіе, старанія ваши будутъ безуспѣшны, уху женщины въ этомъ случаѣ неумолимо, какъ Немезида; всѣ ваши просьбы, убѣжденія, мольбы останутся тщетными; сколько бы вы не представляли, что отъ частаго мытья гниетъ накатъ подъ поломъ и что, когда онъ сгниетъ, въ комнатахъ сдѣлается нестерпимый холодъ, женщина вамъ отвѣчаетъ одно: „не мыть половъ нельзя“.

Не думайте однако, чтобъ полы были такъ грязны, что ихъ нельзя было не мыть—нисколько; это происходитъ отъ маніи прирожденной женщинѣ, — мыть чтобы то ни было. Сперва она моетъ свои воротнички и рукавички,

какъ это дѣлала даже сама Великая Екатерина, ¹⁾ у которой, кажется, было кому мыть, потомъ принимается за платки, чулки и прочее, а за тѣмъ, когда ужъ своего ничего не остается мыть, принимается за ваше бѣлье, а когда и тутъ ничего нѣтъ, то велить мыть полы, чтобъ доставить себѣ по крайней мѣрѣ удовольствіе видѣть какъ моють хоть что нибудь.

А когда вы будете протестовать, доказывая, что мытье половъ и необходимая при этомъ перестановка мебели нарушаетъ всѣ ваши привычки, что послѣ мытья вы въ вашей собственной комнатѣ дѣлаетесь чужимъ, что вы входите въ нее, какъ въ незнакомый лѣсъ, вамъ отвѣчаютъ, что вы неряха, что вы любите сидѣть въ грязи и тому подобными милыми изреченіями, и мытье продолжается по прежнему къ вашей вѣщающей досадѣ.

А потому мой полезный совѣтъ,—запирайте вашу комнату на ключъ какъ можно тщательнѣе и какъ можно еще тщательнѣе храните его при себѣ, потому что женщина въ состояніи украсть его у васъ и, вопреки вашему желанію, поставить все вверхъ дномъ въ вашей комнатѣ во имя этой чистоты и опрятности, отъ которой сохрани Богъ и меня, и васъ, мой любезный читатель.

¹⁾ Мировичъ (Вестникъ Европы).

ПРОЛОГЪ.

«ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ЛѢСЪ. Направо дерновая скамья; налѣво утѣсь:—вдали рѣка. Смеркается). Лидинъ ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ.

Въ какія я тиски попался.... Напиши, да напиши.... ну что я напишу? Завтра нужно на сцену ставить.... а у меня еще ни одной строки не готово. Вотъ и въ лѣсѣ пришелъ.... думалъ, авось въ лѣсной тишинѣ фантазія хоть немножко разыграется.... ничуть не бывало!.... (осматривается) Экая глушь, подумаешь.... А вѣдь какъ тихо.... листокъ не шелхнется.... Ужъ правду сказать, ежели жить гдѣ Наядамъ и Сильванамъ—такъ это здѣсь.... такое укромное мѣстечко... (молчаніе) Однакожь, чтожь я стану дѣлать? Явиться съ пустыми руками — нельзя.... смѣяться стануть,—особенно эта быстроглазая.... Боже мой, хоть бы вы, Паны, Сильваны, силены, термы, Наяды, Ундины, хоть бы вы всѣмъ соборомъ пришли мнѣ на помощь.... И ты, Аполлонъ съ девятью сестрами своими, чѣмъ сидѣть молча и безъ дѣла на Олимпѣ, сойди ко мнѣ съ своего горячаго чертога, навѣй на меня звуки золотострунной лиры своей, дай мнѣ услышать ея серебрянный голосъ. (садится) Къ вамъ вызываю я.... жильцы Неба,

лѣсовъ, воздуха и волны... услышите вашего любимца... Сойдите къ нему всѣ, и въ его душу усталую и больную, навѣйте что нибудь изъ вашихъ таинственныхъ пѣсень (*слышна тихая музыка*). Что это за музыка... жилья здѣсь близко нѣтъ!... Неужели въ самомъ дѣлѣ призваніе мое имѣло какую нибудь силу... (*помолчавъ*) Дитя! Долго ли тебѣ быть ребенкомъ, долго ли быть игрушкою фантазій..... (*музыка становится слышнѣе*) Это уже не мечта... эти звуки... откуда они?.... какая серебряность въ нихъ..... сердце мое бьется такъ скоро... такимъ трепетнымъ, тоскливымъ ожиданьемъ.....

Горній духъ долины сей.

Духъ ли зла или лучей....

Ахерона мрачной силой,

Или перью легкокрылой....

Заклинаю я тебя,

Ктобъ ты ни былъ, принесися

И на голосъ мой явися....

Дивъ или Перн... выдь сюда.

(Музыка дѣлается еще громче и играетъ аккордами во все время интермедіи, и по мѣрѣ того, какъ она дѣлается слышнѣе, силы Лидина слабѣютъ).

Глупецъ!.... и я могъ надѣяться... но что дѣлается со мною... голова моя тяжелеетъ... всѣ члены какъ усталые, просятъ покоя..... (*ложится на скамью*)... Мнѣ... тяжело... я чувствую что... я... за... сы... паю (*засыпаетъ*).

(Молиія..... тихій громъ. Хоръ невидимыхъ духовъ):

Въ высь, на небо, съ лона свѣта

Принеслась моляба твоя.

Дума чистая поэта

И, какъ пламени струя,

Предъ престоломъ Всемогущимъ

Всеуслышана она,

На твою, молитву Сушимъ

Тебѣ помощь послана.

(На обвалѣ появляется Сильфида въ бѣломъ платьѣ. Она бросаетъ нѣсколько цвѣтовъ на Лидина.)

СИЛЬФИДА.

Легче воздуха и сновъ

Я слетѣла на твой зовъ

Изъ эфира и далѣ.

Недостойный сынъ земли....

Я Сильфида! Блескъ цвѣтовъ

Мнѣ одежда и покровъ.

Тамъ, гдѣ молніи растутъ—

Мнѣ жилище и пріютъ.

Но услышавши твой зовъ,

Я расторгла цѣпь оковъ,

Что къ землѣ тебя гнели,

Недостойный сынъ земли.

Наше счастье—утѣшать

Скорби, бѣдствія людей

И на зовъ ихъ прилетать

Въ моръ свѣта и лучей,

Въ душу ихъ блаженство влить,

И съ надеждой ихъ сроднить,

И навѣять радость имъ

Подъдуемъ неземнымъ.

На востокъ, на западъ, на сѣверъ, на югъ

Неситесь сюда на вѣтра крылахъ!

И мыслью дохните вы сыну земли..

(Из рючки является Ундина).

Ундина.

Я—Ундина! Подъ водою
Мнѣ жилище, тамъ моя
Безмятежною волною
Льется нѣга бытія.
Тамъ кристалльные чертоги
Изумрудами горятъ;
Нѣтъ ни горя, ни тревоги.....
Льется пѣсень чудный ладъ.....
Незнакомо горе міра....
Вѣтъ вѣчная весна.
Изъ коралла, изъ—порфира
Мнѣ обитель создана.
Но сестрицы—Сильфы! призванье
Я услышала—сюда—
Я явилась на свиданье,
Какъ падучая звѣзда.
Чего же ты хочешь, сестрица, скажи?"

(Саламандра выходитъ изъ улеса въ огонь).

Саламандръ.

Я Саламандръ! Мнѣ пища—огонь,
Мнѣ уголья—нѣга; изъ пламя—мой домъ..
Зарница—родня мнѣ; блудящій огонь—
Двоюродный братъ, лучъ молніи—конь.
Я пѣжусь, играю въ пучинахъ огня;
Волканы, какъ дѣвы, ласкаютъ меня;
Живу я далеко въ земной глубинѣ.....
Что дѣлать, Сильфида, прикажешь ты мнѣ?"

(Гномъ выходитъ изъ земли).

Гномъ я—младшій изъ духовъ;
Но, услышавъ Сильфы зовъ,
Я пришелъ теперь сюда....
Что прикажете?.... Куда?...

Сильфида.

Сестрицы и братцы! Вы знаете, долгъ нашъ
Желанья людей исполнять, когда тѣ желанья
Невинны и чисты. Вотъ смертный! Творца онъ его
молилъ

Сойти на него, послать вдохновенье,
Чтобъ смертному тоже, любимому имъ,
Пріятность доставить. И свято желанье его, угодно
Творцу:

И съ горнихъ высотъ я слышала голосъ: да будетъ!
И васъ созвала я, любезные братья!
Пусть всякій изъ васъ по силамъ своимъ, ему
удѣлитъ

Кто мысль, кто восторги, и кто бурную силу....
Чтобъ могъ онъ словами, земными словами
Все выразить въ стройной, чарующей пѣснѣ...

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Исполненъ наконецъ таинственный завѣтъ
И смертному сошло небесное видѣнье,
Безтѣлесный гость, какъ лучезарный свѣтъ.
Смирись предъ Промысломъ, сынъ праха и со-
мнѣнья!

Да будетъ! да будетъ! такъ сказано свыше,
И высшихъ глаголовъ нельзя измѣнить!
Пусть смертный узнаетъ святыя восторги,
И высшая сила его осѣнитъ.

(Вся поочередно подходят къ Лидину и кладутъ ему руки на голову. Сильфида дотрогивается до него жезломъ).

Сильфида.

Теперь пиши! Пусть вдохновенно слово,
Пусть вдохновеннымъ будетъ твой языкъ.
Пусть созданное тобою будетъ ново,
Твой трудъ прекрасенъ и великъ.

Вся исчезаютъ, музыка замолкаетъ. Лидинъ просыпается и вскакиваетъ мгновенно).

Л И Д И Н Ъ.

Постой, постой на минуту.... не улетай, чарующее видѣнье!.... Дай мнѣ насладиться еще очарованіемъ этого голоса, прелестію этого взгляда. Нѣтъ, она улетѣла.... Я остался одинъ....

Я на земль—на нивѣ слезъ....

Закрылся верхъ.... я житель низа,

Но ароматами небесъ

Моя благоухаетъ риза....

Да! я чувствую, что душа моя полна необъятныхъ помысловъ.... чудные образы тѣснятся въ ней....

Какой-то духъ меня пріосѣнилъ

Таинственной, святою благодатью;

Слѣды его нездѣшнихъ крылъ

На мнѣ горятъ священною печатью....

И духъ мой полонъ... онъ живетъ

Святою мыслью обновленья....

Съ души слетѣлъ тяжелый гнетъ

Недоумный и сомнѣнья....

Я жизнью новою живу,
Духъ полонъ дивной благодати,
И вдохновеній свѣтлыхъ рати
Со мной теперь и на яву....

Скорѣе въ слова, скорѣе въ звуки!.... Новая, невѣдомая сила одушевляетъ меня! Писать, писать, писать.... (убѣгаетъ).

Благодѣтельная бабушка.

Это было, ежели не ошибаюсь, въ 1816 или 1817 годахъ. Мнѣ было тогда шесть или семь лѣтъ отъ роду. Жили мы въ деревнѣ. Семья наша состояла изъ отца, его сестры, а нашей тетки, воспитанницы Смольнаго монастыря перваго выпуска, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, оставшейся такою же смѣшно-наивною дѣвочкою, какою была въ пятнадцать, и насъ многихъ братьевъ и одной сестры, изъ которыхъ остались въ живыхъ теперь только одинъ я...

Отецъ нашъ, исполнившій долгъ свой передъ отечествомъ, сперва въ знаменитомъ Архаровскомъ полку, потомъ уѣзднымъ судьей и наконецъ предводителемъ дворянства въ отечественную войну 1812 года, а за тѣмъ проживавшій въ деревнѣ въ отставку, обремененный, какъ выше сказано, большимъ семействомъ, при незначительномъ состояніи—жилъ бѣдно. У него было много тетокъ, Нестеровыхъ,—сестеръ его матери; изъ которыхъ онъ зналъ и хоть изрѣдка видался съ ними,—а другихъ не зналъ вовсе; въ числѣ такихъ была одна Александра Николаевна Нестерова, жившая въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской гу-

берніи, о которой отецъ слыхалъ только, что она женщина богатая и живетъ безвыѣздно въ деревнѣ.

Эти мои бабушки, изъ которыхъ я зналъ семь или восемь, заслуживаютъ того, чтобъ объ нихъ сказать нѣсколько словъ. Всѣ онѣ были старыя дѣвы (замужнихъ, кажется, только и было двѣ), всѣ огромнаго роста, худы какъ скелеты и всѣ померли чахоткою, едва ли не на восьмидесятыхъ годахъ жизни. Не смотря на то, что въ молодости онѣ ѣзжали во дворецъ и были въ родствѣ съ лучшими семействами въ Имперіи, выражались онѣ иногда такъ рельефно, что пынче горшечная и не слишкомъ высококаго полета, и та не будетъ выражаться такъ, ради неприличія,—и когда говорили, то вытягивали руки и представляли ладони впередъ, какъ будто кого-то отталкивали. Это была семейная привычка, которая перешла даже на одного изъ племянниковъ ихъ, а нашего дядю, Ивана Ивановича Коробьина.

То, что я хочу рассказать теперь, случилось лѣтомъ. Деревня, въ которой мы жили, стояла на проселочной дорогѣ, проходившей мимо воротъ дома. Съ мезонина, въ которомъ была наша дѣтская, видъ открывался на довольно большое пространство, такъ что съ верхняго балкона можно было видѣть далеко, когда кто-нибудь ѣхалъ по дорогѣ къ нашей усадьбѣ.

Въ одно прекрасное послѣобѣденное время, часовъ эдакъ въ пять дня, когда мы всѣ, братья, сидѣли на верхнемъ балконѣ, а батюшка, какъ завзятый садоводъ, (еще въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался при графѣ Ангальтѣ, получившій какую-то садовую книгу съ большимъ золотымъ орломъ на переплетѣ, за успѣхи по садоводству), находился въ саду, тетка же, занимавшаяся у насъ въ домѣ хозяйствомъ, возилась съ чѣмъ-то въ своей комнатѣ,—вдругъ мы услышали вдали колокольчикъ, а за-

тѣмъ увидали вдали какую-то большую, черную, движущуюся массу.

Кто живаль въ деревенской глуши, тотъ знаетъ, что такое значить тамъ колокольчикъ. Это цѣлая поэма удовольствія, ежели прїѣзжаютъ люди прїятные, и наоборотъ—эпоха страданія и принужденія, ежели васъ вздумали посѣтить люди несочувственные. Такъ какъ по этой дорогѣ, кромѣ насъ, прїѣхать было не кому, то мы и поняли, что колокольчикъ и большая, черная движущаяся масса, направляется ни къ кому иному, какъ къ намъ, и, съ замираніемъ сердца, ожидали развязки, тѣмъ болѣе, что мы не слыхали отъ отца, чтобъ онъ кого-нибудь ждалъ. При нашей скромной, почти уединенной жизни, зависящей отчасти и отъ недостаточности средствъ, а частью и отъ того, что отецъ нашъ не любилъ шума, въ карты не игралъ, и велъ жизнь семейную, занимаясь преимущественно сельскимъ хозяйствомъ и садами, которыхъ у насъ было два, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, подъ названіемъ стараго и молодого, а также оранжерей съ теплицами. Пока я все это вамъ рассказывалъ, читатель, зови колокольчика и большая, черная движущаяся масса, приближались болѣе и болѣе, колокольчикъ заливался ближе и ближе, и наконецъ мы могли уже разсмотрѣть, что черная масса есть ничто иное, какъ двухмѣстная карета, запряженная шестеркой лошадей. Кареты въ то время были только у самыхъ богатыхъ людей, поэтому наше дѣтское вниманіе было этимъ заинтересовано, какъ нельзя болѣе.... Вотъ карета миновала околицу, поправилась съ рѣшеткой передъ домомъ и начала заворачивать къ намъ на дворъ. Мы, дѣти, бросились внизъ посмотрѣть поскорѣе, кого это Богъ намъ даетъ такъ неожиданно. Пока сбѣжали съ лѣстницы и достигли передней, карета уже стояла у подъѣзда и изъ нея высажива-

лась высокая, худая, старая барыня, которую два лакея ввели въ переднюю подъ руки... Вздвараженная неожиданнѣмъ появленіемъ кареты у насъ на дворъ, дворянница бросилась за отцемъ въ садъ, и когда онъ, торопливо вбѣжавъ въ домъ, встрѣтилъ незнакомую барыню въ залѣ, гдѣ она еще раскутывалась, не смотря на лѣтнюю теплоту, съ вопросомъ:—чему онъ обязанъ ей посѣщеніемъ? Она безъ обиняковъ и безъ всякихъ предисловій отвѣчала:

— Я—твоя тетка, Александра Николаевна Нестерова; узнала, что у тебя большое семейство, а состояніе не-большое, и прїѣхала отдать тебѣ мое имѣніе.

Можете себѣ представить какое, послѣ такого вступленія, послѣдовало чествованіе драгоценной тетушкѣ. Все, что только можно было придумать по чувствительной и съѣстной частямъ, было пущено въ ходъ. Но бабушка была не изъ чувствительныхъ, пронять ее этимъ было трудно. Не смотря на всѣ ухаживанія, она, проживши три дня, начала скучать и объявила, что ей пора вхатъ домой и чтобъ отецъ вхалъ съ нею въ Рязань, гдѣ въ гражданской палатѣ, она совершить дарственную записъ на все имѣніе, какое у пей есть. Руководителемъ ея по части совершенія актовъ, „ея адвокатъ“ говоря по нынѣшнему, былъ ея крѣпостной человѣкъ, Сергѣй Осиповъ. Это былъ въ своемъ родѣ тоже рѣдкій экземпляръ и очень сбивался на Осипа Степановича, батюшкинова крѣпостнаго, соединявшаго въ одномъ лицѣ и нашего дядьку, и земскаго, то есть лицо, записывавшее ежедневный расходъ и приходъ по дому. Осипъ Степановичъ любопытный господинъ: единственный грамотный въ деревнѣ, онъ вслѣдствіе этого считалъ себя существомъ особаго рода; слылъ великимъ умникомъ и грамотѣмъ, что и давало ему, вѣроятно, основаніе, особенно когда

онъ былъ пьянъ, что бывало перѣдко, называть насъ, дѣтей, „Эпикурами“. Что означало на его языкѣ „Эпикуры“, я рѣшить не берусь, увѣренный, что Осипъ Степановичъ и самъ не понималъ значенія этого слова, которое онъ, вѣроятно, вычиталъ или слышалъ, какъ нибудь случайно.

Интересно было видѣть его ежедневную тетрадку, въ которой онъ записывалъ расходъ. Я, какъ теперь, вижу эту тетрадку, въ которой помню слѣдующія рубрики: „свинымъ напасыпку; лошадямъ сваймъ“, а на оберткѣ: 10080017 годъ, что, по орфографіи Осипа Степановича, значило: 1817 годъ. Нельзя безъ смѣха было слышать его расчеты съ отцомъ по окончаніи года, когда надо было свести балансъ прихода съ расходомъ. Не смотря на небольшое, сравнительно, отцовское деревенское хозяйство, вслѣдствіе манеры Осипа Степановича писать тысячи отдѣльно, сотни отдѣльно, десятки отдѣльно и единицы отдѣльно,—у него въ итогахъ оказывались такіа громадныя цифры, что страшно становилось. Напримѣръ, надо было написать, что овса было намолочено 450 четвертей; Осипъ Степановичъ писалъ сперва 400, потомъ 50 и наконецъ 5, такъ что цифра выходила въ четыреста тысячъ пятьсотъ пять четвертей—(400.505), то есть, такая цифра овса, которой не только у отца въ его рязанской усадьбѣ, состоящей всего изъ двадцати пяти ревизскихъ душъ, но и во всемъ Зарайскомъ уѣздѣ, врядъ ли когда было урожая въ одинъ годъ.

Я сказалъ выше, что Сергій Осипычъ, адвокатъ-лакей бабушки, былъ въ родѣ нашего Осипа Степановича. Представьте себѣ маленькаго и худаго человѣчка, у котораго вмѣсто носа была какая то пуговка, щечки всегда румяныя, вслѣдствіе того что онъ всегда былъ въ полъпьяна и носившаго поэтому свой особый запахъ, смѣсь водки и нюхательнаго табаку, которымъ усыпанъ

былъ его синій, полуистертый суконный сюртукъ. Говорилъ онъ по книжному, какъ говорятъ семинаристы, на о, и это не потому, что родился въ такой губерніи, въ которой говорятъ все на о, но потому, что такое произношеніе признавалъ необходимою принадлежностью чловѣка грамотнаго; особенное удареніе дѣлалъ онъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ была двойная литера *р* и *с*. Необыкновенно смѣшно выговаривалъ онъ слово: казенная палата.

Бабушка наша была безграмотная, какъ и большая часть ея сестеръ, и потому безусловно вѣрила въ высокія, грамотныя способности своего Сергѣя Осиповича. Онъ былъ ея руководителемъ во всехъ случаяхъ письменнаго дѣла. Онъ ей писалъ письма, когда ей было это нужно, въ концѣ которыхъ она, вмѣсто подписи, ставила *А. Н.*, но и эти буквы она списывала съ оригинала, который начертывалъ ей Сергѣй Осиповичъ, и глумился надъ ней, когда она ошибалась, копируя.

Въ Рязани бабушка совершила дарственные акты, которыми передавала отцу: двѣсти душъ въ Тамбовской губерніи, съ двумя тысячами десятинами земли, доставшіяся мнѣ съ братомъ послѣ смерти отца, которыя мы продали, раздѣливъ поровну,—онъ за сто двадцать тысячъ, а я—за сто восемь тысячъ ассигн.; сто двадцать душъ въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи съ барской усадьбой, въ которой жила она сама, съ шестьюстами десятинами земли, бабушка отдала моей малолѣтней сестрѣ, передавъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ Богородицы, говоря, что деревня принадлежитъ къ этому образу и что тотъ, кто владѣетъ образомъ долженъ непременно владѣть и деревней, и наконецъ съ чѣмъ-то сто душъ, съ пятьюстами десятинами земли, въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, которыя она сначала было отдала своему племяннику, по мужскому колѣну, С. Н. Нес-

терову, но такъ какъ онъ это имѣніе заложилъ, то она его выкупила и, разсердившись, какъ сказано, отдала нашему отцу, племяннику по женскому колѣну.

Этотъ нашъ двоюродный дядя, С. Н. Нестеровъ,—лицо до того курьезное, что на пемъ стоитъ остановиться. Онъ жилъ въ деревнѣ, въ Веневскомъ уѣздѣ Тульской губерніи; былъ старый холостякъ, имѣлъ гаремъ изъ семи или осьми дѣвокъ,—которыя были у него постоянно на заперти, такъ что не выходили на свѣтъ Божій даже для естественной надобности,—для этого подъ поломъ ихъ комнаты, примыкавшей къ барскому дому, было устроено особое приспособленіе, куда спускались по лѣстницѣ. Окна этого гарема были отъ земли довольно высоко, и горе тому дворовому, который, проходя мимо, осмѣливался поднять глаза на эти окна: молодого ожидала отдача въ солдаты; а старого—розги на конюшнѣ. Независимо отъ гарема, крестьянскія бабы наряжались по очереди въ кухарки къ дворнѣ, и каждая изъ нихъ должна была по очередно принадлежать барину въ теченіи дня. Развратъ вслѣдствіе этого въ деревнѣ у него былъ страшный. Когда у него бывали праздники, для сосѣдей—помѣщиковъ и приказныхъ изъ Венева, въ саду при иллюминаціи плошками, на пьедесталахъ вмѣсто мраморныхъ нимфъ и богинь, ставились голыя бабы и дѣвки..... и это, какъ слышно, ихъ нисколько не скандализировало.

Для характеристики моего почтеннаго дядюшки, не лишнимъ считаю рассказать слѣдующій случай, по моему лучше всего обрисовывающій его характеръ, взгляды на вещи и время, когда онъ могъ совершить безнаказанно свои проделки, которыя подъ часъ были до того отвратительны, что ежели бы ихъ описывать теперь, то имъ никто бы не повѣрилъ.

Когда мы, при жизни еще отца и съ его желанія, раз-

дѣлили имѣніе,—брату моему, Алексѣю, бывшему впоследствии рязанскимъ губернскимъ предводителемъ, досталось имѣніе въ Зарайскомъ уѣздѣ. Такъ какъ слышно было, что дядя Нестеровъ дуется на нашего отца за то, что это имѣніе перешло къ нему, тогда какъ прежде оно принадлежало дядѣ и по тогдашнимъ законамъ должно было преимущественно достаться ему, какъ племяннику по мужскому колѣну, а нашъ отецъ племянникъ по женскому, то брату и пришла фантазія примирить дядю съ отцемъ. Для этого онъ поѣхалъ къ нему въ деревню. Дядя принялъ его очень хорошо, и согласно общей привычки всѣхъ помѣщиковъ хвастаться своимъ хозяйствомъ, повезъ его въ коляскѣ показывать поля. На несчастіе дорогою попалась имъ какая-то крестьянская женщина, и братъ, можетъ быть случайно, а можетъ быть и по совершенно естественному чувству, взглянулъ на нее, продолжая между тѣмъ начатый разговоръ.

Тогда дядя вдругъ остановилъ его и, положивъ свою руку ему на колѣно, сказалъ:

— Алексѣй Васильевичъ! Вы меня обидѣли.

— Что дядюшка? вскричалъ мой братъ, удивленный такой неожиданностію и пустился было увѣрять его въ своей преданности.

Дядя снова остановилъ его.

— Вы взглянули сейчасъ на проходившую женщину. Никогда въ моемъ присутствіи не смотрите ни на какую женщину; я считаю это себя обидой.

Ну, конечно, съ тѣхъ поръ братъ былъ осторожнѣе и ужъ, конечно, не позволялъ себѣ оскорблять такого легко оскорбляющагося дядюшку.

Чтобъ воротиться къ предмету моего разсказа, я прибавлю, что двѣ тысячи десятины, которыя мы съ братомъ продали за двѣсти двадцать тысячъ руб. ассигн., въ цар-

ствование Императрицы Екатерины II, были взяты из казны по 1 рублю ассигн. за десятину отцом бабушки. Земля эта была в семнадцати верстах от Тамбова по липецкой дороге. В числѣ двухъ тысячъ было семь сотъ десятинъ степи, то есть двѣственной, съ сотворенія міра не тронутой земли, изъ которыхъ пятьсотъ десятинъ, мы съ братомъ отдали въ аренду на два года, по 50 рублей за десятину и взяли двадцать пять тысячъ рублей, сверхъ тѣхъ двухъсотъ двадцати осьми тысячъ, за которыя имѣніе было продано. Такимъ образомъ десятина земли, въ половинѣ прошлаго столѣтія стоившая 1 рубль, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго, стоила уже сто двадцать два рубля, а теперь до трехъ сотъ пятидесяти рублей ассиг.

Бабушка Александра Николаевна, такъ великодушно и неожиданно наградившая насъ четырьмястами слишкомъ душъ и свыше нежели тремя тысячами пятьюстами десятинами земли, была бы въ настоящее время лицомъ чрезвычайно оригинальнымъ; тогда же она исчезала въ тысячѣ ей подобныхъ. Какъ выше сказано, грамотъ она не знала и потому книгъ въ домѣ, конечно, не было; единственное, что у ней было по части изящныхъ искусствъ—это висѣвшія въ гостиной, изображенія двухъ китайскихъ женщинъ, во весь ростъ, китайской живописи, на чрезвычайно тонкой бумагѣ, въ золоченыхъ узенькихъ рамкахъ. Бабушка никогда никуда не выѣзжала, сидѣла обыкновенно въ своей спальнѣ, около лежанки, на диванѣ, безъ спинки, покрытомъ лиловымъ ситцемъ; на немъ она обѣдала,—на немъ иногда и спала, ежели это случалось въ незаконное время, для законнаго же у ней въ той же комнатѣ, стояла кровать подъ высокимъ четырехъугольнымъ пологомъ. Пологъ этотъ былъ въ родѣ маленькой комнатки съ верхомъ и боками, тщательно задерну-

тыми, для того, чтобъ какая нибудь муха не могла туда проникнуть. На диванѣ своемъ она сидѣла цѣлый день, не вставая; даже въ садъ не выходила почти никогда; изрѣдка переходила въ гостиную и садилась подъ окно, изъ котораго видъ былъ на большой лугъ, съ небольшою сажалкой, т. е., прудомъ, замыкавшейся двумя тощими березовыми рошницами. Единственнымъ и почти каждодневнымъ занятіемъ ее было приготовленіе кушаній, которыя потомъ довершались поваромъ на кухнѣ.

Попробуемъ изобразить ея разговоры съ поваромъ по этому случаю.

По утру, часовъ около осьми зимою и часовъ въ семь лѣтомъ, приходилъ къ ней поваръ, раскладывалъ руки по квартирамъ, и спрашивалъ, что прикажетъ она готовить къ обѣду.

— Свари кислые щи, положи говядины и свинины, а ежели капуста очень кисла, то вымочи ее. Слышишь?

— Слушаю-съ! отвѣчалъ онъ во весь голосъ, такъ какъ бабушка была глуха, и съ нею нужно было кричать во всю мочь, чтобъ она слышала.

— Ежели капуста будетъ очень кисла, то я тебѣ голову проломлю. Слышишь?

— Слушаю-съ!

— Потомъ сдѣлай просенка подъ хвѣномъ и залей его желеемъ. Только смотри, чтобъ онъ не былъ сыръ..... Слышишь?

— Слушаю-съ!

— А будетъ сыръ, то я тебѣ голову проломлю. Слышишь?

— Слушаю-съ!

За тѣмъ слѣдовали другія кушанья, съ непремѣннымъ къ каждому припѣвомъ: Слышишь? слушаю-съ! и „я тебѣ голову проломлю“, на которое поваръ тоже долженъ былъ

отвѣчать—слушаю-съ! Если же онъ не отвѣчалъ, то она опять повторяла, что проломить ему голову, и это до тѣхъ поръ, пока онъ не отвѣтитъ непремѣннымъ: слушаю-съ.

Не смотря на эти каждодневныя и постоянныя угрозы проломить голову, она была добрая женщина, и крѣпостнымъ у ней житье было хорошее, особенно любимицамъ ея, дочерямъ управляющаго, тоже крѣпостнаго Петра Ивановича, значившаго въ имѣніи и въ домѣ больше, нежели она сама. Изъ дочерей его старшая была выдана за соседа помѣщика, верстахъ въ трехъ отъ бабушки, у котораго я въ первый разъ въ жизни увидалъ Наполеона въ бочкѣ, и Коленкура въ чепчикѣ и женской кофтѣ, на запяткахъ, удирающихъ изъ Россіи; мужика долбилу и другія подобнаго рода картинки патріотическаго содержанія. За ней въ приданое дано было нѣсколько семей крестьянъ; другую дочь она выдала за какого-то чиновника въ Спаскѣ. Эту другую—очень длинную и худую, бывшій у меня лакеемъ, Степанъ, называлъ казацкимъ дротикомъ. Она такъ визжала, когда пѣла пѣсни, что въ ушахъ звенѣло. Непремѣнную принадлежность бабушкиной спальни составляла еще дѣвочка лѣтъ семи, сидѣвшая около нея на деревянной, низенькой скамеечкѣ и постоянно вязавшая чулки.

Каждое послѣ обѣда, между ними происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Что ты нынче ѣла, Катка?...

Тоненькимъ, съ всевозможнымъ напряженіемъ, чтобъ барыня могла ее слышать, дѣтскимъ голоскомъ, дѣвочка отвѣчала:

— Сиси.

— Что?

Дѣвочка кричала еще громче:

— Сиси!

Это означало: щи.

— Еще что?

— Касю....

Приготовленіе пирожнаго бабушка обыкновенно предоставляла себѣ. Чаще всего, особенно когда мы гостили у ней, готовился блинчатый пирогъ. Для этого приносились изъ кухни блинчики, кастрюли, варенье, сахаръ, изюмъ, коринка....

Она сама укладывала рядъ блинчиковъ въ кастрюлю-перекладывала вареньемъ, пересыпала сахаромъ, затѣмъ, опять рядъ блинчиковъ.... и такъ до конца.

Съ тѣхъ поръ и я научился дѣлать блинчатый пирогъ.

Года за два до смерти, съ ней случилось что-то необыкновенное. Умственнаго расстройства въ словахъ замѣтно не было, но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начала она вставать въ часъ ночи, обѣдать въ восемь часовъ утра, и ужинать въ двѣнадцать дня, послѣ чего и сама укладывалась спать на ночь, и требовала того же отъ своей женской прислуги. Когда же ей говорили, что еще день и что еще спать ложиться рано, она отвѣчала: „затворите ставни и будетъ ночь“. Для того, чтобъ быть увѣренной, что и вся дѣвичья (а дѣвокъ у ней было штукъ шесть), ложится вмѣстѣ съ нею, она клала ихъ всѣхъ у себя, въ спальнѣ, на полу, и при закрытыхъ ставняхъ, высовывала голову изъ за полога, чтобъ увѣриться, всѣ ли онѣ на своихъ мѣстахъ. Само собою разумѣется, что дѣвки сначала притворялись спящими, но какъ только она захрапѣла, всѣ на четверенькахъ выползутъ изъ комнаты.

Когда она умерла, отецъ нашъ оставшійся наследникомъ всего ея достоянія, отыскивая деньги, которыхъ у нея должно было быть навѣрное около тысячи пяти сотъ

рублей, такъ какъ ей только что привезли оброкъ въ этомъ количествѣ изъ Тамбовской деревни, нашель и эти деньги и еще другія, разложенными въ комодъ по чулкамъ, чайничкамъ, все въ разныхъ мѣстахъ и по немногу.... по всѣмъ вѣроятіямъ она и сама не знала, сколько у ней въ наличности бывало денегъ.

Тамбовское имѣніе я съ братомъ подѣлилъ поравну. Мы взяли съ небольшимъ по 100 душъ и по 1000 дес. земли; онъ выселился изъ деревни въ степь и взялъ на свою долю единственный лѣсокъ (осинникъ) десятины 2 или 3, а я остался въ деревнѣ и взялъ пруды. Пруды эти были огромные, запруженные по оврагу; длина ихъ была версты на три, если не болѣе; за то, кромѣ чахлаго сада, ни прута лѣсу. Пруды изобиловали рыбой. Однажды ко мнѣ въ имѣніе пріѣхалъ рыботорговецъ изъ Тамбова (17 верстъ). Я его послалъ къ управляющему, колонисту нѣмцу, и этотъ съ него запросилъ за одну тоню, т. е. одинъ разъ проташить неводомъ вдоль всего пруда, 100 р.

Рыботорговецъ находилъ это дорогимъ и пришелъ ко мнѣ, я отдалъ ему за 75 р. и признаюсь, очень жалѣлъ объ этомъ, потому, что не смотря на оторвавшуюся матию, вытащено было карасей и линей 3 воза верхомъ, да вдвое или втрое болѣе оставлено было на берегу за невозможностью увезти ее (у рыботорговца только было три подводы). Оставленная же на берегу на другое утро уже провоняла и въ употребленіе не годилась.

Имѣніе это я въ 1850 году продалъ, вслѣдствіе того, что сосѣдъ мой, Устинъ Ивановичъ Араповъ, отецъ бывшаго Московскаго оберъ-полицеймейстера, хотѣлъ великолѣпно угостить архіерея и для этого продалъ на срубъ лѣсъ. Какъ только онъ срубилъ этотъ лѣсъ—у меня пересталъ идти дождь. Тучи, тянувшіяся съ его лѣсу на лѣсъ позади меня, стали ходить мимо—засуха за засухой, а вслѣд

ствіе этого неурожаи, заставили меня продать имѣніе. Продалъ я за сто тысячъ ассигнаціями (28 тысячъ серебромъ) и на эти деньги купилъ изъ копейки въ копейку домъ, (на Цвѣтномъ бульварѣ. Это было въ 1852 году). Теперь этотъ домъ отданный въ аренду, даетъ арендатору 32 тысячи въ годъ, и цѣнится имъ самимъ не менѣе 200 тысячъ (гостинница Крымъ).

Отвѣтъ Лаверню.

Отвѣтъ Лаверню на статью его въ *Revue de deux mondes*, по поводу указовъ 2 марта 1864 года, о надѣлѣ крестьянъ землею въ Польшѣ.

Указы 2 марта произвели между панамъ чрезвычайное волненіе. Лавернь прямо называетъ это грабежомъ (споліацією).

А не знаетъ того г. Лавернь, что у нѣкоторыхъ пановъ были семейства крестьянъ или дворовыхъ, которые на прокормленіе себя съ семьею изъ 4, 5 душъ, имѣли по 4 грядки земли, за которыя они обязаны были поголовно отработать еще одинъ день въ недѣлю, на барской землѣ. Къ довершенію зла, они не имѣли права перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, а должны были терпѣть, пока смерть не освобождала отъ этого голоднаго рабства. Помѣщики, сверхъ всего этого, были по праву гминными войтами, т. е. чѣмъ-то въ родѣ мирового судьи, съ исполнительною властью. Этого мало. Помѣщикъ имѣлъ право власть гминнаго войта, передать своему жонцу, т. е. управляющему, а этотъ разумѣется не клалъ охулки на руку, когда надо было тиранить людей (быдло, какъ

въ Польшѣ называли крестьянъ), или за неуспѣшность въ работѣ, или при взысканіи штрафовъ.

Мнѣ случалось покупать въ Варшавѣ лѣсъ на дрова (пиленыхъ дровъ въ Польшѣ нѣтъ) и слѣдствіемъ этого было то, что крестьянинъ, продавшій вамъ дерево и получившій отъ васъ деньги, цѣловалъ у васъ ноги, (и это не въ переносномъ смыслѣ, а буквально и когда вы его спрашивали: за что это такой почетъ? Онъ очень просто душно отвѣчалъ: а какъ же? Панъ ничего не вычелъ! Значить это былъ повсемѣстный обычай. Зналъ ли все это г. Лавернь, когда писалъ свою статью, или вдохновляющіе его польскіе паны въ Парижѣ, находили нужнымъ благоразумно объ этомъ умолчать. Вскорѣ послѣ назначенія меня редакторомъ Русскаго Варшавскаго Дневника, ко мнѣ пришелъ цензоръ печати въ Варшавѣ (впослѣдствіи сенаторъ) Павлищевъ и спросилъ меня: читалъ ли я въ *Revue de deux mondes* статью г. Лаверня, по поводу указовъ 2 марта (1864 года) о надѣлѣ въ Польшѣ крестьянъ землей и могу ли отвѣчать на нее? Я отвѣчалъ, что не читалъ и просилъ прислать книжку.

Онъ прислалъ мнѣ ее и я прочитавши отвѣчалъ: что будучи самъ землевладѣльцемъ и хорошо знакомый съ надѣленіемъ крестьянъ землею въ Россіи, могу отвѣчать г. Лаверню. Отвѣтъ мой былъ переведенъ на польскій языкъ и напечатанъ въ польскомъ Варшавскомъ Дневникѣ (см. мѣсяцъ Русской Старины, стр. 536.) Вотъ этотъ отвѣтъ:

Панамъ, конечно, указы 2 марта были сильно не по нутру, они не только награждали крестьянъ землею, но и освобождали ихъ отъ рабства и зависимости пановъ, не могущихъ теперь посылать ихъ въ шайки — противопоставлять русскому оружію, что было равносильно концу возстанія.

Не будемъ строго осуждать г. Лаверня. Ему, какъ фран-

цузу, какъ публицисту, какъ человѣку мало знакомому съ бытомъ крестьянъ въ Польшѣ и совсѣмъ, что они до сихъ поръ терпѣли, свойственно ошибаться, — но въ чемъ мы можемъ и имѣемъ право осуждать его, такъ это въ томъ, что онъ начинаетъ писать, не изучивши предмета, который, чтобы знать основательно, мало еще быть членомъ института. Для того, чтобы не компрометтировать свое имя, мы бы посовѣтовали ему слушать друзей своихъ съ разборомъ и не писать всего, что они ему ни скажутъ, не провѣривши это хоть простымъ здравымъ смысломъ.

Экспедиція противъ указовъ 2 марта начинается тѣмъ, что г. Лавернь доказываетъ или силится доказать (хоть и безуспѣшно), что положеніе о землѣ, данной крестьянамъ, есть споліація и грабежъ. Хорошо! пусть это споліація и грабежъ, — ну, а земля отданная крестьянамъ въ имперіи — что это? тоже грабежъ по вашему? Не вы ли сами, господа французы, кричали на всѣ лады и на сколько было голосу, противъ крѣпостнаго состоянія, — называя его рабствомъ, эксплуатаціей человѣка человекомъ, — а теперь, когда эта эксплуатація кончилась и въ Россіи и въ Польшѣ, и русскіе помѣщики съ прекращеніемъ ея лишились значительной части земли своей, вы не кричите о споліаціи и грабежѣ, а начинаете этотъ крикъ касательно Польши, хотя въ ней только повторилось то, что сдѣлано въ Россіи. Или у васъ для Польши одни вѣсы, а для имперіи другіе. Или то, что справедливо въ Россіи, вамъ кажется несправедливымъ въ Польшѣ и на оборотъ. Или вы не видите, что вы сдѣлались игрушкою корыстныхъ совѣтовъ и внушеній, которымъ грустно и тяжело разстаться съ своими преступными надеждами; внушеніями людей, которымъ можетъ быть не такъ тяжело утратить землю, сколько тяжело привыкнуть къ мысли, что вліяніе ихъ на крестьянъ кончилось и что они по-

теряли теперь возможность вести крестьянъ на убой, какъ вели доселѣ, — вслѣдствіе того, что ежели крестьянинъ не пойдетъ туда, куда велитъ ему идти помѣщикъ, его ожидаетъ голодная смерть.

Вы французъ, г. Лавернь, слѣдственно въ васъ должно быть что нибудь рыцарское. Ради дружбы вы, вѣроятно, не захотите покривить совѣстью ежели захотите понять то, что я буду вамъ говорить, то конечно поймете, хоть вѣроятно и плохо знаете крестьянскій бытъ Польши, ежели только не будете спрашиваться у людей, которые заинтересованы въ томъ, чтобы ради своихъ выгодъ, а главное своихъ цѣлей, представить указъ 2 марта въ превратномъ видѣ и исказить благородную мысль русскаго правительства.

Можетъ быть вы, г. Лавернь, не знаете, что положеніе крестьянина въ Польшѣ, было доселѣ хуже, нежели невыносимо? Можетъ быть вы не знаете, что положеніе польскаго крестьянина, было въ тысячу разъ хуже положенія русскаго крестьянина не смотря на то, что тотъ былъ рабъ, — и хуже потому, что разорять послѣдняго помѣщику было не только не выгодно, но даже убыточно; тогда какъ польскому пану разорять крестьянина было двѣ выгоды: матеріальная, т. е. доходъ и нравственная т. е. рабское подчиненіе его своей волѣ. Скажутъ: рабства не было, слѣдственно крестьянинъ былъ воленъ переходить съ мѣста на мѣсто. Правда, — но развѣ работникъ на фабрикѣ при стачкѣ фабрикантовъ, не долженъ былъ, не видѣлъ себя въ необходимости работать за ту ничтожную плату, которую ему предлагалъ хозяинъ фабрики, — только бы не умереть съ голоду? развѣ вы не помните того, что говорила во время оно пресса, когда былъ поднятъ вопросъ о деспотизмѣ капитала надъ трудомъ? И что было потомъ? Развѣ не помните, что сдѣлали соб-

ственики — эта французская буржуазія, мечтавшая во время оно располагать тронами и судьбою царствъ, когда поднять былъ роковой вопросъ подь именемъ организаціи труда? Она задавила вопросъ, испугавшись его; она спря- талась передь нимъ, какъ передь тѣнью Банко.... а те- перь, благо дѣло идетъ о чужой землѣ и благо есть воз- можность полиберальничать на чужой счетъ—она, и вы Лавернь, вмѣстѣ съ нею, изъ кожи лѣзете, доказывая, что русское правительство ограбило польскихъ пановъ; и огра- било только потому, что подавленному и голодному крестъ- янину—дало кусокъ хлѣба, чтобъ онъ не умеръ съ голоду.

Ограбило! Да отъ чего-жъ русское дворянство не го- ворило, что оно ограблено, когда ему было объявлено, чтобъ оно отдало свои земли крестьянамъ? Развѣ право крѣпостнаго владѣнія землею, у русскихъ помѣщиковъ хуже, слабѣе права польскихъ помѣщиковъ? Отъ чего русское дворянство не кричало о споліаціи, а польское, изъ-за чужихъ спинъ, чужими устами кричить о споліа- ціи, о грабежѣ, о нарушеніи собственности. Чего-жъ бы вы хотѣли? Чтобы крестьяне остались пролетаріями и, вслѣдствіе голода, рабами владѣльца земли? Неужели фран- цузъ говорить это? Неужели вы, г. Лавернь, имя котора- го такъ извѣстно въ Россіи, попались на удочку и про- повѣдуете то, что по словамъ вашего же Императора, избранника 7 милліоновъ голосовъ, противно „забвен- нымъ правиламъ 1789 года“.

Вы говорите, что указы 2 марта, имѣютъ скорѣе по- литическій, нежели соціальный характеръ. Положимъ что да; такъ чтожъ изъ этого? Развѣ отъ этого благодѣ- тельная мѣра стала меньше или хуже? Развѣ Тотъ, кто освободилъ 25 милліоновъ рабовъ въ Имперіи, и осво- бодилъ ихъ не пролетаріями, какъ бы вы хотѣли это- го въ Польшѣ, могъ равнодушно видѣть нѣсколько

милліоновъ другихъ своихъ подданныхъ, притѣсненныхъ, задыхающихся подь тяжкимъ гнетомъ, и не захотѣлъ сдѣ- лать ихъ причастными тому благодѣянію, которое ока- залъ онъ своимъ подданнымъ въ Имперіи. Политическая ли, соціальная ли мѣра эта—останется великою благо- дѣтельною, и никакіе вопли не уменьшать ея значенія.

Не напрасно вы говорите, что положеніе крестьянъ въ Польшѣ совершенно отлично отъ положенія крестьянъ въ Россіи. Конечно отлично—въ Россіи они сравнительно пользовались несравненно большими удобствами жизни, нежели въ Польшѣ. Не смотря на это Царю-Освободите- лю показалось недостаточно освободить ихъ только лич- но; Онъ пожелалъ освободить ихъ не пролетаріями, — и вѣрное Престолу дворянство русское не остановилось передь исполненіемъ Его христіанской воли. Оно само, въ своихъ губернскихъ комитетахъ, признало, что осво- бодить крестьянъ безъ земли нельзя, и само назна- чило цифру надѣла землею. Отъ чего же польскіе паны, у которыхъ крестьянинъ былъ свободенъ такъ давно, не подумали сдѣлать это? Въ Россіи, съ освобожденіемъ крестьянина, помѣщикъ терялъ не землю только, но и цѣну рабочей силы, превышающей даже можетъ быть цѣну земли, однако не нашлось ни одного голоса, кото- рый бы сказалъ, что надо освободить крестьянъ безъ земли. Одни только безумные крики изъ Лондона тверди- ли, что вся земля принадлежала крестьянамъ. Это читали и смѣялись,—но не негодовали на правительство,—а те- перь, когда у польскихъ пановъ взяли часть земли для крестьянъ, сравнительно меньшую, противъ той, которая была взята у помѣщиковъ въ Имперіи, вы кричите о спо- ліаціи.

Свѣдѣнія, приводимыя въ статьѣ: la Pologne et les ukazes, положительны не вѣрны. Двѣнадцати дней въ го-

ду освобожденія отъ работы для крестьянъ не было нигдѣ, ежели они пользовались землею: можетъ быть это было тамъ, гдѣ не пользовались землею вовсе... т. е. они должны были работать 12 дней въ году за право дышать однимъ воздухомъ съ паномъ.—Хотя, по закону, крестьяне должны были работать три дня въ недѣлю, но вслѣдствіе злоупотребленій, они работали по большей части 4 и 5 дней въ недѣлю. Цѣна этакой работы далеко превышала цѣну земли, которою крестьяне пользовались. Указъ 2 марта, освободивши мужика отъ зависимости пана, чего нельзя было не сдѣлать въ виду политическихъ соображеній,—уравнивалъ только цѣну труда съ цѣною земли,—т. е. сдѣлалъ тоже самое, что сдѣлано въ Имперіи. Для Государя—съ этимъ вы вѣроятно согласитесь—все его подданные равны, что онъ сдѣлалъ для русскаго крестьянина, того онъ не могъ не сдѣлать для Польскаго; настаивавшій мятежь, показавшій всю язву, разъедающую польское общество, далъ только этому возможность и причину и показалъ всю необходимость произвести эту реформу *теперь*, не откладывая дальше.

Статья говоритъ что въ Польшѣ установился порядокъ вещей, хотя и странный, но все же лучше нежели русская сервитута. Это не правда. Я сказалъ выше, что въ Россіи для помѣщика была явная выгода, чтобы крестьянинъ его жилъ хорошо. Когда у крестьянина была хорошая лошадь, хорошія земледѣльческія орудія и крестьянинъ жилъ зажиточно,—помѣщикъ могъ быть увѣренъ, что и его земля будетъ обработана какъ слѣдуетъ и что еще важнѣе—обработана въ свое время. Самая патріархальность отношеній вела уже къ тому, что помѣщикъ берегъ крестьянина. Развѣ г. Лавернь не знаетъ, что были въ Имперіи—да не одинъ, не два и не пять, а десятки тысячъ крестьянъ помѣщичьихъ, которые имѣли

по нѣскольку десятковъ, а иногда и сотенъ тысячъ франковъ состоянія, и нѣсколько миллионовъ такихъ, которые жили безбѣдно, т. е. имѣли не только необходимое, но даже излишекъ,—и что наконецъ *все безъ исключенія* имѣли свои дома, своихъ лошадей, свой рогатой скотъ, свои орудія. Въ Польшѣ такихъ случаевъ не было и не могло быть. Тамъ, гдѣ по словамъ статьи, крестьяне могли договариваться съ владѣльцемъ о цѣнѣ земли, неминуемо возбуждался антагонизмъ: одинъ хотѣлъ нанять землю какъ можно дешевле; другой отдать какъ можно дороже. Такъ какъ съ одной стороны было богатство, образованіе, равнодушіе, стачка—съ другой—необходимость, крайность, невозможность нанять дешевле—то очень понятно, что крестьяне были со связанными руками въ полной зависимости у пановъ; рабами худшими, нежели невольники, потому что тѣхъ плантаторъ обязанъ былъ хоть кормить, а этихъ, въ голодный годъ, панъ и кормить былъ не обязанъ, а просто сгонялъ съ земли, ежели они не платили ему, назначенныхъ и вынужденныхъ необходимостію не умереть съ голоду, денегъ. Такъ какъ денегъ у крестьянъ не было, то и платилось за землю трудомъ—но какъ платилось? Ежелибъ законъ опредѣлилъ хоть максимумъ платы и оцѣнилъ всякую часть труда,—тогда, разумѣется, положеніе крестьянъ могло бы еще быть хоть сколько нибудь сносно,—но такъ какъ установленія эти дѣлались самими панами, безъ участія крестьянъ, да и наблюденіе за исполненіемъ возложено было на тѣхъ же пановъ, то и понятно, что крестьяне трудомъ платили далеко не то, что *дѣйствительно* стоилъ наемъ земли. Густое населеніе царства, все болѣе и болѣе возвышало цѣну этого *добровольнаго* найма, до того что хлопъ дѣлался вещью пана, его рабочимъ животнымъ, *быдломъ* какъ выражаются поляки, и вслѣдствіе

этого все болѣе и болѣе погрязающимъ въ своемъ добровольномъ рабствѣ.

Авторъ статьи самъ сознается что въ 1858 году предоставлено было обратить трудъ въ постоянную ренту, по взаимному согласію обѣихъ сторонъ и прибавляетъ, что это безусловно лучший законъ по этому предмету, этого Государя, которого увлекаютъ теперь къ мѣрамъ жестокимъ и преступнымъ. Ежели законъ былъ хорошъ, отчего-жъ паны не воспользовались имъ? А ежели воспользовались, то отчего эта рента была такъ высока, что превосходила силы крестьянина. Явно, что Государь ожидалъ отъ пановъ того же, чего ожидалъ отъ русскихъ помѣщиковъ и когда послѣдніе отозвались съ любовью на первый призывъ своего Государя, первые молчали и продолжали вести дѣла по прежнему. Надо было положить этому конецъ. Освободить забитаго, угнетеннаго холопа сдѣлалось необходимостію. А этого нельзя было иначе какъ надѣливши его землею, какъ въ Имперіи, по съ тою разницею, что тамъ рента третируется крестьяниномъ прямо съ помѣщикомъ, безъ участія правительства, какъ равноправный съ равноправнымъ, — а въ Польшѣ изъ опасенія новыхъ ухищреній, эта рента получается паномъ изъ рукъ Правительства, которое принимаетъ на себя расчеты съ крестьяниномъ.

Статья силится доказать всю благонамѣренность намѣреній земледѣльческаго общества, желавшаго дать крестьянину возможность выкупить землю—и по распоряженію Правительства распущеннаго въ 1861 году. А за что оно было распущено? Не за то ли, что заботилось улучшить положеніе крестьянъ? Ужъ конечно нѣтъ. Оно распущено за то, что создало изъ себя революціонный клубъ, гдѣ говорили не о хозяйствѣ, а объ открытомъ бунтѣ противъ Правительства; за то, что изъ среды его

выбранъ былъ главный революціонный комитетъ, сившійся стать на мѣсто законнаго Правительства; и началъ агитировать край. Вся кровь, пролитая теперь, все бѣдствія, обрушившіяся надъ краемъ потомъ—это его дѣло. Все слезы, вся нищета, тысячи жертвъ погибшихъ и высланныхъ—это его дѣло. И г. Лавернь, разыгрывающій незнающаго,—говоритъ, что за что общество распущено—неизвѣстно. Незвѣстно—кому? Можетъ быть вамъ, который нарочно не хотите знать и слышать то, что другіе знаютъ и слышать.

Вы дѣлаете слишкомъ много чести тайному комитету, какъ вы его называете (у насъ онъ называется подземнымъ народнымъ жондомъ) говоря, что указы 2 марта есть оппозиція постановленію этого комитета объ отдачѣ земель крестьянамъ, съ выкупомъ ея правительствомъ. Ну, а въ Россіи отдача земель крестьянамъ была тоже оппозиціей жонду? Ахъ, г. Лавернь! Умный вы человекъ, а говорите такія вещи. Чтожъ, по вашему—обеспечивши русскаго крестьянина Императоръ Александръ долженъ былъ равнодушно смотрѣть на пролетаріатъ Польскаго крестьянина; на угнетеніе его; на насильственное, голодомъ вынужденное принятіе участія въ революціи—и это все для того чтобъ угодить людямъ, чрезвычайно либеральнымъ, когда дѣло идетъ о чужомъ карманѣ.

Исчисляя все благодѣянія указа, г. Лавернь, старается выставить какъ новую споліацію,—отдачу крестьянамъ домовъ, въ которыхъ они жили. Да какъ же иначе? Развѣ не тоже самое было и въ Имперіи? И тамъ, дома крестьянъ, выстроенныя уже не фиктивно, но дѣйствительно помѣщиками, изъ ихъ собственнаго лѣса, пожалуй даже ихъ рабочими, потому что очень часто давались рабочіе изъ барщины, когда строящійся былъ одинокъ,—отданы крестьянамъ безвозмездно. Отчего-жъ въ

Россіи изъ 600.000 помѣщиковъ не нашлось ни одного Лаверня, который сталъ бы кричать противъ этого? Русскіе помѣщики нашли, что это справедливо; что домъ, въ которомъ человѣкъ жилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе —сдѣляется его собственностію; что выгонять мужика—этого бѣдняка, пожалуй даже нищаго, изъ его дома было бы безчеловѣчно,—и что лучше потерять что нибудь, нежели стать въ разладъ съ своею совѣстью. Ни одинъ, слышите ли г. Лавернь! ни одинъ помѣщикъ не захотѣлъ взять на себя подлости—выгнать крестьянина изъ его дома.

Г. Лавернь удивляется и какъ новое доказательство ограбленія Польскихъ помѣщиковъ, приводитъ постановленіе указа о томъ, что ежели на землѣ, отданной крестьянамъ, отыщется руда, каменоломни и проч., то и это тоже должно принадлежать крестьянамъ. Да какъ же иначе? Въ сводѣ Законовъ Россійской Имперіи прямо сказано: „ежели поверхность земли принадлежитъ кому либо, то и все, что въ ея нѣдрахъ, должно принадлежать ему же“. Русскіе иначе не понимаютъ собственности. Да и странно было бы понимать ее иначе. Это значило бы сказать крестьянамъ: „эта земля твоя, ежели ты не найдешь въ ней ничего хорошаго; ежели же найдешь, что нибудь такое, что имѣетъ цѣну, то она уже не твоя.“ Да это было бы просто безумство! Неужели г. Лавренъ не знаетъ извѣстнаго правила римскаго права: „прибавочное всегда уступаетъ главному. У всѣхъ народовъ, во всѣ времена, собственность не понималась иначе,—а г. Лавернь, хочетъ для Польши, изъ угожденія панамъ ея, создать какую то новую, небывалую собственность.

Нельзя исчислить всѣхъ попытокъ, которыми авторъ разбираемой нами статьи хочетъ унижить указы 2 мар-

та, для того чтобъ показать насиліе грабежа, совершеннаго этими указами. Онъ, какъ ужасную мѣру, приводить то, что крестьянинъ можетъ отказаться отъ обмѣна земель, прежде бывшаго, ежели этотъ обмѣнъ не облеченъ въ законный актъ.

По нашему мнѣнію, нѣтъ ничего справедливѣе этого. Прежній обмѣнъ могъ быть слѣдствіемъ насилія—надобно было уничтожить слѣды этого насилія—вотъ и все. Въ Имперіи точно также: не смотря на то, что при крѣпостномъ состояніи, все что принадлежало крестьянину, было собственностію помѣщика, потому что и онъ самъ принадлежалъ помѣщику—Указъ 19 февраля предоставилъ крестьянину право отыскивать свою землю, имъ самимъ пріобрѣтенную, и если онъ могъ доказать, что она его, дѣйствительно,—земля отдавалась и отдается ему не смотря на возраженіе помѣщика. Это дѣлалось при участіи совѣстнаго судьи, который въ этихъ случаяхъ призывается былъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и голосъ его былъ равенъ голосамъ всѣхъ другихъ членовъ. А совѣстный судья судилъ, ежели вы этого не знаете, даже не по буквѣ, а прямо по совѣсти, и для этого единственно и былъ избираемъ. Русское дворянство тоже не протестовало противъ этого. Оно нашло все это совершенно натуральнымъ и справедливымъ. Отъ чего же вы, г. Лавернь, хотите чтобъ Императоръ, безпристрастный къ своимъ русскимъ подданнымъ, вдругъ сдѣлался пристрастнымъ въ пользу польскихъ пановъ, бунтовщиковъ противъ его законной власти? Неужели вы думаете, что русское дворянство не обидѣлось бы этимъ предпочтеніемъ въ пользу тѣхъ, которые на дарованныя имъ права, отвѣчали клятво-преступленіемъ и обманомъ.

Поднятый г. Лавренемъ вопросъ объ общинномъ вла-

дѣлѣн—есть вопросъ спорный. Въ Россіи община (коммуна) существовала издавна; она существуетъ и теперь. Она имѣетъ много неудобствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много выгодъ. Развѣ въ Англіи приходъ не есть коммуна? А при трехъ-полномъ хозяйствѣ въ Россіи она почти необходима. И напрасно вы, г. Лавернь, называете это коммунизмомъ! Происходитъ это отъ того, что зная, что значить коммунизмъ, вы не знаете что такое общинное (коммунное) владѣніе.... Поговорите объ этомъ съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ въ Парижѣ, разумѣется съ человекомъ, знающимъ хозяйство—и онъ вамъ объяснитъ, почему это общинное владѣніе во многихъ случаяхъ, не только не дурно, но даже необходимо, ибо замѣнить его нечѣмъ.

Точно такой же спорный вопросъ представляетъ споръ о хозяйствѣ въ большомъ и маломъ видѣ, (*grande et petite culture*). Это я думаю тоже, что и фабричный вопросъ: на большой фабрикѣ, произведеніе обходится дешевле, но за то барышъ рабочаго — меньше. Съ точки зрѣнія потребителя, надо поощрять большія фабрики и большія хозяйства, въ ущербъ малымъ; съ точки зрѣнія производителя, т. е. рабочаго, надо поощрять малые хозяйства, домашнія фабрички, уничтожать однимъ словомъ монополію капитала. Такъ какъ Русское правительство не любитъ вообще монополій, потому что находитъ ее выгодною для немногихъ, и вредною для многихъ,—то и понятно, что это отразилось въ указѣ 2 марта — и кажется вполне разумно.

Зная близко сельское хозяйство, г. Лавернь, самъ землевладѣлецъ и помѣщикъ душъ, я могу увѣрить васъ, что государство должно желать, чтобъ маленькія хозяйства процвѣтали, и что въ этомъ только и есть залогъ общаго благосостоянія. Надо, чтобъ всякій крестья-

нинъ имѣлъ возможность, не прокармливаясь только своими произведеніями, но и везти часть ихъ на рынокъ; чтобъ къ предметамъ необходимымъ для потребленія, или лучше прокормленія, прибавить еще и деньги, для улучшенія суммы своего благосостоянія. Но этого не будетъ никогда, до тѣхъ поръ, пока будетъ явное поощреніе большимъ хозяйствамъ.—Не стѣсня большихъ хозяйствъ, надо способствовать малымъ,—вотъ, по моему, цѣль и задача государственнаго хозяйства и дѣло хорошей администраціи, не во гнѣвъ вамъ, г. Лавернь, какъ видно, ратующемъ за преобладаніе капитала надъ трудомъ.

Весь параграфъ, на 216 стр. начинающійся словами: *la moitié des terres* и кончающійся: *comme la plus lucrative* есть просто наборъ словъ, въ которыхъ нельзя доискаться настоящаго смысла. Но за то можно отыскать, и даже съ преизбыткомъ, желаніе сказать что нибудь дурное противъ Указовъ. Хотите знать, что говоритъ этотъ параграфъ. Извольте—не смѣйтесь только. „Правительство дало крестьянамъ землю,—ну вы и думаете, что имъ отъ этого будетъ лучше—нѣтъ, хуже!“! потому, штука еще курьезнѣе: „вы думаете, что освобождая крестьянина, дѣлая его независимымъ, вы даете ему свободу—нѣтъ! вздоръ! вы дѣлаете его еще болѣе рабомъ, потому, что русское правительство заинтересовано въ томъ, чтобъ держать крестьянъ въ нищетѣ“. Давши крестьянамъ землю, сдѣлавши ихъ собственниками, и независимыми отъ произвола пановъ, правительство хочетъ держать ихъ въ нищетѣ! Ну, ужъ этого по пословицѣ, не хитрому уму не выдумать и въѣкъ. Чего ужъ было больше нищеты, какъ когда они были подъ властію пановъ, и правительство, которое *хочетъ ихъ нищеты, избавило ихъ отъ этой нищеты*. Это такая путаница, которую по пословицѣ: и самъ чортъ не разберетъ.

„Владѣльцы были заинтересованы въ томъ, чтобъ ввѣрять имъ (крестьянамъ) (contier) все болѣе и болѣе большія фермы“, говоритъ далѣе статья. Да чтожъ не ввѣряли? Кто имъ мѣшалъ? Они ввѣряли, но только не крестьянамъ а жидамъ, шляхтѣ, которые высасывали изъ крестьянъ, какъ пѣвки, послѣднюю кровь. Видно, что г. Лавернь писалъ съ чужихъ словъ, и былъ такъ неостороженъ, что повѣрилъ имъ вполнѣ.

„Управленіе сельскими обществами, далѣе продолжаетъ онъ, соотвѣтствовало общественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ края“. Вотъ то-то, что не соотвѣтствовало! Оно отвѣтствовало выгодамъ одного сословія — высшаго, но отнюдь не крестьянскаго. Выше мы видѣли, какимъ тяжелымъ гнетомъ лежала на крестьянствѣ власть пана, но этого еще мало—надобенъ былъ другой гнетъ, гнетъ административный, и онъ явился въ лицѣ Глиннаго войта, которымъ панъ былъ *по праву*. Власть Глиннаго войта, была почти безгранична. Онъ былъ и судья и администраторъ, то-есть полицейскій чиновникъ. Для крестьянина въ его тѣсномъ кругу дѣйствія онъ значить былъ все. Воображаю завидное положеніе крестьянина такой Глины, гдѣ его панъ былъ вмѣстѣ и хозяиномъ его и Глиннымъ войтомъ, имѣющимъ право и судить его и наказывать, ежели онъ не выполнялъ условій найма или работы. Я думаю, что цѣлый міръ знаетъ, какъ гибельно соединеніе въ одномъ лицѣ и власти судебной, и власти полицейской; объ этомъ писали и кричали на всѣ лады, а вы, г. Лавернь, французъ, передовая нація, какъ сами себя называете,—дозволяете себѣ говорить, что управленіе соотвѣтствовало условіямъ страны. Или вы не знали власти Глиннаго войта или знали, да лучше согласились взять на душу неправду, нежели не угодить пріятелю. Лучше покайтесь, что не знали, потому что мнѣ груст-

но бы было думать, что вы умышленно говорите неправду.

Но этого еще мало: помѣщикъ и войтъ, соединенный въ одномъ лицѣ, имѣлъ право передавать свое право войта кому хотѣлъ, и отбирать назадъ это право, когда вздумается. Разумѣется, что онъ эту власть свою передавалъ тому, кто былъ ему свой,—какомунибудь управляющему, арендатору, который изъ этой власти извлекалъ свои выгоды и матеріальныя и нравственныя. Разумѣется это было хорошо помѣщику, но каково было крестьянину, вынужденному такимъ образомъ, терпѣть два десятизма.... И это то вы, г. Лавернь, защищаете и противу уничтоженія этого-то подымается у васъ рука! Удивительно!

Вы удивляетесь, что изъ собраній выборныхъ, для выбора войта, будутъ исключены тѣ, которые состоятъ подъ надзоромъ полиціи. Значить по вашему надо было допустить всѣхъ безъ разбора. Отчего же при выборахъ депутатовъ или членовъ совѣтовъ, у васъ во Франціи такое страшное количество *incapacité*, не смотря на то, что существуетъ *suffrage universel*. Допускать въ собранія людей, явно противныхъ мнѣніямъ и желаніямъ правительства, было бы чистое безумство. У васъ, г. Лавернь, не только что не допускаютъ, но явно, публично, официально назначаютъ кого надо выбрать, позволяютъ надъ избирателями всякое давленіе,—и вы этимъ не скандализуетесь и вѣроятно находите, что это такъ и должно быть.

Желаніе русскаго правительства составить общія собранія Глины изъ однихъ крестьянъ и исключить изъ нихъ все, что побогаче и поумнѣе—явно! говорите вы. Ну да, явно. Что жъ тутъ вамъ не нравится? Крестьян-

ское управленіе выбирается для крестьянъ, они лучше знаютъ, кого имъ и что имъ нужно.

Допустить тѣхъ, которые и побогаче и пообразованнѣе, значить узаконить прежній порядокъ вещей; допустить враговъ правительства продолжать угнетать тѣхъ, которые привержены къ настоящему и законному правительству,—было бы больше нежели безуміе, послѣ всего того, что было. Довольно, русское правительство поцарствовало,—пора ему подумать—какъ оно это сдѣлало теперь,—объ угнетенныхъ; пора дать имъ возможность быть людьми, людьми самостоятельными — а не страдать подъ опекою людей неблагонамѣренныхъ, враговъ порядка, во имя личнаго преобладанія, личныхъ выгодъ. Образованіе не есть принадлежность одного какого нибудь сословія; не есть привиллегія; всѣ профессора нашихъ университетовъ или, по крайней мѣрѣ, большая часть вышли изъ низшаго сословія... и крестьяне, освобожденные отъ тяжелой зависимости, дадутъ своихъ представителей образованію. Если не освободить ихъ,—они навсегда останутся невѣждами, и образованными остались бы только одни дворяне, а вслѣдствіе этого, продолжалось бы то рабство, которое пора давно было уничтожить, для того, чтобъ образованіе сдѣлалось общимъ достояніемъ, а не привиллегіей извѣстнаго сословія, извѣстной касты.

Чрезвычайно забавно замѣчаніе автора, что русскіе не считаютъ себя иностранцами въ Польшѣ (ст. 223). Да конечно, не считаютъ и считать не должны. Развѣ Французы въ Эльзасѣ или Алжирѣ считаютъ себя иностранцами? а ужъ кажется чего бы меньше считать себя туземцемъ въ Африкѣ, другой части свѣта, и ужъ совершенно другого происхожденія... А поляки и русскіе развѣ не тѣ же славяне; развѣ не говорятъ однимъ языкомъ и ежели по несчастію, вѣра у нихъ не одна, то развѣ

это должно продолжать вѣчно ту бѣдственную, достойную всякаго сожалѣнія рознь, а со стороны Поляковъ ихъ ненависть, которая существуетъ у обоихъ народовъ.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Я знаю двухъ сестеръ!... но слова эти не даютъ понятія о двухъ прелестныхъ существахъ, похожихъ и непохожихъ другъ на друга до такой степени, что красота одной есть недостатокъ другой, и на оборотъ. — Да! это двѣ родныя сестры, хотя между ними лежитъ цѣлая вѣчность;—это небо и море—двѣ великія стихіи, равно прекрасныя, равно необъятныя въ красотѣ своей; равно отражающія себя взаимно другъ въ другъ. Посмотрите: видите ли тамъ вдали, небо съ какою любовью нагнулось къ морю, съ какою ласкою смотреть оно на него жемчужными глазами своими—и море, чувствительное къ этимъ взглядамъ и ласкамъ, шепчетъ ему свою нескончаемую пѣсню: пѣсню любви... И посмотрите—какъ вдали, тамъ на горизонтѣ, они слились въ одно непостижимо-прекрасное цѣлое... Небо, какъ кроткая, любящая невеста, одѣтая покрываломъ, усыпанымъ звѣздами, облокотилось на своего царственного друга, а этотъ другъ и голубить, и лелѣетъ ее, и усыпляетъ мелодією своихъ таинственныхъ пѣсенъ....

И когда наступить гроза... когда вѣтры вырвутся изъ

мрачной пещеры своей... когда громъ загрохочетъ надъ бездонною зыбью—посмотрите, какъ яро воздвигнутся они—обѣ сестры, въ дружномъ, мятежномъ согласіи. Яркія молніи блестятъ изъ глазъ одной; цѣлыя волны фосфорического свѣта сіяютъ на челѣ другой; нахмурится одна—и лоно другой сдѣлается чернѣе ночи. Дивный, могучій союзъ, который не пройдетъ съ вѣками...

Однажды была гроза и буря... Я увидѣлъ старшую сестру на берегу озера... длинная, бѣлая одежда покрывала ея нѣжныя члены... на головѣ покоился вѣнокъ изъ незабудокъ. Она лежала на камнѣ, поросшемъ мохомъ... въ рукѣ была лютня. Безмолвно смотрѣла она въ сѣдую даль, на вечерніе туманы, начинавшіе подыматься надъ озеромъ, прислушиваясь къ свисту вѣтра, къ завыванію бури, къ шуму лѣса, нависнувшаго надъ ней изумруднымъ покровомъ. Жадно слушала она таинственные звуки природы, для того, чтобъ послѣ передать ихъ людямъ въ своихъ чарующихъ пѣсняхъ. Я взглянулъ въ лицо ей—оно было блѣдно; на немъ ярко написана была цѣлая повесть затенныхъ страданій, тяжелыхъ думъ... но улыбка бродила однако на устахъ, какъ бы прося не вѣрить выраженію глазъ и остальнаго лица... Больно было смотрѣть на эту борьбу видимой радости и тайнаго горя, веселой улыбки и скрытыхъ слезъ... такъ больно, что и рассказать этого нельзя... И кого обманывала она—скажите мнѣ? Бога ли, который смотрѣлъ на нее съ такою любовью... Природу ли, которая хотѣла утѣшить ее своими дивными пѣснями...

Гроза прошла... воздухъ наполнился благоуханіемъ зелени, благовоніемъ цвѣтовъ; озеро, какъ зеркало, заснуло въ изумрудныхъ берегахъ своихъ; на небо выплылъ двурогій мѣсяцъ и серебрянымъ снопомъ упалъ на озеро... въ листьяхъ деревьъ запѣлъ соловей—и пѣснь его, какъ

волшебные аккорды золотой арфы, были грустны и торжественны среди этого ночного безмолвія. Она по прежнему лежала на камнѣ; по прежнему глядѣла въ туманную даль; по прежнему слушала... какъ будто ярья молніи, бороздившія за минуту до того небо, еще не смѣнились кроткимъ сіяніемъ мѣсяца; какъ будто шумъ бунтующихъ волнъ и рокоты грома не смѣнились пѣснью соловья... Безчувственность ли то была—или внутреннее созерцаніе... не знаю! Но она не боялась бури, потому что въ тѣ минуты, когда утесы содрогались и тряслись на основаніяхъ своихъ отъ раскатовъ громовыхъ; когда столѣтніе дубы гнулись подъ напоромъ сердитаго вѣтра и валы бунтующими рядами ложились у ногъ ея—лице ея было также покойно какъ теперь, при пѣсняхъ соловья, при дыханіи перелетнаго вѣтерка, приносящаго на себя влажное благовоніе ночи... И долго глядѣла она на озеро... и долго пѣлъ еще соловей свою любовную пѣсню... и тихо, тихо было въ созданіи, какъ будто бы какой ангелъ налегъ на него крыломъ своимъ... но когда соловей кончилъ и все смолкло, все уснуло подъ обаяніемъ этой дивной мелодіи—у ней на глазахъ сверкнули слезы... О чемъ онѣ? раскаяніе ли это обманутой жизни, не совершившихся надеждъ, утраченныхъ радостей, или то слезы сожалѣнія, тоскующаго о прошедшемъ—не знаю... я не узналъ этого, потому что въ ночномъ мракѣ, подъ сѣнію деревъ, я преклонился предъ ней, какъ преклоняются предъ свитымъ видѣніемъ и моими слезами старался искупить ея страданія...

— Неужели все прекрасное должно страдать здѣсь? спросилъ я самъ себя: ни во что не вѣрить, ничего не надѣяться?

Въ эту минуту лучъ мѣсяца, прорѣзавшійся внезапно сквозъ навѣсъ зелени, съ неизъяснимою любовью упалъ

на лице мое и въ тоже время зашелестѣли листья деревъ, какой-то неясный звукъ пронесся изъ-далека и мнѣ показалось, что и листья, и вѣтеръ шептали мнѣ таинственные слова:

— Любить, вѣрить, надѣяться...

И услыхавъ ихъ, я повергся на землю и въ жаркой молитвѣ принесъ благодареніе Всевышнему.

Младшую сестру я увидѣлъ на берегу моря, близъ большаго города. Она стояла на гранитной набережной... начинался приливъ... вѣтеръ игралъ ея волнистой одеждой... волны съ шепотомъ ложились у ногъ ея, какъ бы видя въ ней свою повелительницу. Поднявъ голову, съ закинутыми назадъ волосами, съ пылающимъ взглядомъ, глядѣла она въ даль,—какъ прорицательница древности, выпытывающая у природы и судьбы ихъ могучія тайны. Стройна какъ статуя древней Греціи, прекрасна какъ Тиціановская Венера, казалось, она повелѣвала стихіями... вызывала ихъ на борьбу... такъ гордъ, ясенъ и величественъ былъ взглядъ ея; такъ независимы, спокойны движенія, и это спокойствіе было спокойствіе силы, а не равнодушія. Сотни судовъ и кораблей летѣли на крыльяхъ вѣтра, въ чуждыя страны, за далекія моря... она слѣдила ихъ глазами съ одинаковымъ выраженіемъ... не одинъ изъ нихъ не проводила она участіемъ другаго, ни на одинъ изъ нихъ не палъ взоръ сожалѣнія. И зачѣмъ была она здѣсь, на морскомъ берегу, въ ночные часы, во время прилива? Ждала ли она кого съ далекой стороны на родину? Хотѣла ли первая броситься кому на шею, проплывшему океанъ для свиданія съ нею?... Нѣтъ! въ самобытности своей и красотѣ, она не любила никого: цѣлый городъ былъ у ногъ ея и улыбка на устахъ не перемѣнила своего значенія; люди коленно-преклонились передъ нею и она смотрѣла имъ въ глаза

такъ же ясно и покойно, какъ смотрѣла на море. Природа машила ее къ себѣ таинственностію лѣсовъ своихъ, пѣніемъ соловья, благоуханіемъ цвѣтовъ... она гордо смотрѣла на природу, какъ бы ожидая поклоненія, къ которому привыкла отъ людей... И все въ ней было красота, торжественность, сила...

Былъ балъ. Паркетъ, мраморъ, бархатъ, музыка, женщины, цвѣты, зелень,—вся обстановка его была богата, даже роскошна. Но среди всей этой роскоши, среди всего этого блеска, среди всей этой красоты,—какъ два многоцѣнные перла, сіяли двѣ сестры мои. Онѣ ходили рука въ рука—и все уступало дорогу имъ: такъ велико и сильно очарованіе красоты, гордой своей слабостію и силой; все преклонялось передъ ними,—такъ велико было въ нихъ сознаніе своего превосходства. Трудно было рѣшить, которая изъ нихъ лучше: лилія или роза. Въ первой,—все благоуханіе, все чувство, все гармонія, все прелесть; во второй,—все сила, все энергія, все любовь, все красота... Первая пробуждала въ васъ воспоминаніе первыхъ и поэтическихъ лѣтъ юности, таинственными встрѣчи, мелодіи арфы въ глуши сада, мечтательныя слезы, вдохновительныя ночи, далекую пѣсню рыбака надъ уснувшимъ озеромъ, шепотъ любви; другая выводила васъ на паркетъ гостинныхъ, пробуждала воспоминаніе страстныхъ словъ, огнедышащихъ взглядовъ, увлекающей музыки, роскошныхъ плечъ, или вдругъ перебрасывала въ средніе вѣка, въ міръ турнировъ, гдѣ предсѣдательствуетъ красавица и толпа рыцарей бьется на смерть, чтобъ заслужить одну ея улыбку; съ первой надо было говорить шепотомъ, потому-что шумъ свѣтской суеты оскорбилъ бы всю вдохновенность рѣчей ея; вторую невозможно было хвалить и восхищаться иначе какъ громко, въ порывахъ восторга, чтобъ цѣлый міръ при-

вести къ ея ногамъ.... Это были два Ангела: Ангель свѣта и Ангель жизни; двѣ буквы одного и того же слова, взаимно другъ друга дополняющія; два звука, составляющіе въ сліяніи одно стройное цѣлое; цѣлый міръ красоты, начавшійся въ одной и замкнутый въ другой, и въ этомъ мірѣ полная гамма звуковъ, существующихъ въ природѣ; все оттѣнки красокъ, заключенныхъ въ созданіи.... все слова, которыми люди изображаютъ молодость, вдохновеніе, грацію, красоту. Звѣзда утра, звѣзда ночи—вотъ вамъ ихъ сравненіе.

И когда я взглянулъ на нихъ пристальнѣе, когда разсмотрѣлъ томность и сіяніе глазъ, женственную и женскую красоту обѣихъ, когда уразумѣлъ значеніе обоихъ взглядовъ, когда увидѣлъ какъ одна оперлась на другую, чувствуя всю необходимость ея—и какъ другая, съ неизъяснимою любовью, смотря на нее, гордилась тѣмъ, что была ея опорой,—я сказалъ себѣ невольно:

— Вотъ двѣ сестры, которыя никогда бы не должны разлучаться!...

И теперь еще, друзья мои! я не знаю, которой отдать преимущество.... Посмотришь на одну—кажется такъ и бросился бы къ ней; посмотришь на другую—кажется не отошелъ бы отъ нея никогда. Да что жъ онѣ такое въ самомъ дѣлѣ? Въ чемъ заключена ихъ магнетическая сила?... Не знаю, не знаю!...

Однажды я спросилъ: какъ зовутъ обѣихъ сестеръ?... Мнѣ отвѣчали: старшую зовутъ: *Поэма*; младшую *Романъ*.

Москва въ 1823—30 году.

Отецъ привезъ меня въ Москву 1827 въ году. Москва тогда еще не оправилась послѣ пожара 1812 года; мы останавливались въ домѣ Нестеровыхъ (гдѣ теперь Лефортовская часть); начиная отъ этого дома, до самыхъ Красныхъ воротъ, вся Нѣмецкая слобода была еще обгорѣлая, кое-гдѣ торчали цѣлые дома, а по переулкамъ и того не было; при домѣ князя Голицына, Андрея Андреевича, въ переулкѣ, около церкви Петра и Павла, была обгорѣлая стѣна домашняго театра, гдѣ, вѣроятно, играли лакеи г. Голицына, хотя объ этомъ нигдѣ не значится въ описаніяхъ Москвы, тогда какъ Шаховскихъ, Каменскихъ и Ржевскихъ извѣстно намъ изъ „Горе отъ ума“. Знаю я, что эта стѣна театра существовала потому, что ѣздилъ постоянно этимъ переулкомъ изъ купленнаго отцомъ моимъ у Лавра Львовича Демидова дома, на Ольховцахъ, въ которомъ я и жилъ болѣе десяти лѣтъ сряду, посѣщая четыре года Университетъ, два года Сенатъ и девять лѣтъ Горное Правленіе. Въ этомъ же домѣ случилось со мной извѣстное приключеніе, разсказанное мною въ „Воспоминаніяхъ прошедшаго“, когда курица испугала меня такъ, какъ я никогда больше не пугался въ

жизни, ибо подъ вліяніемъ науки „числь природы“ Эг-кагаузена и „Мельмотъ скиталецъ“ Матюрена, думалъ, что нечистая сила пришла за моей грѣшной душой и готова накрыть меня своею дланью.—Кровь у меня застыла въ жилахъ, не смотря на то, что день былъ лѣтній, свѣтлый, солнечный, я слышалъ очень хорошо, что ко мнѣ приближается кто-то съ когтями; нужно было собрать послѣдній остатокъ силъ, и когда я наконецъ оборотился, съ досадою на самого себя увидалъ, что это была курица.

Въ началѣ 20-хъ годовъ театръ въ Москвѣ помѣщался въ домѣ Пашкова, гдѣ теперь зданіе Новаго университета. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь университетская церковь, была зрительная зала, а гдѣ алтарь, помѣщалась сцена. Впослѣдствіи домъ этотъ сгорѣлъ, и въ городѣ, а особенно въ сундучномъ ряду, гдѣ прежде продавались дешевыя гравированныя и лубочныя картинки—была въ большомъ ходу гравированная, конечно очень плохо, картинка, изображающая оберъ-полицеймейстера Шульгина, какъ онъ, впереди пожарной команды, несется на пожаръ, а внизу подпись: дѣйствіе пожарной команды во время пожара въ домѣ Пашкова.

Зала была небольшая, сцена еще меньше, но тѣмъ не менѣе на ней давались волшебныя оперы съ полетами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ (какъ тогда говорилось въ афишахъ). Давали 5 частей Русалки, Ильи Муромца и Христофора Колумба, въ которомъ для изображенія бушующаго моря, разстилалось во всю величину сцены голубоватое полотно, а подъ него клали людей, которые, и руками и ногами подымая во всѣхъ направленіяхъ это полотно, должны были изображать волны. На этой сценѣ я въ первый разъ увидѣлъ знаменитаго Мо-

Мочалова, который тогда отличался въ „Железной маскѣ“ и въ Дюсисовской передѣлкѣ „Отелло“. Значительно большую известность онъ приобрѣлъ, когда сцена была переведена въ нынѣшній большой Петровский театр, построенный въ 1824 году. Отстройка этого театра, произведенная полковникомъ Инженеровъ, напоминаетъ мнѣ архитектора Меньшикова, который даже днемъ боялся ходить мимо театра, говоря, что его утащатъ черти, которые тамъ живутъ; онъ обходилъ театр, какъ бы это далеко ни было и нисколько не тяготился этимъ, только бы избѣжать непріятныхъ встрѣчъ. Вѣра въ чертей была тогда очень распространена, — было много домовъ, про которые говорили, что въ нихъ живутъ черти, — первый изъ нихъ былъ домъ Зеркальниковъ, у Красныхъ воротъ, впоследствии купленный Стрекаловымъ, а у Стрекалова перекупленный Борисовскимъ. Мочаловъ игралъ Гамлета въ переводѣ Николая Полеваго. Онъ былъ такъ хорошъ въ Гамлетѣ, что барыни, позабывъ всякое приличіе, прыгали какъ сумасшедшія отъ восторга. Да и нельзя было не приходиться въ восторгъ, сидя въ первое представленіе Гамлета, въ послѣднемъ бенуарѣ къ сценѣ, т. е. почти на сценѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Макенина, обернутаго въ свѣрый демикотонъ и наблѣннаго мукой до того, что она сыпалась съ него, всегда игравшаго роль тѣни; при словахъ Мочалова: „Онъ идетъ!“ дѣлалось страшно, какъ будто дѣйствительно ждалось увидѣть загробнаго жителя. Голосъ Мочалова, былъ необыкновенно музыкаленъ. Мнѣ говорилъ Ленскій, известный переводчикъ водевилей, что онъ вмѣстѣ съ пожарными солдатами, наряжаемыми отъ полиціи для изображенія разбойниковъ въ известной трагедіи Шиллера, ходилъ лежать на сценѣ, осыпавый блохами отъ полицейскихъ, чтобъ только слушать музыку голоса Мочалова.

Я видѣлъ Гамлета на Парижской сценѣ, исполняемымъ Мекреади, котораго известный знатокъ въ искусствѣ, король Людовикъ Филиппъ, выписывалъ нарочно изъ Лондона, чтобы полюбоваться его игрою въ Шекспировскихъ пьесахъ, — видѣлъ Олериджа въ Парижѣ, видѣлъ нашего Каратыгина, и смѣло могу сказать, что все они были ниже Мочалова; я не видѣлъ въ Гамлетѣ Росси и слѣдственно не могу ставить параллеля между ними.

Начиная отъ угла Тверскихъ воротъ почти до самаго дома, занимаемаго теперь оберъ-полицеймейстеромъ, тянулся домъ Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова (бывшаго фаворита императрицы Екатерины II). Домъ этотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ отдѣльных домовъ съ промежутками, вытянутый въ линію по Тверскому бульвару, былъ раздѣленъ впоследствии, между четырьмя его сестрами, кажется и теперь еще принадлежитъ наследникамъ баронессы Корфъ и еще имѣетъ дощечку съ фамиліею баронессы.

Иванъ Николаевичъ по рассказамъ, былъ меценатъ итальянскихъ оперныхъ пѣвцовъ, которые у него имѣли даже пріютъ и лѣтомъ жила у него постоянно и въ Братцевѣ и на дачѣ, что теперь Эрмитажъ. Изъ знаменитой этой труппы я помню одного Замбони комика, кажется баритона.

Итальянская труппа играла въ домѣ Апраксина, что теперь военная гимназія на Знаменкѣ.

Въ домѣ этомъ послѣ первой холеры былъ учрежденъ холерный институтъ для дѣтей лицъ умершихъ холерою, а затѣмъ перешелъ въ военное вѣдомство. Домъ оберъ-полицеймейстера принадлежалъ прежде гг. Кологривовымъ, тамъ давались иногда публичные балы учителями танцевъ Югелемъ и Флягге.

Югель жилъ до глубокой старости; говорятъ, что онъ давалъ уроки, будучи уже 80 лѣтъ. Онъ переучилъ четыре поколѣнія.

Корсаковский садъ (теперь Эрмитажъ, пространствомъ въ нѣсколько тысячъ сажень, ежели не ошибаюсь 14 тысячъ) заключалъ въ себѣ деревянный одноэтажный домъ, отъ котораго шла широкая дорожка, по сторонамъ которой стояли мраморные бюсты русскихъ царей, начиная кажется съ Юрика. Домъ этотъ впоследствии принадлежалъ Любенкову, былъ имъ купленъ за 25000 р. ассигнац. и достался дочери его Хомяковой, мужъ которой продалъ его подъ улицы.

Мнѣ рассказывалъ мой товарищъ по Горному Правленію, двоюродный племянникъ Ивана Николаевича, Римскій-Корсаковъ же; сынъ его двоюроднаго брата Петра Александровича, объ образѣ жизни итальянцевъ въ Братцевѣ и я не могъ, въ тогдашнее скромное время, не подивиться той распушенности нравовъ, какая уже тогда существовала между артистами. Для ихъ житія былъ отведенъ особый флигель съ большимъ количествомъ комнатъ; но они предпочли жить еп сомпле. Они устроили свое спанье въ одной большой комнатѣ и, положивши на полъ матрацы, ложились спать вповалку, мужчины и женщины, не исключая и дѣвицъ, всѣ вмѣстѣ. Ночной горшокъ былъ одинъ для всѣхъ, желавшіе спустить физическую воду, безза стѣнчиво подходили къ нему и дѣлали свое дѣло, не обращая вниманія на то, что все это видѣли другіе.

Домъ, гдѣ теперь помѣщается правленіе IV округа Путь сообщенія (на Чистыхъ Прудахъ), былъ домъ Дуракова, тутъ же во время оно давались публичные балы. Вѣроятно тутъ когда нибудь случился какой нибудь скандалъ, потому что въ 1829 (кажется году) въ Московскихъ листкахъ, издаваемыхъ при Телескопъ Надеждина, помѣ-

щено было стихотвореніе „Пародія на „Бѣднаго пѣвца“ Жуковского гдѣ происшествіе совершается на Чистыхъ Прудахъ. Эта мѣстность упоминается какъ припѣвъ къ каждому куплету. Домъ, гдѣ теперь запасная аптека былъ домъ Пашковыхъ (а прежде этого, запасная аптека помѣщалась на Басманной, въ домъ Бостанджогло).

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Отъ автора	1
Картина рода Шереметьевыхъ	3
Какъ гибельны для молодыхъ женщинъ дурныя знакомства	5
Печальныя послѣдствія принужденія къ браку	22
Три встрѣчи и моя женитьба	97
Три замѣтныхъ личности	144
Советъ весьма полезный для тѣхъ, кто хочетъ быть	
покоенъ въ своей собственной комнатѣ	159
Прологъ	163
Благодѣтельная бабушка	170
Отвѣтъ Лаверию	184
Двѣ сестры	202
Москва въ 1823—30 году	208